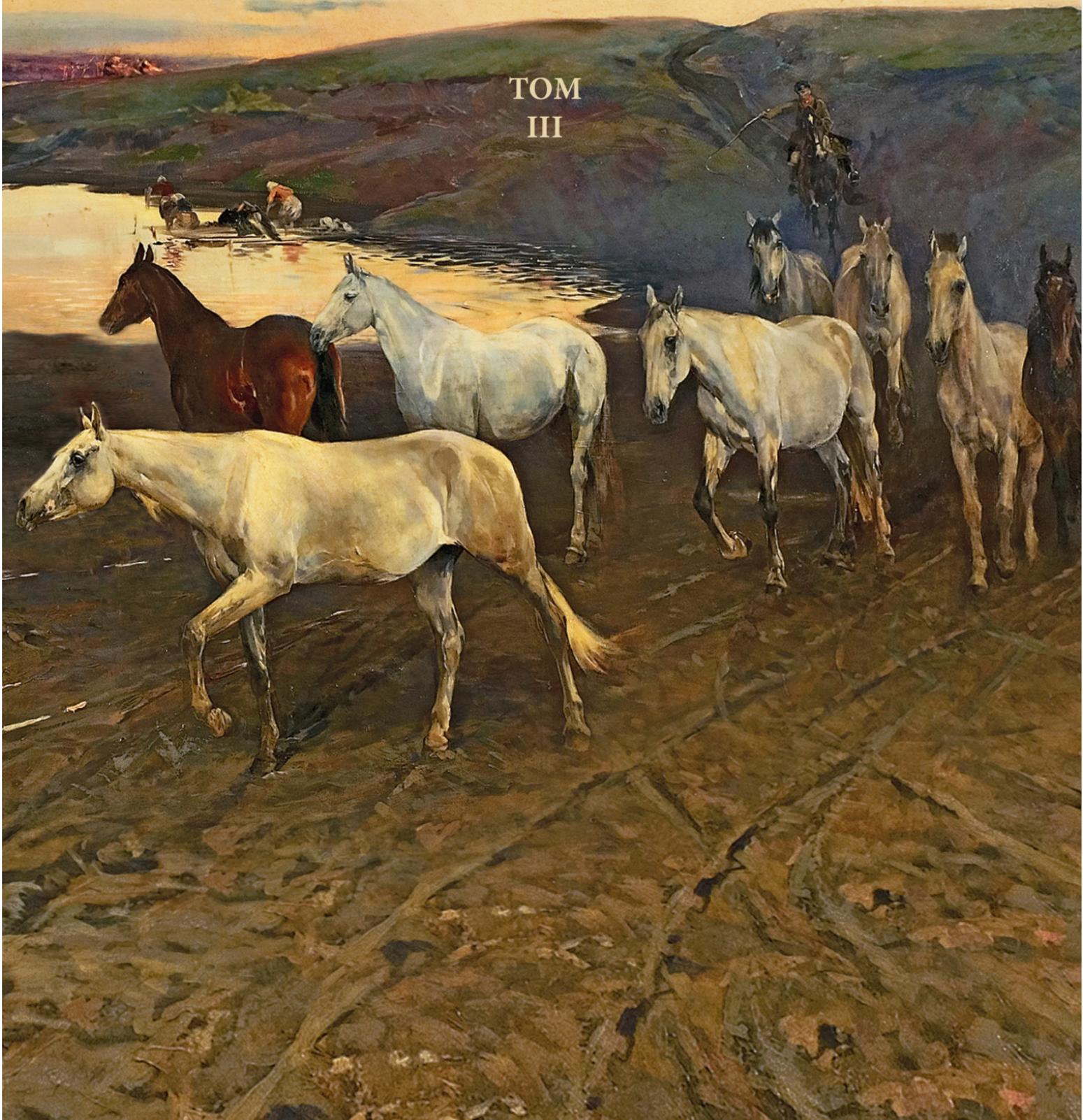

Яков Бутович
Архив
сельца
Прилепы

ТОМ
III

Яков Бутович

**Архив сельца Прилепы. Описание
рысистых заводов России. Том III**

«Издательство им. Сабашниковых»

2020

УДК 636.1
ББК 46.11

Бутович Я. И.

Архив сельца Прилепы. Описание рысистых заводов России. Том III / Я. И. Бутович — «Издательство им. Сабашниковых», 2020

ISBN 978-5-82420-172-7

«Архив сельца Прилепы» – грандиозный труд Я.И. Бутовича, выдающегося коннозаводчика, селекционера и генеалога. Книга рассказывает о коннозаводской России: о больших и малых хозяйствах, о знаменитых лошадях и людях, которые совершенствовали великолепную национальную породу лошадей – орловского рысака. Перед читателем разворачивается широкая картина жизни страны начала XX века, полная драматических событий, наблюдений, ярких портретов и живых деталей. Эта работа долго ждала публикации. Первый том вышел в 2015 году, второй – в 2019-м, настоящая книга завершает издание. Теперь все сохранившиеся тетради «Архива...» увидели свет, а имя Якова Бутовича вновь заняло подобающее ему место в истории отечественного коннозаводства и просто в российской истории. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 636.1

ББК 46.11

ISBN 978-5-82420-172-7

© Бутович Я. И., 2020

© Издательство им.
Сабашниковых, 2020

Содержание

Предисловие	6
Завод М.Я. Сухотина	11
Этюд о Бычке	15
Вместо предисловия	15
Происхождение Бычка	16
Призовая карьера Бычка	29
Особенности хода Бычка и многих его потомков	33
Рост, формы, тип и характер Бычка и лучших его потомков	37
Бычок как производитель. Деятельность главных его потомков	51
Наиболее удавшиеся комбинации кровей в линии Бычка	67
Широкая популярность и громкая известность Бычка	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Яков Бутович
Архив сельца Прилепы. Описание
рысистых заводов России. Том 3

© Соколов А.А., публикация, предисловие, 2020

© Бородулин С.А., примечания, 2020

Предисловие

Заканчивая издание трудов Якова Ивановича Бутовича, хочется выразить благодарность автору за многолетний титанический труд, предпринятый им в сложнейшее время Первой мировой войны и революционной разрухи, несмотря на предательства «друзей», властей, семьи, сослуживцев, «учеников». Более трети воспоминаний написаны карандашом в адских условиях заключения: в Бутырке, на Лубянке, в Тульской и Одоевской тюрьмах, в Орловском центре и в страшнейшем концлагере на Соловецких островах. Последние записи сделаны в ссылках в Ирбите, Камышлове, Поклевской, Байкалово, Останкино, Вязьме, Орле и Мценске – без справочной литературы, библиотек и «товарищей».

Напомним читателю основные этапы деятельности Я.И. Бутовича в различных сферах жизни страны.

Молодой (ему не было и 25 лет) офицер Яков Бутович стал участником Русско-японской войны и незадолго до ее окончания предпринял уникальную акцию: 22 500 лошадей были переданы беднейшим казакам и крестьянам Дальнего Востока. Главным образом это были кобылицы и лучшие жеребцы, прошедшие жесткий отбор у великолепных ремонтеров армии. «... Счастлив объявить о столь щедром подарке Государя Императора...» – писал Бутович. После этого он попытался продвинуть через Главное управление госконнозаводства «европейскую часть проекта» – послать на Дальний Восток инструкторов, а затем породных жеребцов ГЗК. Увы, чиновники «ограничились перепиской с начальством окраин да посылкой нескольких десятков жеребцов». Техники и дорог в те годы на Дальнем Востоке не было. Для развития промышленности, сельскохозяйственного производства, транспорта, да и всего региона проект имел огромное значение. Через десятилетие казаки Забайкалья, Амура, Даурии, Приморья и Сахалина имели расплодившееся поголовье полукровных лошадей европейского типа, каких не было в Японии, Китае и Корее. Это помогло местному населению выстоять во время японской и американской интервенций, а еще через 15 лет сыграло свою роль в разгроме японской армии на Халхин-Голе.

Демобилизовавшись из армии, Яков Иванович занимается формированием собственного завода, переводит его в среднюю полосу России и одновременно вступает в борьбу с метизаторами. Он пытается спасти лучших орловских кобыл, хотя уже пропали для породы выдающиеся крупнейшие заводы графа Воронцова-Дашкова, Телегина и другие подобные «рассадники» с их фешенебельными, коренными для орловцев родословными. В ходе этой борьбы Бутович, не получивший еще наследства и обремененный немалыми денежными затратами, находит возможность организовать и содержать конноспортивный журнал «Рысак и скакун». «...Могу смело сказать: всякий, кто познакомится с комплектом журнала за 1907 год, скажет, что ни до, ни после в России не было такого красивого, роскошно оформленного спортивного издания...»

В дальнейшем Яков Иванович Бутович постоянно вел борьбу за русскую лошадь. Он был учеником и надежной опорой Фёдора Николаевича Измайлова – председателя Всероссийского союза коннозаводчиков и любителей орловского рысака. После скоростной кончины учителя (31 января 1911 года) владлец Прилеп всего 30 лет от роду стал лидером орловской партии.

20 декабря того же 1911 года молодой коннозаводчик совершил свой очередной подвиг: за рекордную цену в 20 000 рублей он купил 18-летнего жеребца Громадного. Как? Каким чудесным прозрением он был осенен, приобретая для воспроизводства 72-летнего по человеческим меркам старика? Но в первой же ставке 1913 года рождается Леда – мать величайшего родоначальника Ловчего (1921 г.р.), а накануне революции, в 1916 году, появляется основатель линии Удачный, прадед рекордиста Успеха, чья кровь играет во внуках Переполохе, Досуге,

Мятлике, в правнуках Кипре, Ковбое, Колорите, Дротике, Дробовике, Мазке и в сотнях других великолепных орловцев.

Бутович стал первым, кто безвозмездно передал свое племенное предприятие государству вместе с первой в мире картинной галереей, посвященной лошади. В его собрании было более тысячи произведений искусства, в том числе полотна мастеров и признанных корифеев иппической живописи: Сверчкова, Ковалевского, Серова, Френца, Виллевальде, Зауервейда, Самокиша, Соколова, Ворошилова, Савицкого, Покаржевского, Крюгера и других. Многие художники в тяжелейшее время войн и революции месяцами проживали в Прилепах, спасаясь от нужды и голода, и получали там достойное денежное вознаграждение за свой труд. Кроме живописи Якову Ивановичу принадлежали 900 ценнейших изделий из фарфора, хрусталя и стекла, коллекция бронзовых фигур лошадей по моделям Лансере (порядка 100 наименований), огромное собрание русских платков, шалей, покрывал и пледов, коллекция бисера. Разным породам лошадей было посвящено примерно 2000 гравюр, литографий, цинкографий, эстампов и фототипий. «...Фотографий, изображавших в основном знаменитых орловцев, было свыше тысячи, почти все куплены мною до революции...» – вспоминает Бутович. Собрал он и огромную библиотеку, посвященную лошади.

Удивляет и восхищает практическая работа автора этой книги в революционный период. Став управляющим Прилепским государственным конным заводом и хранителем Музея коневодства, он предпринимает небывалые усилия по спасению племенного поголовья от голода, охраняет музейное собрание и имущество усадьбы от разграбления. Вокруг себя Яков Иванович собирает коллектив единомышленников и сам ежедневно посещает кончасть: контролирует уборку и кормление лошадей, проводит случные кампании и тренинг молодняка.

В это же время Бутович организует и проводит первую в Советской России конноспортивную выставку лошадей в Туле, бега и конный пробег на санях на 21 и 34 километра с грузом. Чтобы добыть наряды на концентраты лошадям и уголь, которым можно было отапливать музей, он вдвоем со Степаном Кучинским предпринимает поездки в Москву гужевым транспортом, «на долгих» – четверо суток в одну сторону.

Зимой 1917/18 года Бутович через наездника А.А. Лохова временно отправляет 50-60 голов молодняка в Хреновской конный завод, где тогда были наиболее благоприятные условия содержания. «Дешево и сердито» продает в Орёл более полутора годовых ставок «стригунков» через представителя будущего Локотского конзавода Неплюева и тем самым спасает жеребят от голода и недоразвитости. Вырученные средства позволяют более года содержать оставшееся в Прилепах поголовье на покупных кормах.

Выдающимся достижением Якова Ивановича явилось создание в 1918 году чрезвычайной комиссии по спасению племенного поголовья сельскохозяйственных животных. А в 1920-х Бутович принял активное участие в организации, а затем в деятельности ГУКОНа. Главное управление коневодства и коннозаводства при Наркомземе занималось восстановлением и организацией плановых испытаний племенных лошадей, определением их работоспособности и отбором лучших в воспроизводящий состав госконзаводов. Благодаря этому учреждению в первые послереволюционные годы десятки тысяч специалистов были востребованы, а многие просто спасены. Среди них знаменитый генерал А.А. Брусиков, крупные ученые, в том числе П.Н. Кулешов и М.И. Придорогин, коннозаводчики, ветврачи, маточники, смотрители племенных заводов, наездники, множество профессионалов племенного дела не только в коневодстве, но и в скотоводстве, овцеводстве, свиноводстве, птицеводстве.

В связи с этим напомним, что перед Первой мировой войной крестьянская Россия по поголовью лошадей во много раз превосходила все страны Европы, вместе взятые. Только чистопородных орловских конзаводов в Российской империи насчитывалось более 3700, в них содержалось 10 000 племенных жеребцов, 100 000 маток и более 200 000 голов молодняка. А сколько было верховых заводов, тяжеловозных, да и просто дончаков, вятских, мезенских,

обвинских, алтайских, якутских лошадей, лошадей Кавказа!.. Россия кормила себя и другие страны лучшим в мире пошехонским сыром и вологодским маслом, романовские овцы обеспечивали страну и за границу шерстью, овчиной, валяной обувью...

Глядя из наших дней, можно по достоинству оценить сделанное Я.И. Бутовичем в то страшное время хотя бы в рысистом коннозаводстве. Назовем лишь некоторые из его деяний.

В 1923-м, на второй год после восстановления плановых испытаний, Дерби в Москве выиграл четырехлетний Гильдеец (зав. И.П. Харитоненко). Этот рысак, рожденный в разгар Гражданской войны, был случайно спасен и заезжен только в трехлетнем возрасте (в год начала испытаний). В дальнейшем, поступив в производящий состав Дубровского конного завода, где чудодействовал Алексей Иванович Пайдаси, Гильдеец стал величайшим производителем, основателем линии, с которой более 50 лет работали почти все метисные заводы СССР. Шесть его детей стали дербистами в Москве. До сих пор этот рекорд не побит ни одним рожденным в отечестве производителем, тем более что матки – партнерши Гильдейца также были домощенными.

Другой пример связан уже с орловским рысаком и Пермским конзаводом. В период крестьянского восстания 1920-х годов в Тамбовской губернии оказался жеребец Эх-Ма 1908 г.р. Он имел выдающееся происхождение по накоплению крови Полкана 3-го и, как никто другой в то время, близок к нему – их разделяли всего четыре-шесть поколений, а стало быть, от Барса 1-го, родоначальника, Эх-Ма был удален всего на 7 поколений. Для сравнения: знаменитый Барчук 1912 г.р. удален от Барса 1-го на 14 поколений по мужской линии.

По просьбе бывшего владельца Эх-Ма А.В. Апушкина, будущего многолетнего редактора Госплемкниги, Яков Иванович сумел найти человека, готового отправиться в очаг бунта. Добивался Бутович этой командировки в многодневной жестокой борьбе с чиновниками ГУКОНа и вложил в дело средства Прилепского завода. Посланцем стал бывший австрийский военнопленный Илья Москаль, нарядчик Прилепской конюшни, человек смелый, находчивый и решительный. С большим трудом и риском для жизни он отыскал Эх-Ма и привел его в завод. Позднее Бутович отметил: «Заводскую работу жеребца в Туле следует признать очень успешной, он дал там поголовно бегущий приплод от кобыл второй руки. Среди них классные сыновья – Баян 1922 г.р. и Кумир 1923 г.р.». После уничтожения прилепского хозяйства эти жеребцы были поставлены в Пермский конзавод № 9 вместе с семью кобылами. В марте 1933 года от Кумира в конзаводе появилась Долина – двукратная всесоюзная рекордистка (аттестат I степени на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1939 года вместе с Уловом). Вторым замечательным достижением Кумира был сын Дунай, лошадь большой резвости, исключительной породности и типа. Трехлетком он завершил испытания из-за неизлечимой травмы плеча и был назначен производителем в ведущий Хреновской конзавод, где оставил ряд ценных маток, давших блестящее потомство. Дочь Дуная Ледяная дала рекордиста Лерика, чьи рекорды 1953 года на 4800 и 6400 метров не побиты до сих пор. Дочь Ледяной Люстра – мать заводчаков Блеска и Лебеда. Другая дочь Дуная, Бодрая, дала выдающегося по типу и экстерьеру Лабрадора, чемпиона ВДНХ, представителя линии Ловчего завода Я.И. Бутовича. Лабрадор за три года дал четырех жеребцов-производителей, широко использованных в ведущих конных заводах Союза. Среди них Исполнительный – основатель линии, который имеет высшую оценку по типу и экстерьеру в истории породы, отец таких же красавцев Турнира и Причала.

Но самым выдающимся приплодом прилепского Кумира стала кобыла Конопелька, родившаяся 26 февраля 1938-го, через полгода после убийства Якова Ивановича Бутовича. В том же году в конном заводе № 9 получены 30 жеребят от Кумира и еще 8 от Баяна – сыновей Эх-Ма.

Конопелька в 1940 году в Москве выиграла большой традиционный приз «Вступительный», после чего поступила в маточный состав. Именно здесь, на Урале, в самом северном конзаводе страны, селекционеры создали наиболее выдающееся семейство не только орловской,

но и всех спортивных пород лошадей. Ибо только на главном ипподроме страны, в Москве, потомки этого семейства 25 раз обновляли рекорды рысаков и выиграли на сегодня более 100 традиционных призов!

Внучка Конопельки Крутизна по прямой мужской линии относится к линии Удачного завода Я.И. Бутовича. Сыновья Крутизны Кипр и Ковбой, получив усиление крови Ловчего, выиграли всё, что можно, среди орловских рысаков и побеждали в главных призах для американских и других рысистых пород – Дерби, Элите, призе Центуриона (бывший международный приз Мира), Кубке России. Ковбой стал в Хельсинки призером Vermo International – Большого европейского кубка (БЕК) для лучших стандартbredных и французских рысаков. Более чем на $\frac{7}{8}$ брата Кипр и Ковбой владели абсолютными рекордами резвости в призовой езде на все дистанции, на которые тогда испытывались орловцы: 1600, 2400 и 3200 метров.

Ковбой установил абсолютный рекорд резвости для рысаков всех пород, бежавших по дорожкам СССР. Только спустя 22 года франко-американский Ларк-Кронос, рожденный, выращенный и испытанный в Швеции, в руках наездника «девятки» А.Г. Шевалдина сумел слегка улучшить рекорд пермского орловца. Но для орловских рысаков рекорд Ковбоя, установленный 3 августа 1991 года, не побит – небывалый показатель в истории рысистого тёрфа не только в нашей стране!

Заводское использование Кипра и Ковбоя проходило в последнее десятилетие XX века и в первое десятилетие XXI. Для племенного коннозаводства это было время, сравнимое с периодом мировой и гражданской войн: разруха, бандитизм, голодовки, разграбление и уничтожение конзаводов, ипподромов, лучших специалистов. При распаде Союза стали недоступны ведущие ипподромы и профессионалы Киева, Харькова, Одессы, Алма-Аты (ныне Алматы). Едва ли половина потомков этих великих братьев была правильно выращена и испытана. Но, несмотря на все невзгоды, они дали по 35 детей класса 2.10 и резвее – второй показатель в истории породы. Причем эти секунды были показаны не в езде на свидетельство резвости, а в призовой борьбе. В отличие от гораздо большего количества детей Пиона.

Помимо орловских рекордистов, Кипр участвовал в создании крэков среди лошадей призовых пород. Так, его внук Неаполь был резвейшим метисным двухлетком страны в 2000-м, а на следующий год резвейшим в Российской Федерации на дистанции 2400 метров. На Пермском ипподроме Неаполь установил 11 рекордов розыгрыша традиционных призов и беговой дорожки. Февка, трехкратная всероссийская рекордистка, признавалась резвейшей кобылой страны среди метисов три года подряд – с 2011-го по 2013-й. В эти три года она была резвее 2.00 в руках разных наездников. Небывалый показатель в Отечестве! Напор – всероссийский метисный рекордист на дистанции 2400 метров, в Казани на равных сражался со стандартbredными рысаками, рожденными за рубежом, и, единственный из доморожденных, как правило, был призером, а иногда и выигрывал в главных призах. Сестра Неаполя и Нерпы, внучка Кипра, Натура приплодила 6 рысаков класса 2.05 и резвее (трое были резвее 2.03). Ее дети выиграли пока 20 традиционных призов, в 10 из них установив рекорды розыгрыша.

Возвращаясь к семейству Конопельки, хочется сказать о родословной последнего двухлетнего рекордиста, представителя гнезда Коварной – Каюты, серого жеребца Копейска 2.08,3 (2018 г.р.). Конопелька в нем встречается 4 раза, в том числе дважды через Крутизну IV–IV; тамбовский узник Эх-Ма – 9 раз; Удачный завода Бутовича – 11 раз; Ловчий Прилепского завода – более 15 раз, а Громадный – более 30. Эх-ма! Неисповедимы пути Господни! Спасибо, Яков Иванович, Ситников, Апушкин, Илья Москаль. Низкий вам поклон и светлая память.

Можно еще долго говорить о лошадях, рекордистах, линиях, семействах, созданных гением великого коннозаводчика, патриота России. Но для нас, конников, в его документально-исторических трудах, ценнейших селекционных размышлениях важнейшим материалом является описание людей, безвинно сгинувших, неизвестно пропавших из истории государства. Бутович описывает тысячи творцов, их многолетние труды, судьбы, характеры,

родословия. Государственные и общественные деятели, представители различных сословий, интеллигенты, землевладельцы, промышленники, дворяне, купцы, крестьяне, владельцы лошадей. Богатые и бедные, умные и бездарные. Мало кто из работников других хозяйственных отраслей сумел описать столько народных тружеников!

Закончить это предисловие хотелось бы словами последователя дела Я.И. Бутовича в коннозаводстве, многолетнего директора Пермского конного завода № 9 Александра Васильевича Соколова: «Каждое дело требует знаний. Но коннозаводство, помимо знаний, профессионализма, требует еще и огромного опыта, большой наблюдательности, инициативы, творчества. Помимо знаний, профессионализма и опыта требуется догадка, которой никто не может обучить и которая происходит в значительной степени от огромной любви к лошади». О том же писал замечательный русский писатель Александр Иванович Куприн: «Умение вникнуть в лошадь – это особый дар, который дается человеку подобно дару музыки, поэзии, живописи, физической силы...»

А.А. Соколов, заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации

Завод М.Я. Сухотина

Был уже февраль на исходе. Кое-где подтаивало, дорога начала портиться, давно прилетели грачи, и в воздухе явно чувствовалось приближение весны. Эту зиму я почти безвыездно прожил у себя на Конском Хуторе. В один из февральских дней, когда как-то особенно тоскливо было на душе, я решил развлечься и съездить на завод Сухотина.

От Елисаветграда до станции Таковка Харьковско-Николаевской железной дороги всего ночь езды. Послав предварительно телеграмму, я выехал в Еленовку – так называлось имение маститого коннозаводчика М.Я. Сухотина, находившееся в Кобелякском уезде Полтавской губернии. На станции меня ждала рысистая пара, запряженная в высокие и удобные сани полугородского типа. На мой вопрос кучер пояснил, что паны дома, и я был особенно обрадован тем, что застану в Еленовке Всеволода Михайловича Сухотина, который фактически все последние годы вел конный завод своего отца, хотя имел и небольшой собственный завод, находившийся в том же имении.

Почтенного ветерана-коннозаводчика М.Я. Сухотина я знал мало, так как имел случай лишь раз видеться с ним на бегах в Кременчуге. Всеволода Михайловича я знал хорошо: когда он жил в Москве, я часто бывал у него на даче и очень интересно и мило проводил там время. У Сухотина тогда собирались главным образом южане-охотники, его поклонники и последователи. Тут бывали Афанасьев в неизменной студенческой фуражке, впоследствии редактор-издатель журнала «Рысак и скакун», Ползиков, имевший небольшую призовую конюшню, граф Н.В. Стенбок-Фермор, молодой Щёкин и другие. Центром кружка был сам хозяин. Всеволод Михайлович Сухотин блестяще окончил Институт инженеров путей сообщения и по страстной охоте к лошадям оставил карьеру, начал ездить на рысках своего отца. В то время конюшня у Сухотина-старшего подобралась очень интересная, так что ездил он с успехом. Крэком конюшни была Ведьма, прелестная серая кобыла, родная сестра знаменитого Бандита. Сухотин, которого все звали «владыкой», был человек очень приятный, безукоризненно порядочный, но большой фантазер и самодур первой руки. Он превосходно знал генеалогию орловского рысака и почитался знатоком ее. Последние годы он увлекся американским рысаком, начал изучать его породу, послал свою любимицу Ведьму под Вильбурна М., но дальше этого не пошел. Все это увлечение вылилось в составление различных таблиц американских рысakov; таблицы были превосходно разработаны и печатались на страницах спортивных изданий. В общем, Сухотин остался верен орловскому рысаку. Решительно всем было известно, что его кумиром был шишкинский Бычок. Не только В.М. Сухотин, но и его отец был фанатическим поклонником этой лошади и весь свой завод построил на ее крови. Сначала старик Сухотин допускал к себе в завод производителей других линий, но вскоре окончательно остановился на Бычках и остался верен им до конца своих дней. Его сын Всеволод Михайлович в этом отношении проявил редкое постоянство, и увлечение Бычками у него перешло все границы: он при ведении завода пользовался исключительно представителями этой крови. В.М. Сухотин был не только убежденный человек, но и чрезвычайно упрямый, а потому, раз пойдя по этой дороге, он с нее не сошел. Старый Бычок родился под исключительно счастливой звездой, ибо многие талантливые русские люди увлекались им, а позднее и его многочисленным потомством.

Сухотин был женат на очень милой, доброй и красивой барышне, происходившей из бедной дворянской семьи. Сестра г-жи Сухотиной была замужем за В.Д. Ползиковым, так что эти два охотника были в свойстве. Софья Михайловна Сухотина боготворила мужа. Боготворили его и две кузины, постоянно жившие у них. Словом, Всеволод Михайлович был окружен атмосферой поклонения, обожания и принимал это как должное. Жили они в Москве скромно, но занимали удобную дачу и ни в чем не отказывали себе. Все интересы их вращались вокруг лошадей, беговых дел и езды Вовы, как называли дамы Сухотина. Бывать у них было большим

удовольствием: Сухотин восседал и ораторствовал, все слушали его с благоговением, держал он себя с достоинством и хозяином был очень приятным, а тут еще подойдут, бывало, охотники, завяжутся споры, пойдет разговор о генеалогии – и время летит незаметно. Я и теперь вспоминаю свои посещения Сухотиных как нечто далекое, но такое милое, приятное и чистое. Время, о котором я рассказываю, давно миновало. Я тогда был очень молод, только что произведен в офицеры. Сухотин относился ко мне как к начинающему коннозаводчику – покровительственно, но хорошо, а я его не только искренно уважал, но и любил.

Прекрасный был человек Всеволод Михайлович, и ему охотно прощали самодурство, ибо оно было не злое, добродушное. Многие находили, что он оригинальничает во всем, начиная с костюма, который носил, и, быть может, в этом была доля правды. Однако положительные черты характера у него брали, несомненно, верх над отрицательными. К числу последних я отношу упрямство и самодурство. Так или иначе, я сохранил о Сухотине самую лучшую память и сожалею, что о его коннозаводской деятельности вынужден умолчать.

Р.Ф. Френц «В пролетке у Кремля». Картина нач. XX в.

Из Москвы Всеволод Михайлович переехал в Еленовку, где стал жить зиму, а летом появлялся со своими рысаками на бегах в Киеве. В заводе тогда он сам работал лошадям, сам руководил и вел дело, сам ездил на призах. Так он жил вплоть до революции.

В ту пору, когда Сухотин переехал из Москвы в Еленовку, я жил на Конском Хуторе. Я был тогда начинающим коннозаводчиком, а жизнь Сухотина уже вполне определилась, и он был у своей пристани.

...Я подъезжал к Еленовке утром и с удовольствием думал о чашке хорошего горячего кофе, а затем о выводке лошадей. Такие приятные мысли бродили у меня в голове, когда по лужицам и довольно скверной дороге рысистые кобылы бодро везли большие сани. Однако меня ждало разочарование: кофе действительно был на столе, но лошадей я так и не увидел!

Усадьба Сухотиных была скромная, средней руки. Барский дом небольшой, постройки довольно ветхие, конюшни, хотя и содержались в порядке, не роскошные. Все это указывало на то, что лишних средств у Сухотиных не было.

После первых приветствий мы уселись за стол. Михаил Яковлевич Сухотин был глубокий старик, один из старейших русских коннозаводчиков. Он основал свой рысистый завод в 1869 году, так что у него был почти сорокалетний коннозаводской стаж. С глубоким почтением я смотрел на этого старца и думал, сколько лошадей создал он на своем долгом веку. Я также думал о том, суждено ли мне, грешному, иметь когда-либо сорокалетний коннозаводской стаж...

Сухотин-отец был ростом меньше сына. У него были тонкие, аристократические черты лица. Это был удивительно красивый старик. Пухленькие его щеки были покрыты здоровым румянцем, а белоснежные запорожские усы красиво ниспадали. Держал он себя с достоинством, говорил мало и медленно. Ходили слухи, что он был в свое время большим поклонником женского пола, и я в этом убедился: мы мирно сидели за кофе, когда одна из кузин, подойдя к окну, сказала: «Какая идет хорошенькая хохлушка!» Старик Сухотин мигом, с проворством юноши, подлетел к окну и положительно прилип к стеклу.

Семья Сухотина, который был вдов, в то время состояла из женатого сына Всеволода Михайловича, его жены и младшей дочери. Дочь впоследствии вышла замуж за Щёкина, родного племянника А.А. Щёкина. Старшая дочь Михаила Яковлевича давно была замужем за кременчугским помещиком и коннозаводчиком, одно время членом Государственной думы Д.Н. Милорадовичем. В доме Сухотиных тогда жили две барышни – их племянницы Кодинец.

Старик Сухотин был во всех отношениях интересной и далеко не заурядной фигурой. Его коннозаводская деятельность заслуживает величайшего уважения уже по одному тому, что он был идейным коннозаводчиком и при сравнительно скромном состоянии сумел не только вести, но и удержать завод. В своем заводе он неуклонно два с половиной десятка лет, если не больше, работал с кровью Бычка. Совершенно неважно, какой он получил результат; важно то, что в то время явился коннозаводчик, который проявил такую настойчивость. Сухотин был знатоком породы, то есть генеалогии, ею он очень интересовался, ее в свое время изучал; в этом отношении сын пошел по его стопам. По генеалогическим вопросам старик Сухотин дерзал даже вступать в спор с «самим» Лодыгиным, но это не всегда оканчивалось благополучно для него... Разумеется, на юге в те отдаленные времена он был не только крупным, но и исключительным авторитетом в вопросах породы, и я знаю, что к его голосу прислушивались многие коннозаводчики в тех местах. Имел он также несомненное влияние и на формирование такого генеалога, каким был Черневский. Только влиянию Михаила Яковлевича Сухотина я приписываю, что в том уголке Полтавской губернии не только знали генеалогию орловского рысака, но и придавали ей должное значение.

Имя М.Я. Сухотина было известно в широких коннозаводских кругах России – он был писатель по вопросам коннозаводства и спорта. Его статьи не отличались многословием, наоборот, они были излишне коротки, даже отрывочны. В течение долгих лет он считал нужным откликаться на все более или менее животрепещущие вопросы коннозаводства и спорта. Ныне его заметки утратили всякое значение, и едва ли кто-либо станет их перечитывать. У Сухотина была слабость: он был заражен критикоманией. Почти все его выступления в печати заключались в критике, полемике и брюзжании на кого-либо. Дух противоречия в нем был развит чрезвычайно сильно, он способен был часами спорить о каких-либо пустяках, ему доставлял удовольствие самый процесс спора. При этом и сам старик Сухотин, и его сын были безупречно порядочными людьми. Михаил Яковлевич вывел на своем веку много превосходных лошадей, принес немалую пользу коннозаводству страны, породу знал превосходно и был знатоком лошади в настоящем смысле этого слова. Лучшей лошастью, родившейся у него в заводе, был Бандит. Я несколько раз видел Бандита на выводке и не могу отказать себе в удовольствии написать несколько слов об этом замечательном жеребце.

Бандит обладал одновременно и силой, и энергией, и красотой. На бегу был исключительно горделив и столь же энергичен. У него был редкий, эффектный и в то же время невы-

сокий ход. Бандит производил большое впечатление на всех охотников, и Р.Р. Правохенский однажды совершенно справедливо написал о нем: «Глядя на него, человек начинал в душе верить фантастическим рассказам о графских рысаках!» Полагаю, что большей похвалы орловскому рысаку дожидаться трудно.

Итак, мы сидели в Еленовке за чайным столом и мирно беседовали. Как человек наблюдательный, я не мог не заметить, что Сухотины чем-то недовольны. Особенно Всеволод Михайлович был не в своей тарелке – если не суховат, то не так любезен, как обычно. Прошел час, другой, а мы всё сидели за столом. Я с недоумением стал поглядывать на хозяев и думал о том, что пора бы пригласить меня в конюшню. Вскоре дамы попросили нас перейти в гостиную, говоря, что надо накрывать стол к обеду. Здесь обедали рано, по-деревенски, ровно в два часа. В гостиной у нас разговор шел вяло. Не понимая, в чем дело, я решил узнать у Сухотина, когда же мы пойдем на конюшню. Он сделал удивленное лицо и спросил меня: «Да разве вы приехали смотреть завод?» Я понял, что Сухотин обиделся на меня за то, что я предварительно не «испросил» у него письменно согласия на осмотр завода, и решил дать мне это почувствовать. Зная его упрямство и самодурство, я не сомневался в том, что под каким-нибудь благовидным предлогом он откажется мне показать завод, а потому и не стал просить его об этом. Со стороны Сухотина это было, конечно, глупо, мелко и смешно, но раз уж случился такой пассаж, делать было нечего, пришлось примириться с этим. Через некоторое время Сухотин сам предложил мне пройтись, и мы вышли из дому. Как-то инстинктивно мы направились на конюшню. Там нас никто не ждал, обеденная уборка была закончена, и в конюшне был лишь один дежурный конюх. Было ясно: Сухотин отдал распоряжение по заводу, что никакой выводки не будет. Хотя я никогда не отличался упрямством и особой вины за собою не чувствовал, однако это мне не понравилось, но я ни словом не заикнулся о выводке. Сухотин тоже молчал. Мы прошли по конюшням. Везде царил образцовый порядок. В призовой конюшне было много сбруи и висели новые попоны, лошади были зачищены на славу. Я смотрел их в денниках. На маточной денники были открытые, и я лучше помню кобыл. Многие мне тогда очень понравились. Видимо, по составу завод был очень интересен. Пройдя по конюшням, на что ушло не более получаса, мы вернулись домой.

Сухотин – очевидно, желая показать, что ничего не случилось, – удвоил любезность. Я ответил тем же. Мы превесело пообедали, очень мило провели время, причем о заводе не было и речи. В тот же вечер я уехал к себе на Конский Хутор, так и не попросив Сухотина показать мне завод.

Вот почему я не имею возможности сделать здесь описание этого интересного завода. Взамен этого я предлагаю вниманию читателя этюд о знаменитом шишкинском Бычке, на крови которого был построен весь сухотинский завод. Этот этюд я посвящаю М.Я. и В.М. Сухотиным.

Этюд о Бычке

Вместо предисловия

Едва ли есть другая рысистая лошадь, которая была бы так популярна среди русских коннозаводчиков, как знаменитый шишкинский Бычок. Полагаю, что ни у одного другого рысака и производителя не было столько фанатичных поклонников, как у этого жеребца. Слава Бычка была отчасти преувеличена, и значение его как производителя в свое время было раздуто. Мне кажется, что теперь настало время трезво и спокойно взглянуть на этот вопрос. Необходимо взвесить и тщательно обсудить весь накопившийся материал и после этого дать окончательное суждение о Бычке и указать то место, которое занимает этот жеребец среди других корифеев рыистой породы. Я никогда не принадлежал к числу поклонников Бычка, но всегда отдавал должное этой замечательной лошади. В своей коннозаводской деятельности я относился к представителям этой линии без предубеждения и зачастую даже работал с ними в своем заводе. Вот почему я могу с достаточной объективностью и полным беспристрастием говорить о самом Бычке и обо всем его многочисленном потомстве. Моей задачей будет выяснение истинного значения Бычка и объективная оценка его заводской деятельности. Попутно я сообщу некоторые добавочные данные о Бычке и приведу немало всевозможных подробностей из жизни и деятельности не только этого жеребца, но и коннозаводчика Голохвостова.

Происхождение Бычка

Таинственная завеса, которая столько лет облекала и облекает еще ныне происхождение Бычка, всегда дразнила воображение коннозаводчиков и охотников. Как это ни странно, но таинственность, вернее, загадочность происхождения столь знаменитой лошади способствовала в высокой степени популярности ее. О происхождении Бычка много говорили, спорили и высказывали разные догадки, но ни к какому определенному соглашению не пришли. Время шло, дети, внуки и правнуки Бычка приобретали известность и всё большее значение, и снова возникали бесконечные споры о происхождении этого рысака. Его не забывали, о нем говорили, и все это в высокой мере способствовало исключительной популярности Бычка. Сам великий творец Бычка – незабвенный коннозаводчик Шишкин – так и сошел в могилу, не сказав своего веского слова, которое одно могло бы прекратить все споры. Шишкин умер, а с ним умер навсегда и секрет происхождения Домашней – матери Бычка.

Цель настоящей главы – привести и проанализировать все сведения о происхождении Бычка, дать все варианты и мнения по этому поводу, сгруппировать все это воедино и сделать выводы.

Все авторы, которые писали о происхождении Бычка, указывали, что первые данные о нем находятся в книге «Подробные сведения о конских заводах в России...». Это верно только отчасти. В действительности же первые данные о происхождении Бычка находим в «Скаковом календаре Лебедянского скакового общества» (1837)¹, тогда как «Подробные сведения...» вышли на два года позднее (1839). В «Скаковом календаре...» есть отдел «Рысистые бега» с 1832 года. Там сказано: «Н.Е. Смесо́ва гн. жер. Бычок, девяти лет, от Атласного и Домашней; завода г. Шишкина». Таким образом, уже в 1837 году было известно если не происхождение Бычка в точности, то имена его отца и матери. Так как в то время Бычок только начинал свою карьеру и, естественно, еще не был знаменитой лошадей, то приведенные данные о его родителях интересны тем, что были точно указаны.

В книге «Подробные сведения...» (см. опись завода В.И. Шишкина) порода Бычка изложена следующим лаконическим образом: «от Молодого-Атласного, мать породы Кроликовой». Интересно, что в этом изложении нет указания на имя матери (Домашняя), которое имеется в календаре 1837 года. Если мы посмотрим, как была изложена порода Бычка в той же книге (опись завода Д.П. Голохвастова), то увидим, что там значится: «от Атласного, мать рысистая Домашняя от Кролика». В обоих случаях изложение лаконическое и неудовлетворительное, без указания предков. В третий раз происхождение Бычка было напечатано в заводской книге 1854 года. Редактору новой заводской книги не удалось за истекшие 15 лет получить никаких новых данных по столь интересному вопросу. В этой книге находим следующие строки: «от мол. Атласного, мать породы Кроликовой». Там отмечено также, что это извлечено из сведений В.И. Шишкина, и сказано еще: согласно сведениям Д.П. Голохвастова, мать его «названа рысистая Домашняя от Кролика». Иначе говоря, здесь имела место простая перепечатка сведений о происхождении Бычка из книги 1839 года. В перерыве между 1839-м и 1854-м вышла книга бежавших лошадей², но и там не находим ничего нового о происхождении Бычка. Так обстоит дело с официальными источниками.

---

¹ Я.И. Бутович имеет в виду издание «Скаковой календарь Лебедянского скакового общества с 1825 по 1837 год и рысистые бега с 1832 года». Это скаковое общество существовало до 1861 года.

² Заводская книга выигравших и бежавших лошадей на рысистых бегах в России. Санкт-Петербург: Упр. Гос. коннозаводства, 1847–1862. Т. 1. 1847.

Подробныя свѣдѣнія
о
конскихъ заводахъ въ Россіи,
доставленныя
Комитету о коннозаводствѣ Россійскому
отъ
мѣстныхъ начальствъ и частныхъ
владельцевъ.

Санктпетербургъ.

Въ Типографіи Устава Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи

1839.

Первая опись российских рысистых заводов – «*Подробные сведения о конских заводах России, доставленные Комитету о коннозаводстве российском от местных начальств и частных владельцев*». Санкт-Петербург, 1839 г.

Кобылы Домашней от Кролика ни в описи Шишкина, ни в описи Хреновского завода не было. В дальнейшем, согласно правилам чистопородности, Бычка можно было считать рысистым наполовину или, с большой натяжкой, на три четверти, и то условно, на основании показаний Шишкина, что мать Бычка – дочь хреновского Кролика 1-го, что не подтверждено документально.

Обратимся к описи завода В.И. Шишкина. Эта опись составлена чрезвычайно тщательно. Порода всех жеребцов и маток доведена до четырех колен, а то и больше. Затем, что особенно важно отметить, только в описи В.И. Шишкина указана масть всех предков, вплоть до выводных родоначальников, чего не было сделано даже в описи Хреновского завода, да и вообще в последующих заводских книгах. Из этого я могу прежде всего заключить, что у Шишкина на руках имелись более подробные описи, чем те, что были напечатаны для Хреновского завода, иначе он не мог бы дать указаний масти предков своих лошадей, которые все происходили из Хренового. Известно, что генеалогию хреновских лошадей привел в порядок и составил описи сам Шишкин, а потому совсем не удивительно, что у него на руках имелся весь этот богатейший материал. Опись завода В.И. Шишкина была составлена не только грамотно, подробно, но и превосходно.

Невольно возникает вопрос: почему же происхождение одной лошади, именно Бычка, было изложено столь лаконически и явно неудовлетворительно в этой образцово составленной описи? Случайность это или же предумышленное действие? Мне кажется, что на вопрос этот ответить нетрудно. Зная, как точно была составлена опись завода Шишкина, не приходится сомневаться, что либо сам Шишкин, либо купивший у него Бычка И.Н. Рогов были заинтересованы в том, чтобы не разъяснить, а, наоборот, завуалировать происхождение лошади. Шишкин отнюдь не случайно так изложил породу Бычка.

Здесь возникает второй вопрос: каковы же были побуждения Шишкина или того лица, которое его об этом просило? Ответ на него мы получим, если вспомним, что в те отдаленные времена всякая примесь к рыистой породе, особенно английская, подвергалась гонению и была не в моде, так как орловская порода уже тогда признавалась самостоятельной. Вот почему коннозаводчики косо смотрели на рысистых лошадей с примесью верховой и английской крови. Таковую лошадь продать было нелегко. Отсюда можно сделать вывод, что мать Бычка в той или иной степени имела примесь чуждой крови и у Шишкина были все основания завуалировать метисное происхождение Бычка. Так говорит логика. И так было на самом деле. В печати того времени могли быть слухи о том, что Бычок происходит от полукровной кобылы. Спортивная литература подтверждает это. Обратимся к этим слухам и подвергнем их критическому разбору.

С моей точки зрения, наибольшего доверия заслуживает, как и всегда, сообщение нашего летописца В.И. Коптева, который был осведомленнее других авторов, гораздо их правдивее и умнее. Вот что по этому поводу писал Коптев: «Хотя по сведениям, переданным Н.Е. Смесовым Д.П. Голохвастову при продаже Бычка, и значилось, что Бычок родился от Атласного и рыистой кобылы Домашней, дочери Кролика, но по неотысканию в описях Хреновского завода означенной кобылы и потому, что в описании завода В.И. Шишкина в “Подробных сведениях о конских заводах в России”, изданных Комитетом о коннозаводстве российском в 1839 году, значится, что мать Бычка породы Кроликовой, но в каком колене она от Кролика, и от какого именно, и от какой матери она происходит – сего не видно. Все это породило некоторое сомнение насчет происхождения Бычка от чисто орловской крови, и некоторые охотники уверяли, что он произошел от аркадакской кобылы, как о сем носились слухи». И еще: «... существовало мнение, что Бычок был от полукровной матки. Несмотря на это предубеждение, которое господствовало в кругу охотников, Д.П. Голохвастов никак не соглашался с ними». И еще: «...очень мало походил на Ратного (А.К. Мясникова), ехавшего так резво в нынешнем году в Царском Селе, который по отцу и по матери есть правнук Бычка (Д.П. Голохвастова), сына полукровной кобылы вяхиревского завода».

Можно привести и другие выборки из сочинений Коптева на эту тему, в которых он говорит в желательном для нас смысле, но и приведенных цитат вполне достаточно. Из отрывков Коптева ясно видно, что Бычок, по многим слухам, был от полукровной кобылы, по другим же – от аркадакской, по третьим – от верховой вяхиревской и т. д. Словом, только не

от рысистой матки. Отсюда вполне понятна «неясная и столь своеобразная» редакция происхождения Бычка, сделанная самим Шишкиным. Подвергая разбору мнение Коптева, следует иметь в виду, что он был ярким поклонником Д.П. Голохвастова и относился к его памяти с благоговением. Дело в том, что Коптев был студентом Московского университета в то время, когда Голохвастов был попечителем Московского учебного округа. Голохвастов, первый вице-президент Московского бегового общества, ввел молодого человека в спортивные круги; ему же Коптев обязан своими первыми шагами на государственной службе. Кроме того, Коптев питал чувство глубочайшего уважения к Голохвастову и был поклонником его коннозаводского таланта. Я привожу все эти данные для того, чтобы показать: мнение Коптева о Бычке было сугубо осторожным, сначала из-за боязни обидеть Голохвастова, а после его смерти – его сына, с которым Коптев был в превосходных отношениях. Тем не менее Коптев все же написал о происхождении Бычка от полукровной кобылы. Стало быть, умалчивать об этом дольше было неудобно, иначе осторожный Коптев никогда бы не стал эти сведения приводить. Если бы в этом вопросе была малейшая тень сомнения, Коптев со всей силой своего блестящего пера опроверг бы эти слухи. Однажды он все же попытался опровергнуть их, но сделал это весьма неудачно: он привел в доказательство кровно-рысистого происхождения Бычка то обстоятельство, что его потомство прославилось на ипподромах! Интересно заметить, что более определенно и более отрицательно высказался Коптев по тому же вопросу лишь в 1861 году, то есть после смерти Д.П. Голохвастова и начавшейся ликвидации завода его сына Д.Д. Голохвастова. Совсем молодым человеком Коптев под влиянием самого Голохвастова воспевал победы Бычка на ипподроме в Москве, но о его происхождении и формах избегал говорить. Позднее он редко писал о Бычке, который не был его любимцем или фаворитом. Это также служит веским доказательством того, что Коптев видел в Бычке лошадь отчасти чуждую орловской крови (а известно, что Коптев всю свою долгую жизнь прославлял гений Орлова и созданную им породу рысаков). Мне ясно, почему Коптев не стал углубляться в вопрос о том, была ли в действительности мать Бычка аркадакской кобылой или полукровной английской. Это ему было совершенно безразлично, раз Бычок был не кругом орловской крови. Совершенно иначе отнесся Коптев к происхождению знаменитых шишкинских жеребцов от орловских производителей, ибо тут не было сомнения в чисто орловском происхождении лошадей, что Коптев блистательно доказал. По этому вопросу Коптев вел многолетнюю оживленную полемику. А к Бычку он относился, в сущности, с безразличием. Теперь об этом приходится пожалеть, главным образом потому, что если бы Коптев заинтересовался происхождением матери Бычка, то он его, несомненно, выяснил бы.

Но этим вопросом занялись другие авторы, и мы теперь перейдем к ним.

Прежде всего я приведу мнение Н.Д. Лодыгина, крупнейшего специалиста по вопросам генеалогии. В своей полемике с А.А. Стаховичем в 1869 году Лодыгин вынужден был коснуться происхождения Бычка и написал об этом следующее: «... между тем господину Стаховичу, вероятно, известно существующее между коннозаводчиками предание, что известный Бычок был сын не рысистой, а верховой хреновской кобылы, дочери молодого Куба (Подр. свед. С. 304). Одним из наглядных доказательств справедливости этого предания, кроме неуказания В.И. Шишкиным в описях его завода матери Бычка, служит то обстоятельство, что Бычок, будучи светло-гнедым, дал от гнедой кобылы Ловкой бурого Бычка циммермановского, то есть мастью в деда своего по матери – молодого Куба, который был бурый». Это сообщение подтверждает слова Коптева о том, что Бычок был сыном полукровной кобылы – стало быть, это мнение прочно укоренилось и держалось среди тогдашних охотников. Предлагаемый Лодыгиным вариант происхождения матери Бычка от молодого Куба показывает, как разноречивы были данные о происхождении матери Бычка. Я нахожу нужным указать: мнение Лодыгина, что гнедой Бычок дал бурого Бычка (Ф.М. Циммермана) и это служит якобы доказательством, что мать Бычка являлась дочерью молодого Куба, который сам был этой масти,

решительно ничего не доказывает, ибо нам неизвестна масть остальных предков матери Бычка. Тут же замечу, что по другой версии мать Бычка была дочерью Рулета, а он был также бурый!

Князь Д.Д. Оболенский в своих воспоминаниях (Москва, 1890) также касался происхождения матери Бычка. У этого автора находим следующие строки: «Со слов И.Д. Ознобишина, на полях студбука у Н.А. Янькова помечено: мать Бычка – верховая полукровная зав. Вяхилева от чистокровного Рулета (то есть английского скакового. – Я.Б.). Я сам видел эти пометки, и вот что мне рассказал Н.А. Яньков по этому поводу, опять-таки со слов И.Д. Ознобишина. У В.И. Шишкина была прекрасная поддужная, рыжая, завода Вяхилева, от кровного верхового английского Рулета. Эта поддужная была случена с Молодым-Атласным (почему так – неизвестно), и от этой поддужной и произошел Бычок смесовский. Бычок гнедой не считался в числе лучших лошадей, а, как полукровок рысистый, сам был в разгонных лошадях, чем и объясняется его позднее появление на ипподромах. Силу и резвость его Смесов узнал случайно. Как-то, возвращаясь с одного из своих хуторов, он увидел впереди одного из своих рабочих или конюхов, возвращающегося домой в телеге на Бычке. Смесов ехал в беговых дрожках на одном из своих любимых рысаков, очень резвом, и хотел догнать рабочего, чтобы передать какое-то приказание. Увидев мчавшегося за ним хозяина, работник почему-то испугался и погнал Бычка, который ехал так резво, что Смесов на своем рысаке не смог его догнать до самого дома, хотя Бычок бежал в телеге. Это так поразило Смесова, что он немедленно отметил Бычка, взял его на свою конюшню в лучший уход».

Почему же В.И. Шишкин выдал аттестат Бычку, обозначив: «мать породы Кроликовой»? Это И.Д. Ознобишин объясняет так: в то время очень дорожили чистой орловской кровью и В.И. Шишкин не смел выдать другой аттестат, иначе он бы скомпрометировал свой завод.

Отзыв Оболенского был написан в 1888 году и появился в печати в 1890-м. Это просто красивый, но полный фантастических элементов рассказ. Князь, желая придать ему оттенок достоверности, указывает, что Яньков был исключительно правдивый человек и «близок с Иваном Дмитриевичем Ознобишиным, который, в свою очередь, знал шишкинский завод как свой собственный». Все это не помешало Янькову невероятно напутать в вопросе происхождения матери Бычка. Впрочем, полагаю, что этот упрек следует скорее послать князю Оболенскому, чем старику Янькову.

Оболенский так поверхностно отнесся к рассказу Янькова, что перепутал даже фамилию Вяхирева и назвал его Вяхилевым. Утверждение, что Рулет был чистокровным, неверно. В действительности Рулет был сыном чистокровного жеребца и кобылы, выписанной из Англии, порода коей была неизвестна, а потому здесь широкое поле для гаданий и всяческих предположений. Версия о том, что бурая дочь Рулета была у Шишкина поддужной, ни с чем не соотносима, ибо у Шишкина было достаточно собственных лошадей, был верховой завод и полная возможность иметь свою поддужную. Шишкин, как мы знаем из его биографии, был человек бережливый и цену деньгам знал, а потому едва ли стал бы покупать поддужную. Я сам был коннозаводчиком, имел поддужных лошадей, и все они были свои; то же я видел у Телегина и других. Полагаю, что Шишкин поступал так же.

Утверждение Оболенского, что кобыла была полукровная и верховая, притом завода Вяхирева и дочь Рулета, не выдерживает никакой критики. В конце этой главы я буду подробно говорить о Рулете и укажу, что он крыл в Хреновском заводе рысистых кобыл, предназначенных в продажу. Таким образом, бурая кобыла завода Вяхирева могла быть только дочерью рысистой кобылы и должна была прийти к Вяхиреву в брюхе из Хренового. По Оболенскому же выходит, что она была полукровная верховая, а стало быть, либо Рулет состоял у Вяхирева производителем, чего не было, либо эта кобыла была не полукровной верховой, а дочерью Рулета и рысистой кобылы. Такой вывод подсказывает логика.

Рассказ Оболенского о том, что Бычок был в разгонных, что его силу и резвость Смесов узнал случайно, эпизод с телегой – все это противоречит истине, и в следующей главе со ссыл-

ками на источники я подробно расскажу, где, когда и у кого купил Смесов Бычка. Будет также указано, что на Бычке ездил не работник в телеге, а знаменитый графский наездник Семён Белый. Словом, ни близкая дружба Ознобишина с Яньковым, ни знание Ознобишиным завода Шишкина, ни дружба Оболенского с Яньковым – ничто не спасло этих двух известных коннозаводчиков от невероятной путаницы, которую они внесли в дело разьяснения происхождения матери Бычка. Впрочем, хорошо зная пылкое воображение князя Д.Д. Оболенского и его любовь к красному словцу, я не сомневаюсь в том, что почтенный старец Яньков здесь почти ни при чем.

Наиболее интересные и полные данные о происхождении матери Бычка были приведены А.А. Стаховичем на страницах журнала «Коннозаводство и коневодство» в 1888 году. Я дам из этой статьи довольно обширные выдержки и замечу, что эта статья едва ли была в свое время известна многим охотникам. Дело в том, что 1888-й был первым годом издания этого журнала, он тогда печатался крайне ограниченным тиражом. Я смог достать комплект этого журнала лишь после революции: экземпляр уступила мне М.Л. Вильсон, дочь издателя этого журнала.

Вот что писал по интересующему нас вопросу Стахович: «В 1823 году пробует Шишкин скрещивание полукровной кобылы с рысистым жеребцом, и опыт удаётся вполне. В.И. случил бурую кобылу от бурого Рулета (Подр. свед. С. 207), сына выводного из Англии гр. Орловым-Чесменским гнедого Дедалюса (Deadalus) (Зав. кн. Т. I. С. 408) и Рулетки, выводной из Англии (породы не отысканной), с вор. Молодым-Атласным. От этой случки родился в 1824 году гнедой жеребчик Бычок (Голохвастова). <...> Что Бычок – сын бурой кобылы зав. гр. Орловой-Чесменской от Рулета, не подлежит сомнению. <...> Вот что одинаково передавали мне о матери Бычка сперва И.Д. Ознобишин, а потом и сам В.П. Воейков. Раз Шишкин ехал с Воейковым из его деревни Лавровки в Хреновое. Они проезжали Орловскую степью, которую тогда держал в аренде купец Вяхирев, имевший конный завод; заехали к нему и стали смотреть табун маток. Шишкин обратил внимание на шустрюю бурую кобылку, бывшую под табунщиком, – небольшого росту, породистую, ладную, сухую. Она как вьон вертелась под седлом. “Вот лошадь Алёше (сын Шишкина. – *Ред.*) под охоту”, – сказал Шишкин Воейкову и купил эту кобылу. Она оказалась зав. гр. Орловой-Чесменской от бурого Рулета. Кобыла эта всю осень скакала под собаками, а весною 1823 года она была случена с Молодым-Атласным и ожеребила Бычка, которого заезжали и ездили в Хреновой. <...> А.В. Шишкин продал Бычка И.Н. Рогову и по его просьбе (опять на основании гонения всеми коннозаводчиками примеси верховой и особенно английской крови к рысистой породе) написал в аттестате Бычку: мать – рысистая Домашняя от Кролика. Рогов с аттестатом А.В. Шишкина продал Бычка моршанскому купцу Н.Е. Смесову уже за дорожную цену.

Когда стали издавать первый русский рысистый студбук “Подробные сведения о конских заводах в России”, Д.П. Голохвастов в описи своего завода показал породу Бычка на основании аттестата, выданного А.В. Шишкиным: мать – рысистая Домашняя от Кролика. В.И. Шишкин в описях своего завода показал настоящую породу: мать – бурая кобыла от Рулета. В.И. Шишкин не знал о производстве матери Бычка по просьбе Рогова в рысистую Домашнюю от Кролика. Издатель “Подробных сведений...” Н.В. Граевский, видя эту разницу показаний, уведомил о ней Д.П. Голохвастова, который прислал Граевскому аттестат Бычка (за подписью А.В. Шишкина), а Шишкину послал эстафету, требуя немедленного разьяснения этой путаницы. Пришлось В.И. Шишкину согласиться, что Бычок – сын рысистой Домашней от Кролика, что ошибка в породе его матери произошла от описки писца, но в описи своего завода Шишкин не стал сочинять рысистую Домашнюю, а просто написал: мать породы Кроликовой. Н.В. Граевский подтвердил мне, что... в описи завода В.И. Шишкина мать Бычка показана была сперва бурая от Рулета и на его запросы Голохвастову Шишкин уведомил Граевского, что в его описи мать Бычка показана от Рулета по ошибке писца, а она породы Кроликовой».

Я разделяю утверждение Стаховича, что мать Бычка была именно дочерью Рулета, но иду еще дальше и утверждаю, что бабка Бычка была действительно дочерью Кролика, равно как и известная по заводским книгам вся дальнейшая порода этой женской семьи. Подробно свой взгляд я разовью в конце этой главы, а теперь вернусь к сообщению Стаховича.

Приведенные Стаховичем данные представляют большой интерес. Как и всегда в работах этого автора, правда переплетается с анекдотическими подробностями, а иногда и с плодами его пылкой фантазии. Я хочу обратить внимание читателя на то, что действительно заслуживает внимания и служит к уяснению интересующего нас вопроса.

Стахович начинает свое повествование с заявления, что в 1823 году Шишкин пробует скрещивание полукровной кобылы с рысистым жеребцом и опыт удается вполне. Раз речь идет об опыте, то обязателен продуманный выбор скрещиваемых особей, известная обстановка опыта и пр. На самом деле это было не так. В 1823 году Шишкину не было надобности делать такой опыт, ибо прежде подобные скрещивания широко практиковались им в Хреновом, куда он поступил в конце 1811 года. Стахович приводит красивый и талантливо написанный рассказ о том, как случайно купил Шишкин мать Бычка, и купил-то как охотничью лошадь для сына. Таким образом, опыта здесь никакого не было. Скорее всего, Шишкин, этот великий знаток лошади, своим метким глазом оценил выдающиеся качества бурой дочери Рулета, купил ее под охоту, но, убедившись в ее высоких качествах, затем случил с Молодым-Атласным. Достоинно внимания, что, кроме Бычка, в заводе Шишкина от Домашней жеребят не осталось, и это дает повод думать, что Домашняя либо пала, либо же была продана. Шишкин не мог предугадать, что Бычок будет такой знаменитой лошадей. Если бы Домашняя предназначалась для опыта, как говорит Стахович, то она была бы случена не один раз и так скоро не выбыла бы из завода. Таким образом, в этой части рассказа Стахович себе противоречит. Но исключительно ценно его утверждение о том, что мать Бычка была дочерью Рулета. С тем, что бурая кобыла, дочь Рулета, была завода графини Орловой-Чесменской, я согласиться не могу. Эта кобыла была завода Вяхирева и пришла к нему в брюхе матери из завода графини Орловой-Чесменской. А вот ее мать действительно была завода Орловой. Здесь Стахович допустил ошибку, это ясно. Коптев писал, что Бычок – сын вяхиревской кобылы, а не хреновской. Подтверждение тому мы находим и у других авторов.

В красивом рассказе о покупке Шишкиным матери Бычка все мне кажется верным, взятым с натуры, за исключением утверждения, что мать Бычка родилась в заводе графини Орловой. Стахович был близок с Воейковым, автором этого рассказа, а Воейков был дружен с Шишкиным. Об этом неоднократно писал Стахович. И когда я однажды гостил у него в Пальне, Стахович на мой вопрос, как Шишкин мог выпустить из Хреновой таких великих кобыл, как Самка и Победа, улыбнувшись, ответил: «Шишкин искал Воейкова как жениха для своей дочери и уступил ему этих кобыл в надежде, что Воейков женится на ней». Это отчасти показывает, что Стахович близко знал отношения Воейкова с Шишкиным. О том, что Шишкин был очень дружен с Воейковым, мы знаем и из других источников. Существуют воспоминания артиллерийского генерала Ратча; в них он пишет о воейковской Лавровке и В.И. Шишкине и говорит, что Шишкин был другом Воейкова и подолгу у него гостил. Можно не сомневаться, что переданный Стаховичем рассказ Воейкова о том, как Шишкин купил мать Бычка, верен. Косвенное подтверждение тому же мы находим и в других источниках.

Последний абзац статьи Стаховича представляет наибольший интерес, но вызывает немало сомнений. Стахович утверждает, что Д.П. Голохвастов, представляя опись своего завода, изложил происхождение матери Бычка согласно аттестату, выданному сыном Шишкина, а В.И. Шишкин, якобы не зная об этом, в своей описи показал настоящую породу: мать – бурая кобыла от Рулета. Это я категорически отрицаю. Имя Домашней уже фигурирует в Лебедянском календаре за 1837 год, то есть за два года до издания «Подробных сведений...» и за несколько лет до продажи Бычка Голохвастову. В календаре прямо сказано, что Бычок – «от

Атласного и Домашней», а не от кобылы, дочери Рулета. Это одно может служить доказательством, что рысистая Домашняя не выдумана целиком и полностью, что это имя не придумано потом, когда Бычок уже прославился.

Все утверждения, будто, составляя опись своего завода, Шишкин якобы не знал, что его сын приписал рысистое происхождение матери Бычка, не выдерживают никакой критики. Бычок родился в 1824 году, «Подробные сведения...» были изданы в 1839-м. Материал для книги собирался года два. Допустим, Шишкин представил свою опись в 1837 году, но и тогда получим следующее: Бычок в 1837-м был не только знаменитой лошадей, но и за год до этого куплен Голохвастовым за 36 000 рублей, баснословные по тем временам деньги. Иначе говоря, когда Шишкин составлял свою опись, Бычок уже был знаменит и Василий Иванович не мог отнестись без внимания к изложению его породы. Совсем другое дело, если бы опись Шишкина была составлена в конце 1820-х годов. Тогда Шишкин-отец мог бы не знать, какой аттестат проданной лошади выдал его сын. Но при указанных обстоятельствах это совершенно невероятно.

Мы видим, что в описи завода Шишкина только у одного жеребца – Бычка – даны приметы и рост, что не сделано для других жеребцов-производителей. Это показывает, как внимательно отнесся к Бычку Шишкин, а потому нельзя допустить даже мысли, что он не знал, каков был аттестат, выданный его сыном на Бычка. Совершенно невероятно, чтобы Алексей Шишкин не заинтересовался прочесть опись завода своего отца перед отправкой ее в печать в Санкт-Петербург. Он должен был просить отца согласовать породу Бычка с той породой, которую он указал в аттестате этой лошади при продаже ее Рогову. Я думаю, что так оно и было в действительности. Алексей Шишкин по просьбе Рогова написал в аттестате Бычка: «...мать – рысистая Домашняя от Кролика». Это было с его стороны неосторожно, но молодой человек в 1828 году, продавая четырехлетнего Бычка Рогову, не мог предугадать, что Бычок станет знаменит. Когда пришло время составлять опись завода, Шишкин-отец, зная об этом аттестате и в полном согласии с сыном, как человек более умный и осторожный, пишет по существу то же – «мать породы Кроликовой», но опускает слово «рысистая» и дает более осторожную редакцию: не «Домашняя от Кролика», а «породы Кроликовой». Иными словами, он приписывает происхождение Домашней к роду Кролика, но не пишет, что она его дочь. Я нахожу, что В.И. Шишкин превосходно вышел из затруднительного положения, ибо не сказал заведомой неправды и скрыл истину, которую сказать не мог, не поставив в неловкое положение своего сына. Думается, Стахович не прав, утверждая, что Шишкин не знал того, что написал о Домашней его сын, а сын не знал, что написал отец. Наоборот, порода матери Бычка изложена в описи завода В.И. Шишкина в полном согласии с тем, что было написано его сыном в аттестате. Не будь этого, мы, несомненно, в описи завода имели бы точное и вполне достоверное изложение породы кобылы Домашней, матери Бычка. Кроме того, Шишкин, фанатик породы, не желая, чтобы истинное происхождение Бычка было сокрыто от нас на веки вечные, дал ключ к разъяснению его происхождения. Этот ключ мы и попытаемся найти.

Теперь еще об одном утверждении Стаховича, будто бы Граевский лично ему говорил о том, что в описи завода В.И. Шишкина матерью Бычка «была показана сперва бурая от Рулета и на его запросы Голохвастову Шишкин уведомил Граевского, что в его описи мать Бычка показана от Рулета по ошибке писца, а она породы Кроликовой». На это я должен возразить, что столь категорическое утверждение Стаховича ничем не подкреплено. Приводя это сообщение, Стахович на полустранице текста путается и противоречит сам себе. Сначала он говорит, что Граевский послал эстафету – не письмо или служебный пакет! – с запросом о породе матери Бычка. Здесь чувствуется натяжка, и я склонен с большой осторожностью отнестись к этой части рассказа Стаховича. Я, конечно, ни одной минуты не сомневаюсь в том, что мать Бычка была дочерью Рулета, но несколько сомневаюсь в том, что это было написано Шишкиным, прочтено затем Граевским и рассказано Стаховичу.

Я все же думаю, что В.И. Шишкин был слишком умным и осторожным человеком, чтобы так попасть впросак. Граевский в заводской книге 1854 года, когда страсти уже улеглись и Шишкин с Голохвастовым сошли в могилу, привел оба варианта происхождения Бычка – из описи Шишкина и из описи Голохвастова – и умолчал о третьем варианте. Если бы существовал третий вариант, о котором пишет Стахович, то Граевский не преминул бы и его привести, как делал это в аналогичных случаях. Граевский был не только фанатиком генеалогии, но именно он, по удачному выражению Лодыгина, заложил краеугольный камень в дело изучения породы орловского рысака. Не подлежит никакому сомнению, что к происхождению Бычка он отнесся не только с должным вниманием, но и с глубочайшим интересом.

Немало лиц писали о происхождении Бычка, и у всех при этом был том «Подробных сведений...» 1839 года, но никто, по-видимому, не обратил внимания на тот простой факт, что Бычок, не будучи производителем в заводе Шишкина, в описи его завода значится именно среди производителей. Почему и отчего? Зачем Шишкин поместил Бычка в отделе своих производителей, когда этот жеребец был продан в четырехлетнем возрасте и не покрыл в заводе ни одной кобылы? Я полагаю, что ответ на этот вопрос довольно прост. Помещая Бычка среди производителей своего завода, Шишкин мог ограничиться тем лаконическим изложением происхождения Бычка, какое он сделал, и это не бросалось особенно в глаза, ибо и порода некоторых других его производителей была изложена так же кратко, с указанием только имени матери, которую затем и надлежало найти в отделе заводских маток. Там происхождение кобыл было уже изложено весьма подробно, до самых отдаленных предков, даже с указанием их масти. После этого следовало обычное в заводских книгах перечисление приплода матки, годов холостения, кому продана и пр. Среди этих кобыл Домашней нет, ибо, помещая ее в этом отделе, Шишкин должен был бы привести все эти данные, а он их привести не хотел. Поместить же Домашнюю с таким лаконическим изложением происхождения, как это сделал Шишкин, было неудобно, потому что это привлекло бы сейчас же внимание коннозаводчиков и охотников. Мне кажется, что Шишкин все это учел, и очень удачно, ибо почти сто лет на это никто не обращал внимания. Предположение мое тем более вероятно, что Шишкин по своей прежней деятельности был конторщиком, затем сам приводил в порядок генеалогию всех хреновских лошадей, а потому был в высшей степени искушен в бумажных делах и всех казусах и тонкостях заводских книг. Не такой был человек Шишкин, как его рисует Стахович; это был далеко не простак, а умный, крепкий и себе на уме человек, вышедший из народа, прошедший хотя и тяжелую, но хорошую школу, и ничего-то он не делал зря и спроста! Поэтому я думаю, что неспроста попал Бычок в отдел заводских производителей шишкинского завода.

После всего сказанного вопрос о происхождении матери Бычка достаточно освещен, и я могу ограничиться указанием на то, что все последующие авторы, писавшие по этому вопросу, ничего нового не сказали. Ничего нового не дала и известная полемика М.Я. Сухотина и И.В. Прохорова, разгоревшаяся в конце 1880-х годов на страницах популярного журнала «Русский спорт». Оба знатока генеалогии были фанатическими поклонниками Бычка. Их спор интересен, но ничего нового и сколько-нибудь значительного в вопрос о происхождении матери Бычка он не внес, а потому я ограничусь лишь упоминанием о том, что подобная полемика имела место. Исключение в этом отношении составляет В.В. Недоброво, который дает новый вариант происхождения Домашней. Приведу данные из статьи этого автора, опубликованной на страницах журнала «Рысак и скакун» (1907): «...считаю долгом, пользуясь представившимся случаем, выяснить на основании имеющихся у меня фактических данных породу Бычка с материнской стороны. В “Подробных сведениях...” и прочих заводских книгах Бычок показывается рожденным в 1824 году от Молодого-Атласного и Домашней “породы Кроликовой” или “рысистой от Кролика”, без указания масти и места рождения. Ввиду несомненного интереса выяснения действительного происхождения кобылы, имя которой, благодаря Бычку, ее сыну, встречается в отдаленных, правда, поколениях у многих современных лошадей, я

подробно, со ссылками на источники, поговорю о ней в непродолжительном времени. Теперь же, не вводя в настоящую, и без того сильно разросшуюся, статью подробности, не имеющие прямого отношения к Петушку якунинскому, скажу только, что она, так же как и Безымянка, о котором сказано выше, родилась у В.А. Недоброво в 1818 или 1819 году (последнее, я думаю, вернее) от Старого-Атласного и выводной английской кобылы, купленной сыном В.А. Недоброво, Павлом Васильевичем Недоброво, в 1814 году во Франции у английского поручика, который, сильно проигравши деду и другим офицерам Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка (в котором служил в то время П.В. Недоброво), решил для отыгрыша реализовать на деньги свою лошадь, рыжую кобылу, и тут же предложил своим партнерам купить ее. Кобыла была куплена П.В. Недоброво и названа им, ввиду ее английского происхождения, Заморской. Она служила около трех лет в качестве охотничьей лошади и была так резва и неутомима, что на ней заганивали волков. Будучи покрыта Старым-Атласным в первый год по приводе его в Васильевку от В.И. Шишкина (Ст. – Атласный был куплен в 1817 году, но, к сожалению, я не могу установить, пришел ли он в Васильевку до или во время случного сезона названного года), она дала рыжую кобылку, названную Домашней, причем это имя было дано кобылке как синоним слов “своя”, “доморошенная”, как бы в противоположность ее “заморской” матери и отцу, недавно приведенному с чужого завода. О том, как попала Домашняя к В.И. Шишкину, где была в первый же год по приводе покрыта Мол. – Атласным, а равно и о дальнейшей судьбе ее матери скажу в другой раз».

Я хорошо знал В.В. Недоброво и весьма ценил его как талантливого писателя и большого поклонника орловского рысака. Статья, из которой я привел эту обширную выдержку, появилась в «Рысаке и скакуне» в то время, когда я редактировал и издавал этот журнал. Вскоре после ее напечатания я был в Санкт-Петербурге и посетил Лесной, где постоянно проживал В.В. Недоброво. Это был очень милый, умный, толковый и деликатный человек, обедневший представитель когда-то богатого и знаменитого рода, в мое время служивший в Министерстве финансов. Естественно, что я повел речь о его статье, в которой мое особое внимание привлек рассказ о Домашней, ибо это был совершенно новый и никому до того не известный вариант происхождения матери Бычка. Вариант этот был тем более интересен, что Недоброво считал мать Бычка дочерью Старого-Атласного и кровной кобылы, а так как Бычок был сыном Молодого-Атласного, сына Старого-Атласного, то выходило, что Бычок был результатом скрещивания полубрата с полусестрой. Впечатление, которое я вынес от разговора на эту тему с Недоброво, было неблагоприятным. Я думал увидеть у него старые заводские книги завода его прадеда, В.А. Недоброво, и найти там подтверждение рассказу, но оказалось, что книги давно сгорели в Тамбовском имении. У Недоброво не было никаких документальных данных, которыми он мог бы подкрепить свое смелое утверждение о происхождении Домашней. Я выяснил, что отец Недоброво умер, когда сын был еще ребенком. Многое он мог спутать и даже не так понять. В своей статье Недоброво сказал, что он опирается на фактические данные, а их не оказалось. Недоброво обещал рассказать все подробности о том, как попала Домашняя к Шишкину, «в другой раз», но этого обещания не сдержал. Поэтому не стоит подвергать особую критику вариант Недоброво. Критиковать легко, и доводы Недоброво разбить нетрудно – многое здесь, так сказать, притянута за уши.

После приведенных многочисленных выписок и справок ясно, что в прежнее время в коннозаводских кругах не существовало и тени сомнения в том, что Бычок происходил не от чисто рысистой кобылы, а от кобылы полукровной. Большинство охотников, а также лиц, писавших о происхождении Бычка, склонялись к тому, что его мать была дочерью Рулета. Это мнение я всецело разделяю и намереваюсь сейчас заключить главу своими соображениями по этому поводу.

Бычок был действительно сыном бурой кобылы от Рулета, купленной Шишкиным в присутствии Воейкова у Вяхирева. Кобыла эта родилась у Вяхирева от купленной у графини Орло-

вой-Чесменской жеребой кобылы. Эти данные точно вытекают из слов Коптева и Воейкова. В подкрепление этого положения могу привести следующее:

1. Рулет был бурой масти, а его отец Дедалюс – гнедой. Вот почему Бычок, будучи гнедым, очевидно, в прадеда, давал также бурых и рыжих лошадей. Известно, что дочь Бычка Рында была бурой масти. Циммермановский Бычок был рыжим: в описи завода Ф.М. Циммермана он показан темно-рыжим, но не бурым. Та же масть видна на имеющемся у меня портрете Бычка кисти Швабе.

2. Никем и никогда в литературе по этому вопросу не было указано, что дети Рулета бежали и выигрывали на бегу. Если бы это удалось доказать, это послужило бы указанием в пользу того, что мать Бычка была дочерью именно Рулета. Тогда было бы понятно, почему от дочери Рулета родился выдающийся рысак.

Я обнаружил календарь Лебедянского скакового общества за 1834–1855 годы. Там сказано, что от Рулета бежал с большим успехом красно-гнедой жеребец Телок Д.П. Воейкова 2-го, сын кобылы Сударки завода графини Орловой-Чесменской. Телок родился в 1831 году, очевидно, от купленной в Хреновском заводе жеребой кобылы. Сам Рулет, как это значит в описи Хреновского завода, пал в 1830 году. Интересно, что Телок был красно-гнедой масти. Известно, что Бычок также был красно-гнедой, и эта масть является характерной для лучших его потомков. Из того, что Телок был красно-гнедым и сыном Рулета, а Бычок был также красно-гнедым и его внуком, я по аналогии заключаю, что мастью Бычок и Телок вышли в Дедалюса, отца Рулета. Кроме Телка, от Рулета бежал еще один жеребец, но без успеха. Это был Быстрый завода Д.П. Воейкова 2-го. Однако я считаю, что этот Быстрый неправильно был показан в издании Московского бегового общества сыном Рулета. В действительности он был его внуком. Замечательно, что и он имел красно-гнедую масть. Наконец, дочь Телка Отрада завода Д.П. Воейкова 2-го, которая бежала в Москве в 1841 году, также была красно-гнедой. Все это служит доказательством того, что Рулет был препотентным жеребцом и многие потомки в точности повторяли его масть. Рысистые кобылы Хреновского завода, которые продавались с аукциона, предварительно случались с верховыми жеребцами. Из всех этих жеребцов, давших весьма многочисленный приплод, разошедшийся по России, побежали только дети Рулета. Это доказывает, что верховой жеребец Рулет давал резвый на рыси приплод. Я придаю этому сообщению большое значение и считаю, что неслучайно Рулет стал дедом Бычка.

3. Рулет был сыном выводного из Англии Дедалюса. Его мать, кобыла Рулетка, куплена в Англии, но ее порода неизвестна. Сам Рулет родился в Хреновом в 1804 году и пал там в 1830-м. В том, что порода Рулетки не отыскана, я вижу некоторое доказательство того, что она, скорее всего, была не чистокровной, а полукровной кобылой. Очевидно, именно от нее Рулет заимствовал способность давать лошадей с резвой рысью, и я думаю, что Рулетка была упряжной рыистой английской кобылой. Не забудем, что в то время в Англии были резвые на рыси кобылы (в этой стране надобность в резвых рысистых лошадях была большая). А раз был спрос, явилось и предложение. Орлов выписал несколько таких кобыл из Англии. Быть может, Рулетка была одной из них.

4. В примечании к описи Хреновского завода имеется следующее указание: «С Рулетом случались рысистые матки перед продажей их из Хреновского завода». Отсюда я делаю вывод, что та бурая кобыла, которая была куплена Шишкиным у Вяхирева и происходила от Рулета и хреновской матери, была дочерью рыистой кобылы. Думаю, что это логический вывод, ясно вытекающий из приведенных выше сообщений о том, каких именно кобыл крыл Рулет в Хреновском заводе. Мне могут возразить, что Рулет мог крыть и верховых кобыл, которые также поступали в продажу. Это могло иметь место, но маловероятно. Рысистые кобылы, продававшиеся из Хреновского завода, крылись только определенными жеребцами, а этих кобыл было много, и трудно допустить, что этими же жеребцами, менее ценными, крыли еще и своих или же продажных верховых маток. Для этого были другие, специально предназначенные жеребцы,

и мы знаем их имена. В начале своей заводской деятельности Рулет крыл и основных верховых маток завода. Но, просматривая специально на этот предмет опись верхового отделения Хреновского завода (см. «Подробные сведения...»), я убедился в том, что влияние Рулета в верховом заводе графини Орловой было самым ограниченным, в то время как, например, его отец Дедалюс имел там очень большое значение. Заводское назначение получили всего лишь несколько дочерей Рулета, а начиная с известного года его приплода среди верхового отделения Хреновского завода вовсе нет. Это служит доказательством того, что Рулет был переведен в рысистый отдел, где специально крыл уже только маток, предназначенных в продажу.

5. Я считаю, что рысистая кобыла, мать Рулета, родилась в Хреновском заводе, звалась Домашней и была дочерью Кролика 1-го и Домашней. Доказать это я, разумеется, не могу, но кое-какие соображения по поводу того, что мать Рулета была именно из этой женской семьи, представлю. В.И. Шишкину это было нетрудно установить, ибо в то время (1823) он управлял Хреновским заводом и мог сейчас же найти нужную справку о происхождении кобылы. Он знал, с кем она случена. После того как Шишкин установил происхождение матери бурой кобылы от Рулета, которая оказалась Домашней, дочерью Кролика 1-го и Домашней, он вновь купленную кобылу назвал в честь ее матери и бабки – Домашней. Это было в традиции времени. Когда Бычок в четырехлетнем возрасте был продан Рогову, то Алексей Шишкин (об этом имеются указания в литературе) скрыл по известным уже побуждениям, что мать Бычка была дочерью верхового Рулета. Он возвел ее породу к Домашней от Кролика, на чем, конечно, Рогов не настаивал. Я могу это смело утверждать еще и потому, что вся генеалогия роговских лошадей изложена именно так, то есть лаконически – «мать такая-то от такого-то», а там разбирайтесь, кому это интересно. В этом косвенном факте можно отчасти почерпнуть уверенность, что аттестат был действительно писан по просьбе Рогова. Этот аттестат был в руках не только Голохвастова, но и Граевского.

6. Ключ к разгадке точного происхождения Домашней, матери Бычка, заключается в следующем. Раз бурая, дочь Рулета, была куплена Шишкиным при Воейкове и затем стала матерью Бычка, чего не мог не знать Воейков, не приходится сомневаться в том, что об этом узнали сначала друзья Воейкова, потом друзья его друзей и т. д. Так это и получилось на самом деле. Умный и дальновидный Шишкин (вспомним, что так его называл Коптев) в этом не мог сомневаться. Он знал, что истинное происхождение Бычка, внука Рулета, рано или поздно выплывет наружу и станет общим достоянием. Вот почему он не нашел нужным о нем официально упоминать. Дальнейшую породу Бычка со стороны его матери Шишкин изложил так, что в этом вопросе оставил ключ к разгадке истины. Вспомним, что аналогично он поступил и тогда, когда своих знаменитых Полкана, Усана, Горностая и Ловкого назвал в честь тех хреновских жеребцов, которые и были их фактическими отцами, хотя официально они были показаны как сыновья шишкинских жеребцов. В свое время это стало общеизвестно, и на смертном одре в этом сознался Алексей Шишкин. Коптев это блестяще доказал, а в последнее время Юрасов подтвердил это по формуле наследования мастей, и ныне никто в этом не сомневается.

Точно так поступил Шишкин, когда удачно завуалировал породу Домашней. Назвав ее Домашней, он тем самым указал, что ее женская линия принадлежит к семье кобылы Домашней, которая была одна в Хреновском заводе, и что именно там надлежит ее искать. Мало того, он написал «породы Кроликовой», что особенно важно, ибо, как мы знаем, мать Бычка была внучкой, а не дочерью Кролика, и, стало быть, здесь Шишкин был совершенно прав.

Я, много раз в течение долгого времени возвращаясь к вопросу об истинном происхождении Бычка, продумывал его всесторонне и писал о нем. Одно время я предполагал, что мать Бычка была дочерью Кролика, но затем, получив другие данные, пришел к тем выводам, которые здесь изложил. Эти выводы – результат тридцатилетних трудов по изучению генеалогии орловской рысистой породы, они тщательно продуманы и много раз взвешены. Интересно, что

к тем же выводам пришел в конце своей жизни знаменитый генеалог Карузо, о чем он мне лично говорил.

Итак, я уверен, что порода матери шишкинского Бычка должна быть изложена так: Домашняя – бурая кобыла завода Вяхирева. Отец – Рулет (Заводская книга рысистых лошадей Хреновского государственного конского завода. 1882. С. 243) завода графа А.Г. Орлова-Чесменского, сын Дедалюса, чистокровного выводного из Англии, и Рулетки, также выводной из Англии, породы коей не отыскано. Мать – Домашняя завода графини А.А. Орловой-Чесменской, от Кролика 1-го (с. 230) и Домашней (табл. 31). Родоначальницей этой хреновской семьи маток является кобыла, выведенная из Польши, у которой были тавры: на левой лопатке – 73, а на левом окороке – 15^P. К ее роду принадлежали знаменитый Добрыня 1-й, отец Лебеда 4-го, и кобылы Буянка, Милая и Невоздержная, прославившиеся своим замечательным потомством. В прямой женской линии от этой Невоздержной происходит тулиновская Невоздержная – мать известных Правнука и Любодейки. Правнук – отец дубровского Бычка, а Любодейка – родная бабка Эльборуса 2.16.

Призовая карьера Бычка

Мы уже знаем, что Бычок родился в 1824 году. В трехлетнем возрасте Бычок был приведен в Хреновое. В.И. Шишкин, по данным А.А. Стаховича, отдал его в езду одному из лучших хреновских наездников того времени. Этот эпизод из жизни Бычка показывает нам, что жеребец был подготовлен и наезжен знаменитым графским наездником Семёном Белым. Стаховичу об этом говорил известный наездник Воейкова Сидор Васильев (ученик Семёна Белого), который утверждал, что наездка Бычка началась именно в трехлетнем возрасте. По словам Сидора Васильева, Бычок был тише своих хреновских сверстников (см. статью Стаховича в третьем номере «Журнала коннозаводства» за 1869 год). Возвращаясь к тому же вопросу в 1888 году (см. журнал «Коннозаводство и коневодство»), Стахович утверждает обратное: «...учась езде в Хреновой (речь идет о Сидоре Васильеве. – Я.Б.) у любимого наездника графа Семёна Белого, он видел на езде Бычка, который был не только резвее всех своих хреновских сверстников, но обегал и Чистяка 3-го, считавшегося очень резвым и бывшего на год старше Бычка». Такие противоречия в статьях Стаховича встречались часто, вследствие этого приходится оставить вопрос о резвости Бычка открытым. В сообщении Стаховича важно то, что Бычок был заезжен, работан и подготовлен.

И.Н. Рогов, великий любитель и знаток лошади, уже немолодым человеком по страстной охоте идет в ученики к тому же Семёну Белому и сам становится знаменитым ездоком. В 1828 году он покупает у Шишкина Бычка, и я позволю себе сделать предположение, что эта покупка могла быть совершена по совету Семёна Белого, который знал истинную резвость Бычка. Рогов уводит жеребца к себе на хутор в Тамбовскую губернию, и там с 1828 по 1831 год Бычок живет и, по-видимому, работает и готовится к первому выступлению на бегах. Никаких подробностей об этом периоде жизни Бычка у нас не имеется. Во второй половине 1831 года или же в начале 1832-го Бычок переходит в собственность моршанского купца Н.Е. Смесо́ва. Смесов уплатил за него крупные деньги. К 1832 году относятся первые официальные сведения о резвости Бычка. Как сообщает Коптев, в 1832 году П.П. Воейков приехал в имение М.Ф. Рахманова – село Калугино Тамбовской губернии, и туда же прибыл Смесов со своим Бычком. Рахманов и Воейков отмерили дистанцию в 200 сажень (графская дистанция: 1 сажень = 213,36 см. – *Ред.*), и Бычок несколько раз прошел ее в 44 секунды – резвость по тем временам невиданная! Из этого рассказа следует, что Бычок был блестяще подготовлен Роговым, что Смесов купил уже вполне проверенного по резвости рысака и что теперь перед ним стояла задача прославить Бычка как призового рысака. Известно, что первые рысистые бега в России состоялись в Лебедяни в 1832 году. Однако по неизвестным причинам Бычок, который так блистал в том же году в имении Рахманова, не принял участия в лебедянских бегах. Весьма возможно, что молодой охотник, каким был тогда Смесов, не рискнул его пустить на публичные испытания, предварительно не проверив его резвости в присутствии таких опытных охотников, как Рахманов и Воейков. Видимо, он с недоверием отнесся к той резвости, которая была показана Бычком у Рогова и у него в имении.

В 1833 году о Бычке заговорили в коннозаводских кругах, он появился на бегах в Лебедяни уже с репутацией резвейшего рысака. Тогда началась его всероссийская слава как призового рысака и та громкая известность, которая к концу 1830-х приобрела легендарные размеры.

15 сентября 1833 года Бычок в Лебедяни бежал шесть концов и легко выиграл приз. В побитом поле остались воейковские рысаки Колдун и Хан и ознобишинский Дорогой. За этот подвиг Бычок получил 500 рублей и золотую медаль. В следующем году в той же Лебедяни Бычок выступил дважды и легко победил. 17 сентября он выиграл Императорский приз и получил 1500 рублей. Как курьез отмечу, что в этом призе участвовал бессоновский рыжий

Полкан, которому было тогда 22 года! 21 сентября Бычок легко выиграл у Самца В.П. Воейкова и получил 500 рублей и золотую медаль.

В 1835 году в Лебедяни состоялась первая встреча Бычка со знаменитым воейковским Лебедем. Победителем оказался Бычок, и за ним окончательно укрепилась слава резвейшего рысака России. Это историческое состязание произошло 17 сентября, лошади бежали на приз бегового общества (500 руб лей и золотая медаль). Участвовали Бычок, воейковский Лебедь под управлением знаменитого Сидора Васильева и два бессоновских жеребца – Летун и Любезный. М.В. Ратч, со слов своего отца, известного ремонтера генерала Ратча, рассказывал мне как-то в Тамбове, что никогда на лебедянском ипподроме не было такого скопления народа, такого съезда помещиков и коннозаводчиков соседних губерний, такого количества ремонтеров, военных и цыган, как во время этой первой встречи Бычка с Лебедем. Большинство охотников было на стороне красавца Лебеда, но победил Бычок. Первый конец он проиграл Лебедю. Знаменитого жеребца, принадлежавшего богачу, барину и хлебосолу, у которого пировала вся губерния, встретили небывалой овацией. Но на остальной дистанции Бычок у Лебеда выиграл. В тот день Бычок ушел с ипподрома с репутацией резвейшего рысака России.

В 1836 году Бычок впервые появляется на московском бегу. 6 августа в призе вице-президента бегового общества Д.П. Голохвастова он пришел первым, показав выдающиеся для того времени секунды – 5.45. Вторым в этом знаменитом беге был его соперник Лебедь. Бычок получил 1000 рублей и 60 полуимпериалов. После этого бега Бычка купил за баснословную сумму в 36 000 рублей Голохвастов. До нас дошло печатное сообщение о подробностях этой исторической покупки: «В 1836 году явился Д.П. Голохвастов обладателем первой лошади того времени Бычка, принадлежавшего Смесову. В день покупки отправился Д.П. в пятом часу утра смотреть бег этого непобедимого рысака, и Смесов показал его с двумя поддужными, заставив пробежать с необыкновенною быстротою 24 конца на московском бегу, что составляет 12 верст».

В 1837 году Бычок вышел к старту только один раз. Это было 1 августа в призе вице-президента. Бычок впервые бежал от имени Голохвастова и пришел первым в 5.51, на перебежке он также был первым в 5.49. В побитом поле остались Лебедь, Поспешный и знаменитый матвеевский Аякс. Бычок получил первый приз в 1000 рублей. Ему тогда было 13 лет. Этот бег стал лебединой песней в призовой карьере Бычка, после он уже не принимал участия в призовых испытаниях и ушел в завод Голохвастова. Бычок покинул ипподром со славой непобедимой лошади.

Московским спортсменам было суждено еще дважды увидеть знаменитого рысака на бегу – в 1841 и 1843 годах. В газете «Московские ведомости» от 24 мая 1841 года (№ 24) находим следующее сообщение: «Мая 20-го дня, после обеда, его императорское величество изволил осчастливить посещением своим летний бег, устроенный для рысистых лошадей Московским обществом охотников между Тверской и Пресненской заставами. Государь император изволил прибыть в галерею в шесть с половиной часов пополудни с их императорскими высочествами, государем наследником цесаревичем, государыней цесаревною и их высочествами наследными герцогами Саксен-Веймарским и Гессенским и принцами Эмилием и Александром Гессенскими. У входа в галерею высокие посетители были встречены гном исправляющим должность московского военного генерал-губернатора, генерал-адъютантом А.И. Нейгартом, вице-президентом Общества Д.П. Голохвастовым и членом Общества генерал-адъютантом графом С.Г. Строгановым. Немедленно пущены были попарно 14 лошадей, принадлежащих членам Московского бегового общества, которые с живейшею радостью поспешили воспользоваться этим случаем и представить взору августейшего покровителя всего полезного быстрых коней своих, произведения российского коннозаводства, занимающего столь важную ступень в государственном хозяйстве. Государь император изволил милостиво отзываться о сей национальной русской охоте, с удовольствием смотрел на бег пущенных

лошадей, замечая в них красоту статей, силу, необыкновенную быстроту и правильность бега. Знаменитые иностранцы, сопровождавшие его императорское величество, также любовались этим совершенно новым для них зрелищем, красоте коего содействовали бесчисленное множество экипажей и разного звания людей, окружавших всё пространство бега, и самая погода прекрасного майского вечера».

В шестой паре ехали голохвастовские производители – серый Барс и семнадцатилетний Бычок. Не подлежит никакому сомнению, что эту заметку писал сам Голохвастов. В то время Голохвастов был не только помощником попечителя Московского учебного округа, но также цензором в Москве.

В последний раз Бычок появился на московском бегу в 1843 году, когда ему было 19 лет. 12 июля во время розыгрыша Императорского приза, который был выигран роговским Степенным, ехавшим в одиночку, ибо никто из соперников не дерзнул с ним состязаться, московский бег удостоил своим посещением великий герцог Мекленбург-Шверинский Фридрих Франц. Между бегами и перебежками ему были показаны лучшие рысаки, по три в ряд. Всего было показано пять смен. В пятой смене ехали лучшие рысаки России – зубовский Кречет и голохвастовские Похвальный и Бычок.

Если рассматривать призовую карьеру Бычка с точки зрения современной резвости и тех требований, которые мы предъявляем к рысаку, то она окажется до смешного скромной. Ныне подобная карьера для рысака, и притом для рысака среднего класса, укладывается в один месяц работы на ипподроме. Теперь подобный рысак в один месяц совершает больше подвигов и имеет больше интересных выступлений, чем знаменитый Бычок имел их за 5 лет. Да! Времена меняются, а с ними и люди, и лошади. Все течет, все движется и все совершенствуется в жизни. Усовершенствовались и достигли первоклассной резвости и многие потомки Бычка.

Надлежит еще сказать о том, что думали и писали о резвости Бычка современники и какое впечатление производил на них этот призовой рысак.

Вот несколько выдержек об этом из книги Коптева:

«...Бычок пробежал версту в 1 минуту 50 секунд; принимая в расчет, что резвейший рысак нынешнего времени Кролик (А.А. Сапожникова), пробежавший три версты в 5 минут 36 секунд, совершил (по моим неоднократным наблюдениям) вторую и третью версты каждую без 14 секунд в 2 минуты; следовательно, две версты – в 3 минуты 32 секунды, почему и приходится, что первую версту он пробежал в 2 минуты 4 секунды». Далее Коптев распространяется весьма подробно о том, как бегут рысаки по верстам, и выводит заключение, что он никогда не видал, чтобы рысаки совершали на московском бегу первую версту резвее двух минут. Это было написано в 1859 году. Резвость Бычка – 1.50 на версту – была им получена математически, из расчета, что Бычок делал 200 сажень в 44 секунды. Коптеву казалось, что «он (Бычок), пробегая менее чем половину первой версты в 44 секунды, пробежал бы целую версту в 1 минуту 50 секунд, что покажет страшную, необъятную быстроту этого крылатого коня, никогда не имевшего себе соперников». Далее Коптев отмечает, что Лебедь в 1837 году в состязании с Похвальным получил приз, придя три версты в 5.44, то есть на секунду резвее Бычка, но с Бычком ехать не мог, ему неизменно проигрывал. Отсюда Коптев делает правильный вывод: «...крайняя степень резвости Бычка не была испытана, и едва ли бы уступил он резвейшим рысакам нынешнего времени. Так, по крайней мере, позволяют себе думать многие охотники, живо помнящие бег Бычка».

Вот еще один очень интересный отзыв: «...но Бычок поступал со своими соперниками как кошка с мышью: она дает ей как бы уйти от себя, но вдруг одним прыжком настигает беглянку; так и Бычок: пять концов давал им далеко опережать себя, но на шестом он ударял пружинами своих задних ног в землю и победоносно проносился мимо всех – мимо зрителей, мимо рысаков, мимо беседки, – оставив всех за собою».

Можно привести и другие отзывы о резвости Бычка, но так как все они принадлежат перу Коптева, то я полагаю достаточным ограничиться уже приведенными. Из этих отзывов совершенно ясно, какого мнения были современники о резвости знаменитого Бычка: они считали его феноменальным рысаком, равных которому не было ни до, ни долгое время после него на всех российских ипподромах.

Особенности хода Бычка и многих его потомков

Если я посвящаю особую главу ходу Бычка и его потомков, то на это я имею весьма веские и серьезные основания. Казалось бы, совершенно достаточно и вполне уместно при обзоре призовой карьеры Бычка указать на то, какой ход имел этот жеребец. Что же касается его потомков, то едва ли есть возможность разобраться теперь в их ходах. Так вопрос должен был стоять, и так бы он стоял для всякого другого жеребца, но отнюдь не для Бычка. За самым редким исключением, все наши призовые знаменитости, а также их славные потомки имели превосходные, правильные хода, а потому, чтобы указать на них, потребовалась бы не отдельная глава, а лишь две-три строчки. Все обстоит иначе, когда приходится говорить о ходе самого Бычка и его потомков. Дело в том, что я намереваюсь доказать: и сам знаменитый Бычок, и большинство его резвейших потомков шли неправильными ходами, что, к сожалению, стало особенностью этой знаменитой линии. Это обвинение настолько серьезно, что не может быть брошено Бычкам голословно, а должно быть строго обосновано и доказано. Мне придется привести некоторый фактический материал в доказательство выдвинутого мною положения.

Как ни странно, но до сего времени в печати никто не сделал обобщения этого явления для линии Бычка, хотя отдельные отрицательные отзывы о ходах тех или иных лошадей Бычковой крови в литературе имелись. Когда я сгруппировал весь материал, то ясно увидел, что это, к несчастью, фамильная черта рода, начиная с Бычка, основателя династии. Признаюсь, это открытие стало для меня своего рода откровением. После данных Коптевым поэтических описаний хода шишкинского Бычка я был далек от мысли, что не только Бычок, но и лучшие его потомки могли иметь неверные хода.

Прежде всего необходимо обратиться к ходу самого Бычка, родоначальника линии, или основного Бычка, как я его называю. Данные о характере его хода сообщены, к сожалению, только Коптевым, а в этом вопросе он мог быть далеко не беспристрастным. Чрезвычайно поэтичное и красивое описание хода Бычка, сделанное Коптевым, как бы затушевывает и сглаживает неправильность хода этой лошади. Коптев чересчур большое внимание обращает на общее, опускает частное и, вероятно, не хочет отмечать отрицательные стороны хода. Вот почему читатель вместе с автором восхищается всеми необычайными прыжками и особенностями движений Бычка и забывает, что тут налицо все элементы неправильного хода рысака.

Посмотрим теперь, как описывает нам Коптев ход Бычка:

«Когда мимо вас пролетал Бычок на своих, так сказать, крылатых ногах, которые, в особенности задние, своею пружинностью кидали его на несколько сажень вперед, то вам казалось, что вы видите не лошадь, а что-то небывалое, среднее между конем и пароходом, который как молния проносился перед глазами вашими».

«Никакая другая лошадь не может дать понятия о беге Бычка».

«...Ноги Соболя не отскакивают от земли, как отскакивали от нее ноги Бычка, который весь устремлялся в воздух».

«Таким образом, среди множества превосходных лошадей, отличавшихся на рысистых бегах, эти два коня (речь о Соболе и Бычке. – Я.Б.) ярко выступают перед всеми как совершенные оригиналы, с особенною, им исключительно принадлежащею физиономиею бега».

«...А потому трудно решить, мог ли кто-нибудь победить никогда никем не побежденного коня; лишний раз сделал бы Бычок свои неподражаемые рысистые прыжки, и он убавил бы еще много секунд».

«...Бег Бычка, который, среди ровного бега иногда ударяя своими пружинными задними ногами, делал эти исполинские прыжки, после него не повторявшиеся».

Из этих отрывочных выдержек можно получить довольно ясное представление о ходе Бычка. Как ни был своеобразен и оригинален, а может, и картинен ход этой лошади, тем не

менее правильным его признать нельзя. Я не сомневаюсь в том, что этот ход, эти «исполинские прыжки» должны были впечатлять зрителей и охотников, но это был все же неправильный ход. Коптев в то время был молодым охотником, призовая езда рысаков переживала свое младенчество, а потому вполне естественно, что эта неправильность и неровность бега, где плавная рысь иногда сменялась прыжками, ставилась как бы в заслугу Бычку. С нашей же точки зрения, ход Бычка должен быть признан неправильным.

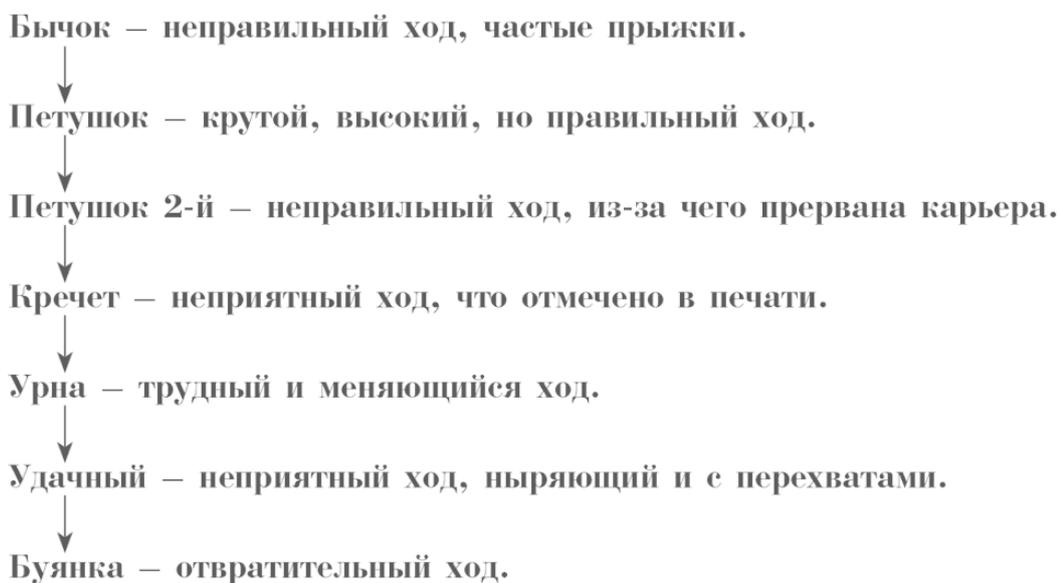
Я имею возможность выдвинуть положение о неправильном ходе Бычка и подкрепить его ссылкой на столь авторитетное лицо, как знаменитый воейковский наездник Сидор Васильев. Вот что писал по этому поводу А.А. Стахович в 1888 году: «Знаменитый наездник В.П. Воейкова Сидор рассказывал мне, что, учась езде в Хреновом у любимого наездника графа А.Г. Семёна Белого, он видел на езде Бычка. Поражал Сидора его ход и тогда, и впоследствии, когда он на Лебеде воейковском много раз состязался с Бычком. При сильных посылках Бычок поддавал сильно задом, делая скачки, как заяц, и страшно этим набирал. Сидор находил, что этот ход был неправильный». Приведенное сообщение чрезвычайно интересно, и я склонен отнестись к нему с доверием. Оно не расходится с тем, что писал о ходе Бычка Коптев.

Интересно было бы разъяснить вопрос, почему среди всех современных ему рысаков именно Бычок имел такое развитие зада и такую силу в задних ногах, что и позволяло ему делать свои скачки и перехваты. На страницах своих воспоминаний, когда я описывал кобылу Урну и вскользь коснулся Бычковой породы, я это объяснял прилитием к данной линии английской крови с вытекавшим отсюда развитием зада, который так могуч и так превосходно построен у кровных лошадей. Тогда же я приводил в пример солововского Дара, ход которого был настолько неправилен, что этого знаменитого жеребца несколько раз лишали выигранных им призов. То же я говорил и о детях Кряжа-Быстрого, где в отдаленных генерациях текла та же кровь через лошадей князя Гагарина. Отсюда я делал вывод, что именно прилитию английской крови все эти рысаки обязаны своею феноменальной силой и неправильными ходами. Они успевали выносить перед, вследствие чего путались и начинали делать перехваты или скачки, а иногда и просто ныряли на ходу, как это делал в свое время Пекин 4.39. Просматривая недавно свои заметки, я наткнулся на следующую интересную выдержку из Коптева: «Но вот бег кончился, приз отдан, а зрители не расходятся. Им обещано зрелище небывалое, невиданное в Москве: англичанин Аштон хотел показать им своего Консерватива, знаменитого английского рысака». Далее идет описание форм Консерватива и крайне интересные соображения Коптева о нем вообще. Я их опускаю, приведу лишь те строки, которые сейчас интересны для нас: «Он бежал, управляемый одним поводом скакавшего с ним рядом жокея, и мы любовались этим странным зрелищем, заметили силу крестца и простор задних ног, но разбор передних ног показался нам слишком крутым или, лучше сказать, скупым». Описывая экстерьер Консерватива, Коптев отметил «необычайный простор между задними ногами». Из этих выдержек видно, что ход Консерватива был, по образному выражению, «скупой», то есть не легкий и не воздушный, как у орловских рысаков. Зато сила хода особо отмечалась автором. Ниже, когда я буду говорить о формах Бычка, я приведу указание, что и он широко стоял задом, то есть имел такой же постанов задних ног, как и Консерватив. Отсюда я делаю вывод, что неправильный ход Бычка, постанов его задних ног, равно как и сила крестца, есть явление общее для всех тех рысаков (Бычок, Дар, Кряж-Быстрый, потомство Консерватива в заводе Петрово-Соловово), у которых близко течет кровь чистокровных английских лошадей.

Посмотрим теперь, как обстояло дело с ходами у ближайших потомков Бычка. Первым знаменитым сыном Бычка был рыжий циммермановский Бычок. Он, по-видимому, обладал правильным ходом, ибо о нем писали: «Бычок (г-на Циммермана) не имеет в своем беге той особенной характеристики, которую имел его отец». Однако уже лучшая дочь этого рыжего Бычка, победительница Императорского приза Тёлка, дважды была лишена приза за неправильный ход. Дочь Бычка Пригожая дала Ходистую, мать знаменитой мазуринской Красы. Ход

Красы был далеко не хорош. О нем в 1873 году писали: «Что касается до ее форм и ее своеобразного, смахивающего на иноходь бега...» Лучшим сыном Бычка был голохвастовский Петушок. Коптев писал о нем: «Петушок бежит красиво и нарядно, то есть высоко поднимает передние ноги и, описав ими крутую дугу, ставит их сильно, ударяя копытами о землю». Таким образом, ясно, что у Петушка был хотя и крутой, но правильный ход. Однако призовая карьера его сына Петушка 2-го (завода графа И.И. Воронцова-Дашкова) преждевременно прекратилась из-за неправильного хода. Резвейший сын Петушка 2-го Кречет имел настолько неприятный ход, что это в свое время отмечалось в печати. Резвейшая дочь Кречета Урна, бывшая у меня в заводе, имела очень трудный и не всегда приятный ход. Интересно, что 50 процентов ее детей наследовали такой же ход, в том числе ее сын Удачный 2.19, который во время бега постоянно нырял и перехватывал. Когда у меня в заводе Удачный покрыл Безнадёжную-Ласку, родную внучку дубровского Бычка, и таким образом в приплоде было инбридировано имя родоначальника линии, то получившаяся от этой случки кобыла Буянка была резва, но имела отвратительный ход, из-за чего я уступил ее в группу заводов Московской губернии.

Если для Буянки составить табличку наследования неправильного хода, получим следующее:

Невольно призадумался, насколько серьезно стоит вопрос с ходами в линии Бычка и каким надо быть осторожным при подборе в этой линии. Отвратительный ход Буянки явился результатом неудачного подбора по ходам. Поясню свою мысль. Петушок 2-й имел неправильный ход, настолько испорченный, что его карьера прекратилась. Этим он был только отчасти обязан своему деду Бычку. Усиление отрицательного качества, вероятно, произошло вследствие того, что мать Петушка 2-го была дочерью блохинского Молодецкого, имевшего очень много английской крови в своем педигри. Отрицательное явление было вновь закреплено у Кречета, сына Петушка 2-го, так как его мать Корона приходилась внучкой Колдуну от Консерватива, о котором я писал выше. Таким образом, у Удачного закрепилась предрасположенность к плохому ходу. Когда он покрыл внучку Бычка (дубровского), то и получилась кобыла Буянка с отвратительным ходом. Нахожу уместным добавить, что знаменитый рязанский коннозаводчик Н.И. Родзевич, когда я у него гостил в Баграмове, говорил, что подбор по ходам играет очень большую роль в деле создания призового рысака. С самоуверенностью, свойственной молодости, я пропустил это мимо ушей, но через много лет убедился, что Родзевич был прав.

Другой сын голохвастовского Петушка – Бычок, знаменитый рысак своего времени, состоявший производителем у Д.А. Энгельгардта и потом у М.Я. Сухотина, также имел далеко не безупречный ход. В «Журнале коннозаводства» за 1863 год (№ 9) дается описание бега на приз его величества, в котором принимал участие Бычок. Он остался за флагом. Описывая этот бег, автор отчета сообщил: «Из остальных бежавших на этот приз замечателен Бычок Д.А. Энгельгардта. Этот жеребец приведен в заводском теле и весною покрывал десять кобыл, его ход значительно исправился». Его родной внук – Бычок завода Энгельгардта, – которого следует называть дубровским Бычком, ибо он не только поставил на ноги этот завод, но и прославил его, также имел неприятный ход, что отмечалось в свое время Прохоровым. Дети дубровского Бычка, чья призовая карьера проходила у меня на глазах, в большинстве случаев имели не только неприятные, но и неправильные хода. Они приталкивали задней ногой или, как выражаются охотники, «находили пятую ногу», ныряли, делали бесконечные перехваты, и бег их был непривлекателен. В этом обвиняли почтенного дубровского наездника М.Д. Стасенко, говоря, что он их «турит», то есть гонит, и что такова, мол, приездка лошадей и система езды у этого знаменитого наездника. Но вот пересел после революции Стасенко на хреновских лошадей, и лошади пошли у него правильными и красивыми ходами. Значит, дело было не в Стасенко, а в породе Бычков.

Дети другого дубровского жеребца, Хвалёного, имели хорошие хода, хотя сам Хвалёный и происходил от Наволочки, дочери Петела, что от голохвастовского Петушка. Однако когда в Дубровском заводе Хвалёный покрывал дочерей или внушек Бычка, в приплоде инбридировалось имя основного Бычка, и такие лошади зачастую шли неправильными ходами. Вспомним хотя бы Хулигана, эту последнюю выдающуюся и вполне первоклассную лошадь, вышедшую из творческих рук Измайлова.

Я мог бы привести и многие другие примеры – правда, для лошадей менее знаменитых. Однако полагаю, что и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод: не только сам знаменитый шишкинский Бычок, но и многие его потомки имели неправильные хода. Это следует иметь в виду, работая с представителями этой линии.

Рост, формы, тип и характер Бычка и лучших его потомков

О росте Бычка имеются совершенно точные данные. Мы имеем три указания: первое – в описи завода В.И. Шишкина («Подробные сведения...»), второе – в описи завода Д.П. Голохвостова (там же) и третье – в «Журнале коннозаводства» за 1842 год (№ 3). Рост Бычка в описи Шишкина показан 2 аршина $2\frac{3}{4}$ вершка, в двух остальных случаях он указан ровно 3 вершка. Лично я думаю, что Бычок имел тот рост, который указан Шишкиным; очевидно, что у Голохвостова накинули четверть вершочка, чтобы доставить удовольствие барину, который так любил своего жеребца. В «Журнале коннозаводства» рост Бычка показан, по всей видимости, согласно данным описи Голохвостова. Принимая во внимание, что рост менее трех вершков весьма часто повторяется у потомков Бычка, я считаю эту цифру правильной.

Посмотрим теперь, насколько стойко Бычок передавал свой мелкий рост даже отдаленному потомству. Петушки были очень мелки, их Коптев определял как двухвершковых лошадей. В письме Коптева к баронессе Вимпфен, урожденной Воейковой, есть данные о росте Конька, сына Петушка: «не велик, менее трех вершков». О росте Петушка мы находим в сочинениях Коптева еще следующие строки: «Петушок похож на своего славного отца: он несколько меньше его ростом...» Стало быть, если в Бычке было $2\frac{3}{4}$ вершка, то в его сыне Петушке, который был мельче, – никак не более $2\frac{1}{2}$ вершка. Неудивительно, что и потомки Петушка были близки к этому росту. Я имею возможность привести выдержки еще из одного неизданного письма И.М. Стахова ко мне. Стахов по образованию был ветеринарный врач, долгое время управлял заводом А.А. Стаховича. В его доме он был своим человеком. И.М. Стахов – побочный сын М.А. Стаховича, брата А.А. Стаховича и автора «Ночного» и «Наездников». Со Стаховым я познакомился в Туле после революции: он работал по животноводству в Тульской губернии, поэтому мне частенько приходилось иметь с ним дело. Могу засвидетельствовать, что это был исключительно правдивый и совершенно точный в своих оценках и словах человек. Вот короткая выдержка из его письма: «Булатная была белой масти, не капитальна – мелка; скорее, можно ее назвать лошадкой, а не лошастью. Рост около двух вершков (а пожалуй, и меньше)». Речь идет о знаменитой Булатной, матери Леска и родной бабке Корешка. Ее Стахов хорошо знал. Булатная имела инбридинг на Бычка, и этого оказалось достаточно, чтобы рост этой кобылы оказался характерным для первых, самых ранних Бычков. Здесь я считаю необходимым указать, что А.А. Красовский в своей статье «Булатная и ее семейство» (Материалы по вопросам рысистого коннозаводства. 1916. № 1) пишет: «Сама Булатная была, правда, небольшой, вершка под три». Это противоречит указаниям Стахова и самого Красовского. Однако, зная исключительную добросовестность Стахова и сумбур, постоянно царивший в голове Красовского, я считаю, что данные о росте Булатной, сообщенные Стаховым, верны. Поэтому приходится согласиться с Коптевым, который в том же письме к баронессе Вимпфен пишет еще: «... как и вся порода Бычкова, не велик, менее трех вершков». Циммермановский Бычок получился крупнее своего отца, но его дочь Тёлка была мелка. Один из лучших сыновей Петушка, воронцовский Петел, был совсем не крупен: в нем не было трех вершков. Знаменитый голохвостовский Петушок окончил свои дни в заводе графа И.И. Воронцова-Дашкова, кровь его была очень сильна в этом заводе. Всем известно, как хороши были воронцовские лошади, но их справедливо упрекали в том, что они мелки. Иначе и быть не могло, ибо в них было сильно влияние Петушка. Когда с течением времени влияние Петушка в этом заводе стало ослабевать, кровь его начала поглощаться другими линиями, а затем американскими рысаками, то рост воронцовских лошадей сейчас же поднялся, стали появляться крупные лошади. Это было уже на моих глазах. В том же заводе, но от жеребцов других линий, рождались крупные лошади и в старину. Насколько константны были в этом отношении Бычки, можно судить по знаменитому Хвалёному. Его мать Паволока, будучи дочерью Петела, была мелка: ее рост едва ли

достигал двух вершков. Я прекрасно помню эту кобылу. Сын Паволоки Хвалёный не имел трех вершков. Феодосиев рассказывал мне, что когда Хвалёного необходимо было представить на неизбежный осмотр перед Императорским призом, то его пришлось специально подковать, чтобы сделать из него трехвершковую лошадь, иначе он не был бы допущен на этот приз. После осмотра Хвалёного сейчас же перековали, и на приз он ехал на обычных подковах. Рост Хвалёного был не более $2\frac{3}{4}$ вершка. Хвалёный давал и крупных лошадей, но когда ему подводили кобылу породы Бычка (а таких в Дубровском заводе было большинство), то он обычно давал мелких лошадей. Вспомним хотя бы его лучшего сына Хулигана: в нем по самой смелой мерке было $3\frac{1}{4}$ вершка.

Дубровский Бычок был лошадейю не мелкой. Я где-то высказывал предположение, что Энгельгардт подвел его деду Бычку (сыну Прелестницы) крупную тулиновскую кобылу Невоздержную с целью поднять рост линии, и это ему удалось. Дубровский Бычок имел рост 4 вершка, но иногда давал очень мелких лошадей, вроде Былого (2 вершка). Вот некоторые данные о росте детей дубровского Бычка. Его лучший сын Бывалый – $5\frac{3}{8}$ вершка, Бегучий – $3\frac{1}{2}$ вершка (Материалы для описи Дубровского завода. Москва, 1899). По данным тех же материалов, рост Хвалёного $2\frac{3}{4}$ вершка. Стало быть, рассказ Феодосиева вполне подтверждается. Кроме того, я сильно сомневаюсь, что у Бывалого было $5\frac{3}{8}$ вершка. Он не производил впечатления такой крупной лошади. Не опечатка ли это в «Материалах для описи...»?

Среди Бычков были и крупные лошади, но это следует все же рассматривать как исключение из общего правила и результат влияния на них по материнским линиям. Коптев в том же письме сообщал, что шиповский Летун имел 5 вершков, в то время как его отец Друг был не более 2 вершков. Я это объясняю влиянием матери Летуна. Летун давал крупных лошадей, мелочи среди них почти не было. Летуны принадлежат к наиболее крупным лошадям линии Петушков. Могу привести еще некоторые точные данные о росте Бычков, которые заимствую из каталогов разных выставок. Светляк имел рост $4\frac{1}{2}$ вершка (каталог 4-й Всероссийской конской выставки 1875 года); Бычок (Петушок – Хитрая) – $3\frac{1}{2}$ вершка, Приманчивая Энгельгардта – $4\frac{1}{2}$ вершка (каталог Всероссийской конской выставки 1866 года); Петушок 2-й – $3\frac{1}{2}$ вершка, Краса Мазурина (внучка Пригожей от основного Бычка) – $3\frac{3}{4}$ вершка (каталог выставки в Москве 1872 года). Как выяснилось, лишь две лошади этой линии, Летун и Бывалый, имели рост 5 вершков и выше.

Все это приводит меня к мысли, что типичный рост лошадей линии Петушков был 2– $3\frac{1}{2}$ вершка.

Перехожу теперь к описанию форм самого Бычка, а также его славнейших потомков. Начну с масти. Бычок был гнедой масти. В описи В.И. Шишкина он показан просто гнедым, в описи Д.П. Голохвастова – светло-гнедым, в «Журнале коннозаводства» за 1842 год (№ 3) он также показан светло-гнедым. Судя по превосходному портрету кисти Рауха, Бычок был светло-гнедой, причем его масть имела густой, сочный, красноватый тон. Свою характерную гнедую масть Бычок очень упорно передавал своим потомкам, вплоть до самых отдаленных. В его потомстве было также много рыжих и бурых лошадей. Серые встречались очень редко, а вороные – как исключение.

Приметы у Бычки были таковы: во лбу звездочка, на верхней губе белое пятно, нижняя губа бела, правая передняя нога около усеницы, задняя правая спереди по щетку, сзади выше щетки и левая выше щетки белы. Так описаны приметы Бычка у Голохвастова; в описи Шишкина они описаны менее точно, но в общем совпадают. Сличая их с портретом Бычка, видим, что все изложено верно. Эти приметы основного Бычка стали как бы обязательными для многих его потомков. Знаменитый Эльборус почти в точности повторяет их, что вовсе не удивительно: его бабка – этой крови. Лошади этой линии почти всегда отметисты, а часто и пестры. Вспомним, что один из лучших сыновей Бычка, зубовский Сокол, был в высокой степени отметист, а дочь Бычка Рында была почти пегой; ее дочь серая Горка дала почти пегую Рынду,

заводскую матку у Янькова, давшую многих отметистых потомков; сын Горки Ловкий дал Лёгкую, мать рыжего Ловкого (завода Загряжского), который состоял производителем у Якунина. Ловкий – дед якунинского Петушка и распространитель пежины в заводе Якунина (Сорока, Горка, Петушок и т. д.). Словом, следует помнить, что Бычки, как правило, отметисты. Наименее отметисты в роду Бычков были знаменитые Петушки, среди них пестрые лошади встречались значительно реже.

Благодаря портрету Рауха мы можем судить, какая грива и какой хвост были у Бычка. Грива у него лежала налево, что отмечено в описи Голохвастова и видно на портрете, и была длинная – грива упряжной лошади. Хвост Бычка сильный, обильный волосом, висит тяжелым снопом; он черный, равно как и грива, без каких-либо седых волос или коричневого отлива. Эту черту Бычок тоже упорно передавал потомству. В пример приведу двух рысаков Дубровского завода. Мне всегда очень нравился Быстролётный (сын коробынской Залётной), грива которого ниспадала очень низко и была необыкновенно длинна. Знаменитый Хулиган также имел длинную гриву, ее принуждены были заплетать в косы.

И.-Н. Раух «Бычок». Картина 1836 г.³

Перейдем теперь к описанию форм Бычка. Из очевидцев, знавших эту лошадь, оставил свое описание один Коптев: «Несколько длинные бабки и довольно тонкие берцовые кости передних ног, стройная, длинная шея с прекрасным зарезом намекали на влияние английской крови». Затем, описывая формы Петушка, Коптев сравнивает его с Бычком: «Петушок похож на своего славного отца: он несколько меньше его ростом, имеет также маленькую седловатость в спине... Те же сухие ноги и длина крутореброго стана. Но у Петушка ширина груди и зада более соразмерны, чем у Бычка, у которого зад был несравненно шире груди». Здесь мы имеем наиболее характерные признаки экстерьера Бычка, которые, особенно мягкость спины, почти обязательны для громадного большинства его потомков.

³ На картине – Бычок (Молодой-Атласный – Домашняя), р. 1824 г., завода В.И. Шишкина.

Из отзывов лиц, не видевших Бычка, но писавших о его формах со слов очевидцев, приведу лишь отзыв Стаховича: «Бычок растянут, спина немного низка, но почка хорошая, великолепный зад, широкая, мускулистая ляжка (как черные мяса у густопсовой борзой), очень сух, сухие ноги (тонкие, по мнению рысистых коннозаводчиков), безо всякого признака щеток или махров; глубокая, превосходная подпруга (английская), громадное, отлично развитое, но отлогое плечо; грудь соколом; длинная шея (с гребешком, немного наедена); сухая породная голова и прекрасные глаза. Бычок – превосходный экземпляр полукровной лошади. Все особенности своих форм с упорною гнедою мастью (думаю, гнедого прадеда, выводного Дедалюса, отца Рулета) вместе с резвостью и силой Бычок передавал и своему отдаленному потомству, так что и теперь легко узнать по формам лошадей этой породы».

Это описание Бычка, по-моему, верно, лишь кое в чем с ним не согласен. Стахович пишет, что ноги у Бычка были «безо всякого признака щеток или махров». Судя по портрету, щетки были как на задних ногах, так и, менее значительные, на передних. С тем, что Бычок – «превосходный экземпляр полукровной лошади», согласиться никак не могу. Позвоительно спросить: какой полукровной лошади? Ведь полукровные лошади бывают разные, например полукровные верховые, рысистые, тяжеловозные, среди верховых – с преобладанием английской или восточной крови и т. д. Я нахожу, что Бычок действительно превосходный тип лошади, но он много выше полукровной. Это настоящий рысак; несмотря на незначительный рост, лошадь упряжи – широкая, дельная, глубокая, длинная и породная. В нем видно английское влияние: оно отразилось в сухости, но не чрезмерной, в богатой мускулатуре, в ширине и построении зада, но вместе с тем Бычок – рысак. Его родословная на три четверти рысистая плюс неизвестная мать Рулета, каковая могла быть английской упряжной кобылой. Все это сильно сказалось в Бычке и создало эту превосходную по типу рысистую, но отнюдь не полукровную лошадь. Правда, Бычок несколько не напоминает и не отражает восточное направление в орловском рысаче. Но это и не нужно, он по-своему хорош, и хорош именно как рысак. Я считаю причисление Бычка по типу к полукровным лошадям (а под этим всегда имеются в виду верховые) явным недоразумением. С легкой руки Коптева и старых охотников это мнение утвердилось, но я уверен, что они имели в виду не столько формы и тип этого рысача, сколько его происхождение. Все последующие авторы, в том числе и Стахович, повторяли эти слова, недостаточно уяснив и мало приняв во внимание тип самого Бычка. В том и состоит величие Бычкова рода, что, будучи лошадьми призовыми, они еще лошади упряжные, пользовательные, которые не теряют веса, ширины, глубины, превосходных ног и деловитости. Если бы я мог воскресить хотя бы одного из прежних великих могикан нашего коннозаводства, хотя бы того же Стаховича, показать ему Петушка или Петела и спросить, какого типа эти лошади, то ни минуты не сомневаюсь, что получил бы ответ: «Конечно, рысисые!» А если бы Петела предъявить нашим мужикам (о них тоже иногда полезно вспомнить и подумать), они такую лошадку оторвали бы с руками! Ибо в типе Бычков есть какое-то здоровое, мужицкое начало, все еще столь сладкое русскому сердцу. Представить же Петушка, Петела или даже самого Бычка под седлом положительно невозможно.

Теперь опишу формы главных ближайших потомков Бычка. Рыжий циммермановский Бычок удостоился больших похвал со стороны Коптева, который считал, что у него «классически прекрасные формы». Далее Коптев пишет: «Посмотрите на длинный, круторебрый стан его, как бы вылитый из бронзы, на эти рысистые ноги, после девятилетнего быстрого бега и теперь еще столь же незыблемо и правильно стоящие на бабках, как бы высеченные из целого гранита; голова Бычка напоминает нам античную голову знаменитого Буцефала (Буцефал значит „бычачья голова“). Замечательное сближение в именах!» Портрет Бычка, исполненный Швабе в 1845 году, представляет нашему глазу действительно во всех отношениях превосходную лошадь. Сразу обращает на себя внимание замечательная сухая голова – голова настоящей чистокровной лошади с горящим, несколько строгим глазом. Я вполне согласен с Коптевым,

что всё в формах Бычка классически хорошо, и лучшего определения дать ему нельзя. Характерно, что на портрете Бычок держит хвост, высоко отделив, что также до некоторой степени указывает на его большой темперамент. На портрете хорошо видны приметы Бычка: во весь лоб лысина, на верхней губе белизна, левая задняя нога с путовым суставом неровно бела, немного ниже холки несколько белых пятнышек. При большой длине он менее глубок, чем его отец; в связке строгий глаз улавливает западинку, но при всем том лошадь замечательная. Вполне достойный сын своего отца!

Бычок (*Бычок Шишкина – Ловкая*), р. 1834 г., рыж. жер. зав. Ф.М. Циммермана

Я видел в свое время портрет дочери этого Бычка, вороной кобылы Тёлки. Тёлка была проще и хуже своего отца. Портрет также был кисти Швабе.

Теперь перейду к описанию форм Петушка, который поддержал величие дома Бычков и надолго покрыл его славой. Те выдержки, которые приведены мною из Коптева, рисуют этого сына Бычка как лошадь $2\frac{1}{2}$ вершка росту, менее широкую в заду, чем отец, имевшую седлистую спину, круторебность, сухость ног, необыкновенно крутой постанов шеи и длинное туловище. Коптев несколько раз подчеркивает седловатость спины Петушка и говорит опять, что шея у него почти вертикально поставлена к корпусу.

Портрет голохвостовского Петушка нигде не был напечатан. Но история коннозаводства обязана графу Воронцову-Дашкову тем, что портрет Петушка был написан известным художником Френцем. Я не люблю портреты Френца: это превосходный художник, но посредственный портретист, к тому же этот немец недостаточно проникнулся духом рысистой лошади, чтобы изобразить ее так одухотворенно, как это делал незабвенный Сверчков. Портрет Петушка кисти Френца по рисунку неинтересен, да и по живописи жидок и дрябловат. Мне удалось его разыскать после революции в Зимнем дворце: туда, в отдел фонда по делам музеев, были свезены многие предметы искусства из петербургских аристократических особняков. Попали туда и портреты лошадей графа Воронцова-Дашкова, ныне находящиеся в Прилепском музее. Все эти портреты безымянные, ни на одном нет имени изображенной лошади, что в значительной мере лишает их интереса. Когда я впервые их просматривал, я об этом глубоко сожалел. Каково же было мое удивление и радость, когда на одном из двадцати портретов

все же оказалась надпись! Я ее прочел и пришел в восторг: «Петушок завода Голохвастова, род. 1842 г., от Бычка и Важной». Я хорошо знаю почерк графа Воронцова-Дашкова и могу засвидетельствовать, что эта надпись сделана им. Граф как бы предвидел, что настанет время, когда лошадей, изображенных на этих портретах, никто не будет знать, и, желая, чтобы изображение знаменитого Петушка не затерялось и дошло до будущих времен, собственноручно сделал на портрете надпись. Отчасти это может служить доказательством того, какое громадное значение придавал Воронцов-Дашков Петушку.

Френц изобразил Петушка на свободе, в поле. Жеребец стоит в таком ракурсе, что зритель имеет возможность судить о ширине его зада. Эта ширина исключительно велика, а мы знаем по Коптеву, что в этой части своего экстерьера Петушок уступал отцу. Как же был широк в зад у Бычок! Я думаю, что такая поза для Петушка избрана неслучайно: здесь было желание подчеркнуть эту особенность экстерьера. Петушок светло-гнедой, грива и хвост черные. Масть имеет те же оттенки и тот же тон, что и масть его отца. Голова менее выразительна, чем у отца, выемка у носовой кости резче, а глаз меньше и имеет сонный, усталый вид. Впрочем, не следует забывать, что, когда писался этот портрет, Петушок был стариком. Шея у Петушка имеет очень высокий подъем, так крута, что в этом он напоминает тех игрушечных лошадок, которые делают наши кустари в Сергиевом Посаде. Шея жеребца короче отцовской и очень мясиста, чувствуется кадычок. Спина имеет определенную седлистую, плечо и подплечье замечательны, но пясть длинна и тонковата, что отмечалось и у Бычка. Зад у жеребца превосходный, окорока тоже. Глубина и круторебрость лошади удачно схвачены художником.

Портрет дает нам наглядную возможность сравнить формы Петушка, описанные Коптевым, с формами той же лошади, изображенными Френцем, и сравнение – в пользу Коптева. Это лишнее раз говорит о том, насколько этот автор верно и точно описывал виденных им лошадей. С моей точки зрения, Петушок проще Бычка, в нем нет тех классических линий, которыми обладал его отец. Тем не менее близкое родство объединяет этих двух лошадей. Насколько мне известно, настоящее подробное описание форм Петушка – первое в специальной литературе.

Благодаря богатой иконографии лошадей линии Бычка, имеющейся в моем собрании, я могу дать описание форм шести лучших сыновей Петушка: Красавца, Кремня и Бычка, рожденных в заводе Д.П. Голохвастова, и Петела, Кочета и Петушка 2-го, рожденных в заводе графа И.И. Воронцова-Дашкова. Сужу о них по портретам Красавца кисти Сверчкова и Кремня кисти Швабе, по очаровательной пастели Бычка работы Сверчкова, по фотографии Петела работы Брюст-Лисицына, по портрету Кочета кисти Френца и по фотографии Петушка 2-го, сделанной на Всероссийской конской выставке.

Н.Е. Сверчков «Красавец»⁴

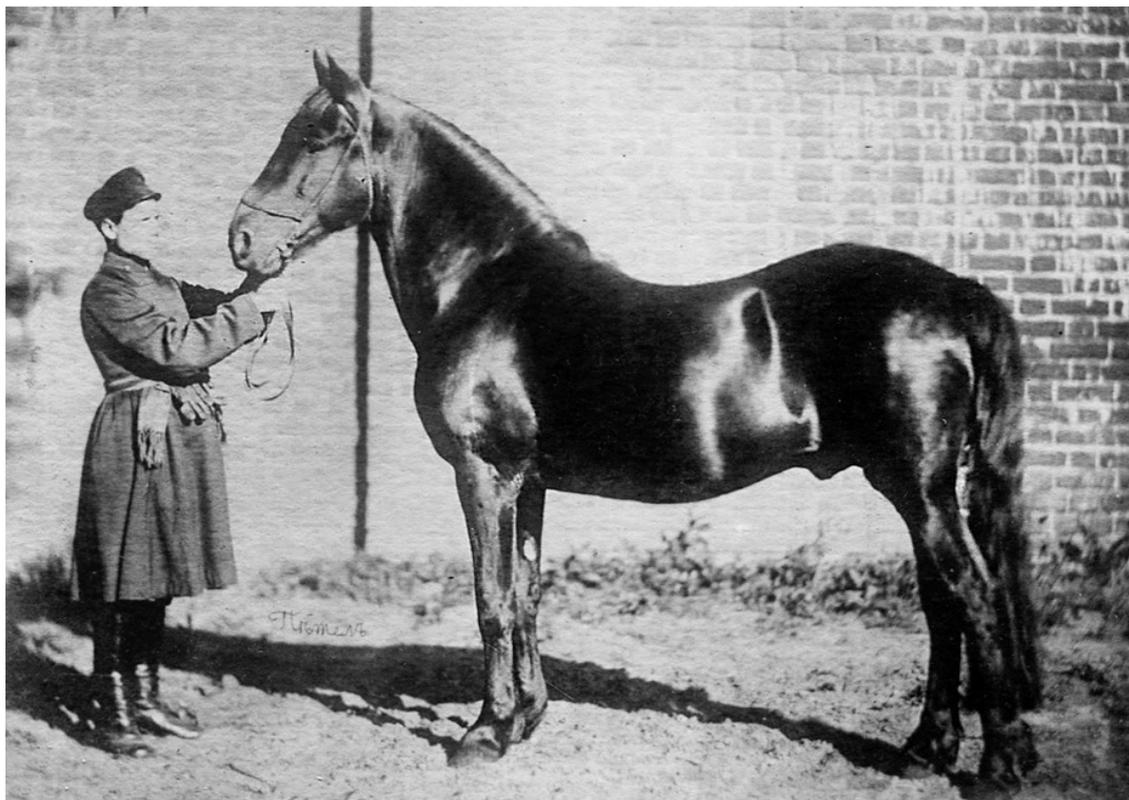
Красавец. Светло-гнедой масти, в отца и деда. Во лбу у Красавца звездочка. Голова его больше напоминает голову деда, чем отца. Выражение глаза совершенно дедовское. Превосходная шея, крутая и нетяжелая. Верная спина, но все же с уклоном к холке, из числа тех, что к старости обещают сильно ухудшиться; превосходный зад, видимая сухость, очень широкий постанов задних ног. Пясть передних ног длинна и тонковата. Сам длинен. Очень благороден и значительно кровнее отца. Больше похож на своего деда, чем на отца. Великолепный представитель своего рода, названный Голохвастовым Красавцем, ибо он еще под матерью выделялся красотой, о чем говорил мне князь Д.Д. Оболенский, слышавший об этом от Голохвастова.

Кремень. Гнедой с красным отливом, но тон масти гуще, темнее, чем у отца и деда, и с просвечивающими яблоками, что составляет очень редкую и эффектную масть. Никаких отмет не имел. Грива и хвост черные, очень густые. Хвост держит с отлетом, как и рыжий циммермановский Бычок. Голова очень напоминает голову отца. Шея хорошо поставлена, жеребец держит ее гордо. Верх хороший, но в связке западинка; плечо замечательное, зад и окорока тоже. Ноги густые, с фризом, но пясть длинна, и ясно виден перехват под запястьем. Невелик ростом. По типу ближе к отцу, чем к деду.

Бычок (сын Прелестницы). Масть светло-гнедая, грива небольшая, хвост густой, жеребец держит его с большим отлетом. Во лбу продолговатая звездочка, левая задняя нога по путовый сустав бела. Низок на ноге; спина ровная, но длинная, из тех, что к старости проваливаются. Очень хорош и в типе своей линии.

---

⁴ На картине – Красавец (Петушок – Прелестница), р. 1852 г., гнедой жеребец завода Д.П. Голохвастова. Родной брат Бычка 5.33 того же завода, производитель в заводе Д.А. Энгельгардта.

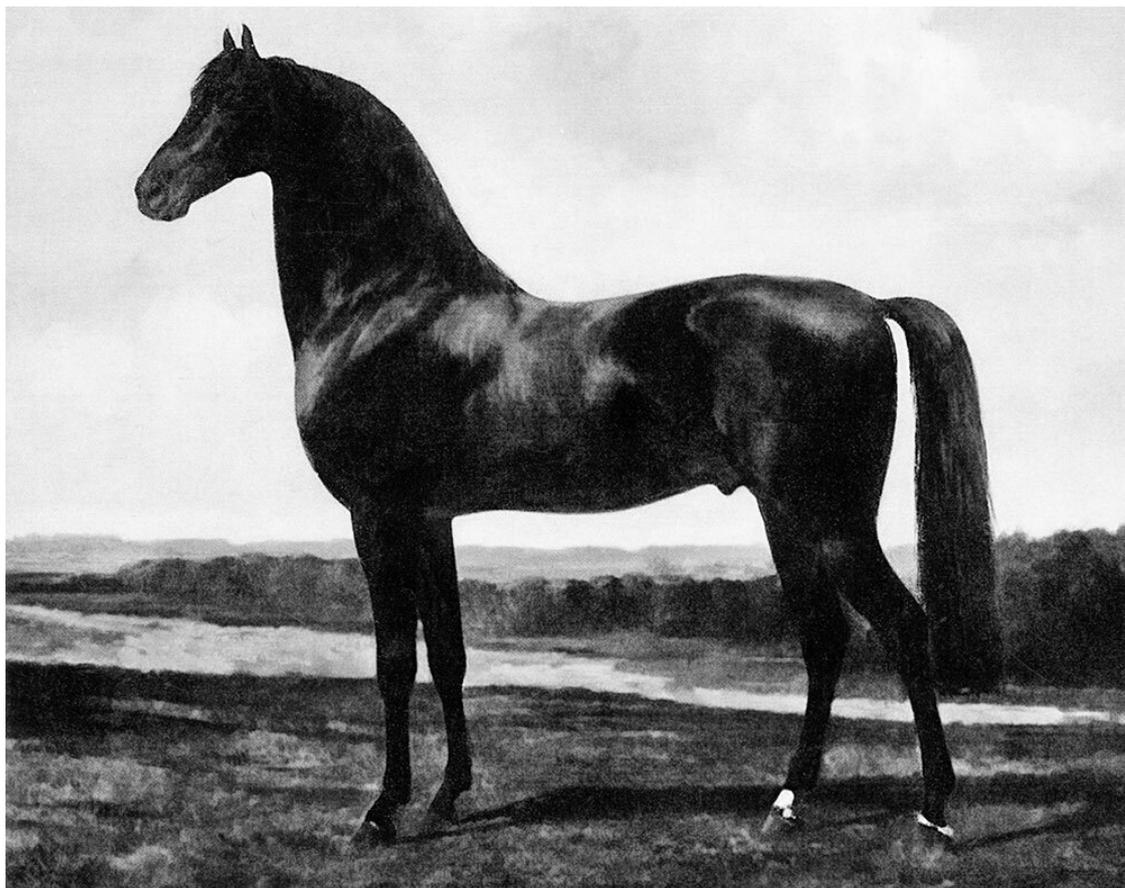

Петел 5.11 (Петушок, р. 1842 г., зав. Д.П. Голохвастова – Замена), р. 1865 г., зав. гр. И.И. Воронцова-Дашкова

Обманщица 2-я (Петушок, р. 1842 г. – Обманщица), р. 1865 г., зав. гр. И.И. Воронцова-Дашкова

Петел. Дельная, но простоватая лошадь. Петел снят уже стариком и в заводском теле. Он так изменился, что совсем не похож на свой портрет 1874 года. Жеребец не больше 2½ вершка. О масти судить не могу, так как портрет фотографический. Никаких отмет Петел не имеет. Голова проста, шея коротка и груба; спина провалившаяся, прямо безобразная. Жеребец очень длинен и покрывает много пространства, низок на ногу и глубок. Ноги хороши, пясть неплохая. Петел много проще своего отца и производит впечатление мужичка. В подтверждение могу привести следующие строки из «Журнала коннозаводства» за 1884 год (№ 4): «Петела иной знаток и ценитель высокопородных и высоконогих хреновских жеребцов назвал бы бесспинным битючком».

Р.Ф. Френц «Кочет»⁵

Кочет. Портрет Кочета не был напечатан и приобретен мною случайно у антикара в Петербурге незадолго до войны. Ввиду исключительного значения, которое имеет этот жеребец для метисного коннозаводства нашей страны, дам обстоятельное описание его форм. Кочет – караковой масти; правая задняя нога вокруг венчика бела, а левая по путовый сустав неровно бела; на белой шерсти по венчику черное пятно в виде правильного квадрата. У Кочета не голова, а головка, тонкая, изящная и сухая. Шея поставлена как у отца и далеко не безупречна в нижней линии: она прямо выходит из плеча и образует сплошную кадыкообразную линию. Выход шеи столь оригинален и необычен, что второго рысака с такой шеей я затрудняюсь назвать. Несмотря на то что спина у Кочета коротка, она имеет положинку к холке; почка замечательная. Крестец длинный и прямой, заканчивается хорошо посаженным хвостом, который Кочет держит в подъеме, в старину называвшемся «подъем фонтаном». Жеребец неглу-

⁵ На картине – Кочет (Петушок – Чародейка), р. 1864 г., караковый жеребец завода графа И.И. Воронцова-Дашкова.

бок и вздернут на ногах. Подплечье хорошо, запястье очень объемисто, но пясть имеет форму дудочки: длинна, кругла и с перехватом под запястьем; бабки длинные. Кочет – крупная лошадь. Имя ему дано удивительно метко: своей маленькой головой, посаженной на своеобразной петушиной шее, он напоминает настоящего кочета.

Петушок 2-й (*Петушок – Чародейка*), р. 1865 г., зав. гр. И.И. Воронцова-Дашкова

Петушок 2-й. В точности повторяет приметы своего отца Петушка. Несмотря на то что он получил высокую награду на Всероссийской конской выставке, его спина и тогда была малоудовлетворительна для выставочной лошади.

Для полноты впечатления приведу еще несколько описаний таких потомков Бычка, которые, подобно циммермановскому Бычку, связаны с ним не через Петушка, а через других его сыновей или внуков. Речь пойдет только о выдающихся представителях дома Бычков.

Булатная. Формы этой кобылы И.М. Стахов в своем письме ко мне рисует так: «Булатная была белой масти, не капитальна – мелка; широкая в заду, несколько узковата передом, с хорошим крупом, но с мягковатой спиной, шеиста, с красивой породной головой, суха, на низких ногах с удовлетворительной костью». Я считаю, что Стахов дал блестящее описание Булатной. Именно такой экстерьер должна была иметь эта кобыла. Не забудем, что кровь Бычка в ней была повторена дважды. Отсюда ширина в заду, мягковатая спина, шеистость, сухость и т. д.

Булатный. У меня есть портрет этого жеребца, родного брата Булатной. Он написан масляными красками любительницей О. Коротневой в 1892 году. Жеребцу в то время было 27 лет. Булатный совершенно белой масти и, по-видимому, невелик, но об этом надо говорить с осторожностью, так как портреты в этом отношении часто могут ввести в заблуждение. Голова Булатного невелика, уши наклонены вперед, что не совсем красиво. Шея коротковата, очень крута, типичная шея Бычков. Спина хороша, зад и окорока тоже. Жеребец очень глубок и широко стоит задом. Это недурно передано Коротневой. В общем, Булатный типичен как представитель своей линии, а дайте ему гнедую рубашку – и это сходство еще усилится.

Ратный. Об этом жеребце имеются данные в «Журнале коннозаводства» за 1861 год (№ 2): «...громадные рысаки гр. А.Г. Орлова-Чесменского очень мало походили на Ратного (А.К. Мясникова), ехавшего так резво в Царском Селе». Серый жеребец Ратный был сыном

Бычка и Гусыни, родным братом Булатного и Булатной. Из приведенной выдержки видно, что Ратный не блистал экстерьером, как, впрочем, и Булатная и ее родной брат Булатный. Это были дельные лошади, но и только.

Краса. Знаменитая мазуринская кобыла, победительница Императорского приза. Краса была дочерью Ходистой, а Ходистая – дочь Пригожая от Бычка. Стало быть, кровь Бычка у этой кобылы была довольно далеко, и только по женской линии. Тем не менее Краса вся в Бычков. Я сужу по ее типу, а о формах судить трудно, ибо кобыла изображена на полном ходу. Этот замечательный портрет, один из лучших во всей русской иппологической живописи, исполнен Сверчковым в 1870 году. Я горжусь тем, что в свое время сумел его купить. Краса – рыжей масти от челки до хвоста и от головы до ног в одном тоне, приятно-рыжем и ярком. Правая задняя нога у нее выше путового сустава бела, а левая задняя только по путовый сустав бела. Хотя у кобылы идеальная спина и некоторые другие, совсем не свойственные Бычкам черты, она в общем типе Бычков, им она обязана и своей резвостью, и своей выдающейся карьерой.

Все вышеизложенное относится к прошлому, однако в течение моей продолжительной коннозаводской карьеры мне довелось видеть немало представителей Бычковой крови в разных заводах, и о них я намереваюсь поговорить.

В Хреновском заводе кровь Бычка была представлена очень слабо, ввел ее в этот завод граф И.И. Воронцов-Дашков при посредстве жеребцов своего завода. Все они недолго там удержались и, за исключением Ментика, не дали ничего замечательного. Ментик создал Момент, долгое время состоявшего производителем в Хреновском заводе. Я превосходно знал Момент. Рост его был достаточный, а для представителя крови Бычка и хороший. Спина, слабое место Момент, была типичная бычковская, то есть неудовлетворительная, с падением линии от почки к холке; шея круто поставлена и с кадыком. Был очень широк в заду. В нем чувствовалась как бы борьба двух начал: восточного, что выражалось серебристо-белой рубашкой, удивительным ходом, большим блеском, и бычковского. Заклучая в себе эти два начала, Момент был все же ближе к Бычкам.

Завод графа Воронцова-Дашкова я видел, когда там почти все молодые матки были дочерьми различных американских жеребцов. Они не удержали материнского, то есть петушковского, типа. Среди старых маток, чисто орловских, которых, увы, в то время было уже немного, некоторые были типичнейшими представительницами своего завода.

Завод И.Г. Афанасьева был построен на голохвастовском основании, ибо старик Афанасьев купил у Голохвастова большую группу кобыл Бычковой крови. Продолжительное время Афанасьев в своем заводе приливал кровь других жеребцов. В мое время, то есть когда я осматривал завод, афанасьевские кобылы, происходившие от голохвастовских родоначальниц, не имели ничего общего с Бычками. У них были идеальные спины, мохнатые ноги (так значительны были фризмы); они были рослы, сыроваты, капитальны, но вовсе не просты. Это были дома, а не кобылы. Словом, старик Афанасьев от Бычковой крови сумел взять все положительное и уничтожить отрицательное.

Завод А.С. Голицыной был основан на составе завода Д.А. Энгельгардта. Для того времени это была своего рода квинтэссенция Бычков. И что же? Тип Бычка в этом заводе не удержался. После тридцатилетней работы у А.С. Голицыной были образцовые по себе и по типу кобылы, совершенно не напоминавшие бычковский тип. Их-то я и видел в свое время в Князевке. Лишь изредка в заводе у какой-либо старухи-матки неудовлетворительная спина изобличала ее происхождение от энгельгардтовских лошадей. Словом, так же как и Афанасьев, Голицына сумела видоизменить тип Бычков и матки ее завода почти избавились от фамильных недостатков этой линии.

В заводе А.И. Горшкова, где долгое время вся заводская работа была построена на Бойце и его сыне Лондоне, также совершенно не чувствовался тип Бычка, а между тем Боец был сыном Солидного, внуком Сокола и правнуком Бычка. Начиная от масти это были вовсе не

Бычки. Впрочем, кровь родоначальника ко времени моего посещения завода была очень далека и сильно разжижена другими кровями. Горшков рассказывал мне, что среди прежних его лошадей были бесспинные, но он с этим тщательно боролся, выбраковывая такие экземпляры. В этом заводе часто проскакивала рыжая масть или бурая – очевидно, в Сокола, то есть по первому Бычку.

В заводе графа Г.И. Рибопьера среди потомства Петушка тип Бычков был чрезвычайно силен. То же должен сказать и о потомстве Бритвы.

У Петрово-Соловово я застал еще в живых нескольких дочерей Петушка 2-го, видел его сына, который, несмотря на глубокую старость, ходил в разгонных. Видел я и внучек Петушка 2-го в этом заводе, их было много. Здесь бычковский тип задержался вполне, но, как правило, спины лошадей были удовлетворительны. Я думаю, что не преувеличу, если скажу, что все солововские кобылы имели хорошие спины, но при этом у кобыл, происходивших от Петушка 2-го, спины были всё же излишне длинны и к старости сильно опускались. Я это наблюдал и в других заводах.

В небольшом, но превосходном по составу заводе Н.В. Хруцова была сильна кровь Булатного, а стало быть, и Бычка. Кроме того, в некоторых матках текла кровь Петушка. Хрущовские кобылы имели собственный тип и были хороши по себе, их трудно было причислить к Бычкам. По той же крови (Булатная) Бычки были в заводе Щёкина и Стаховича. Хотя, как мы видели, сама Булатная была в типе Бычка (кроме масти), но среди ее потомков этот тип удерживался далеко не всегда. У лошадей Стаховича, например, спины опускались лишь в том случае, если происходил инбред на эту кровь (Ухват), но так как в этом заводе крови Бычка в матках почти не было, то случаи подобного инбридинга были редки. Сам Корешок (очевидно, по Говору) клал особый, полкановский, отпечаток на свое потомство, и борьба с ним Бычку была не под силу. Тип Бычков в самом Леске был нейтрализован сильным течением крови Лебеда 4-го и Полка на 3-го, а у детей Леска – кровями других линий. Поэтому щёкинские лошади не отражали бычковского типа. В заводе Щёкина в матках почти не было Бычковой крови.

В Дубровском заводе все было построено на Бычке. Я много раз видел этот завод. Дубровские лошади в целом – это типичные Бычки; отдельные экземпляры уклонялись от типа, но это не имело большого значения. Я любил дубровских лошадей, хотя часто у них были неудовлетворительные спины. Наблюдая этот завод много лет, я видел, как здесь, в силу наследственности, проскакивали все оттенки Бычков. Тут были и очень отметистые, и очень мелкие лошади, и с очень порочными спинами, и необыкновенно широкозадые, и точно повторявшие приметы своего родоначальника, и бурые, и рыжие, тех же рубашек, что Сокол и циммермановский Бычок. Но у всех у них были превосходные ноги. Хорошие это были лошади, и жаль, что их теперь так мало сохранилось в России.

Лошадей завода М.Я. Сухотина я видел преимущественно на бегах. Первые лошади этого завода, из числа тех, которых я знал (Бандит, Ведьма, Смерч и другие), были не только хороши, но и очень мне нравились. Некоторые из них имели мягкие спины и отражали Бычков вполне (Смерч), другие – меньше (Бандит), но в целом это были превосходные лошади. Когда же Всеволод Михайлович Сухотин возвел в культ Бычка и стал брать только производителей Бычковой крови, то он настолько фиксировал в приплодах наряду с положительными и отрицательные качества Бычков, что некоторые из лошадей его завода, преимущественно дети Козыря, имели прямо-таки карикатурный вид: при мелком росте у них были отвратительные спины, короткие шеи и далеко не безупречные, какие-то семенящие хода.

Иногда на ипподроме, в городе или же на незначительном заводе, а раз даже в тележке мельника я видел лошадей, не имевших вовсе никакой известности, но так походивших на Бычков, что это было прямо-таки удивительно. Если представлялась возможность, я справлялся о происхождении такой лошади, и обычно она оказывалась крови Бычка. Вот почему я

считаю, что Стахович был совершенно прав, когда в 1880-х годах написал: «Все особенности своих форм с упорной гнедой мастью... резвостью и силой Бычок передавал и своему отдаленному потомству, так что и теперь можно узнать по формам лошадей этой породы». Для 1880-х это было абсолютно верно, ибо тогда все эти лошади были ближе к своему родоначальнику, их родословные были менее разжижены другими кровями. За последующие 20 лет выросло не меньше двух новых поколений лошадей. Несмотря на это, мне все же попадались, и весьма часто, отдельные экземпляры, совершенно воспроизводившие тип Бычка. Существовали даже целые заводы, где этот тип был так силен и ярок, что, не заглядывая в заводские книги, можно было смело сказать: эта лошадь – Бычковой линии.

Перехожу к вопросу о типе Бычка. Я уже вскользь коснулся его, когда подвергал разбору описание форм Бычка, которое было сделано Стаховичем. Я категорически протестовал против утверждения этого автора, что под типом Бычка понимается нечто приближающееся к полукровному, с верховым уклоном. Я доказал, что это не так. Даже в своем, то есть рысистом, сорте Бычки много тяжелее других орловских рысаков. Будучи одновременно рысаками призовыми, они весьма тесно примыкают и к упряжным породам и линиям. В типе Бычков нет ничего восточного, то есть того элемента, который был так силен в орловском рысаке. В соответствии с этим и тип Бычка отошел от типа графских рысаков. Бычки, несмотря на несомненную примесь крови чистокровного Дедалюса, основателя этой линии, вполне рысаки и гораздо ближе к упряжным пользовательным лошадям, чем многие другие линии в орловской рысистом породе.

В заключение этой главы остается сказать несколько слов о характере и темпераменте Бычков. Они обладают превосходным характером: приятны в езде, непугливы, имеют хорошее сердце, превосходно выносят борьбу, очень сильны (все стайеры), в них нет излишней горячности и нервности, очень стойки. Характер для призового рысака имеет весьма большое значение, и отчасти успех Бычков на ипподроме я объясняю тем, что они имели возможность, благодаря превосходному характеру, выказать все свои способности. На это обратил внимание В.И. Коптев при описании выступления рыжего циммермановского Бычка: «Посмотрите: он въезжает на бег и идет мерною, гордою поступью своего славного отца: он как бы кланяется зрителям, кивая на обе стороны головой, – это также привычка его отца, бывшего любимцем московских жителей, которым очень нравилась эта любезность коня-победителя». Как красиво и талантливо умел Коптев рассказывать самые простые вещи и какую увлекательную форму он умел им придавать! Хотя здесь не сказано ни слова о характере Бычка и его сына, рыжего Бычка, но ум лошади и ее поведение перед бегом ясно и удачно обрисованы и верно схвачены. А ум лошади имеет самое большое влияние и на ее характер.

Князь Д.Д. Оболенский в тех воспоминаниях, которые я уже цитировал, приводит следующую фразу: «Бычок так привык к ипподрому, что, подходя шагом к пусканию, смотрел на колокольчик и, как только звонили, со всех ног бросался вперед». Этот рассказ относится уже к внуку основного Бычка. Если и можно усомниться в том, что Бычок смотрел на колокольчик, то не подлежит никакому сомнению, что этот жеребец так свyksя и освоился с обстановкой бега, что охотно и успешно выполнял всё, что от него требовали. А это указывает и на его понятливость, и на превосходный характер.

С точки зрения характера Бычки были всегда на высоте, это осталось верным и для наших дней.

Все те разнообразные данные, которые приведены в этой главе, личное знакомство со многими представителями линии Бычков и работа в собственном заводе с потомками Бычка приводят меня к следующим выводам:

- 1. Типичным для Бычков был рост от двух до трех с половиной вершков.**
- 2. Масть светло-гнедая, иногда гнедая в яблоках, рыжая или бурая.**
- 3. Отметины почти обязательны, немногие лошади этой линии не имеют отмет.**

4. Гривы и челки очень густы и длинные.

5. Экстерьер: голова породная, шея с крутым выходом, иногда короткая и мясистая, у некоторых с кадычком; сухость абсолютная; идеальный постанок ног – нет и помину размета в передних, коровьего постанова задних ног; ширина в заду; у первых Бычков и даже у Петушков недостаточная твердость бабки и длинная пясть; превосходная мускулатура с самых ранних лет (то, что князь Л.Д. Вяземский называл «родиться с готовой мускулатурой»); лошади покрывают много пространства; спины, как правило, плохи, лишь в самых исключительных случаях Бычки имеют хорошие спины, а чаще только удовлетворительные. В данное время лучшее, что есть у Бычков, это их превосходные ноги.

6. Тип Бычков в общем приятный, чрезвычайно характерный и ярко выраженный: рысисто-упряжной, с определенным уклоном к пользовательному (глубина, ширина зада, длина, замечательные ноги, замечательная хомутина, средний рост) и безо всякого намека на верховое происхождение родоначальника-предка.

7. Большой ум и замечательный характер.

Бычок как производитель. Деятельность главных его потомков

Вопрос о деятельности Бычка как производителя является важнейшим. Дело в том, что заводская карьера Бычка с течением времени и по мере славы его сына Петушка была раздута до невероятных размеров. Бычка признали одним из лучших производителей орловской рысистой породы. Сделано это было голословно, ибо факты говорят другое. Никто не дал себе труда составить подробного и точного обзора заводской деятельности самого Бычка, а если бы это было в свое время сделано, то Бычок как производитель был бы, несомненно, развенчан или занял бы только подобающее ему место. Первоначально слава Бычка была очень велика, но в конце 1840-х годов она настолько померкла, что Коптев даже взял Бычка под свою защиту. Тогда можно было думать, что звезда Бычка закатилась. Затем под влиянием замечательной заводской деятельности его сына Петушка о Бычках опять заговорили, во все заводы наперебой стали брать представителей крови Бычка, и это продолжалось почти до наших дней. Таким образом, Бычки были поставлены в самые благоприятные условия заводской работы и над их прославлением трудились лучшие коннозаводчики страны. Другие линии оказались в забросе, и это принесло немалый вред орловской рысистой породе в целом. Никто не дал себе труда вдуматься в родословную лучшего сына Бычка – Петушка, мать которого была дочерью великого хреновского жеребца Полкана 3-го, а он должен был бы разделить с Бычком всю славу заводского величия Петушка. В свое время это не было учтено. Надо было обратить усиленное внимание на линию Полкана 3-го, а наши охотники слона-то и не приметили! Они односторонне увлекались Бычком, ему одному приписали всё значение и величие Петушка.

Я хочу доказать, что Бычок произвел своих лучших детей только в соединении с Полканами и вне этой комбинации у него нет не только величия, но даже славы. Словом, если бы в женских линиях на помощь Бычку не пришел в свое время Полкан, имя Бычка давным-давно было бы забыто, а его значение как производителя умерло бы еще в конце 1840-х годов. Это не голословное утверждение, а вывод, который базируется на фактах. Достаточно взглянуть на таблицы заводской деятельности Бычка⁶. Эти таблицы далеко не полны, ибо я пишу не монографию, а лишь этюд о Бычке. Тем не менее в таблицах показано всё первоклассное, что создано этой линией. Мысль составить такие таблицы пришла мне в голову потому, что об этом просили меня студенты Петровской академии и зоотехнического института. Им, только начинающим изучать генеалогию орловского рысака, весьма трудно разобраться во всех этих Бычках и Петушках, имена которых повторялись бесчисленное множество раз, а происхождение изложено в разных заводских книгах, ныне ставших библиографической редкостью. Таблицы важны прежде всего тем, что в сжатом виде отражают всю основную работу линии Бычка на заводском поприще и наглядно указывают, где, когда и от какого Бычка или Петушка произошла конкретная лошадь, получившая известность на заводском или призовом поприще.

Итак, я считаю, что слава Бычка как необыкновенного производителя призовых рысков не только преувеличена, но вообще не соответствует действительности. В этой главе я хочу выяснить место Бычка как производителя. Что же касается тех факторов и обстоятельств, которые способствовали незаслуженному возвышению Бычка, его славе и известности, то все это настолько интересно, что этому вопросу будет посвящена отдельная глава.

Абсолютно точных данных о том, в каком году поступил в завод Бычок, не имеется. В заводских книгах сказано, что у Н.Е. Смесо́ва родился в 1833 году гнедой жеребец, получивший имя Бычок. Этот Бычок впоследствии приобрел весьма широкую известность, и вокруг

---

⁶ Таблицы заводской деятельности Бычка завода В.И. Шишкина вынесены в отдельное приложение.

его происхождения сложилась ни на чем не основанная легенда, которую я несколько позднее опровергну. По-видимому, этот жеребец и был первым сыном Бычка-родоначальника. Этот Бычок был куплен у Смесо́ва И.Н. Роговым, и я ему присваиваю имя роговского Бычка. В том же году в заводе Ф.М. Циммермана родилась вороная кобыла Моршанка. Таким образом, Циммерман еще до официальной славы Бычка (первое выступление этого жеребца в Лебедяни состоялось в 1833 году) знал о его первоклассной резвости и начал посылать под него кобыл в завод Смесо́ва. Моршанка была дочерью Ловкой и родной сестрой знаменитого циммермановского Бычка, который родился годом позднее. Эта первая дочь Бычка выиграла и поступила в завод Циммермана, где дала призового Ладного и серого Любезного, который получил заводское назначение. Моршанка пала в 1841 году.

Можно предположить, что в 1833 году Бычок дал и других детей, но их имена неизвестны, а их потомство не получило в свое время никакого распространения.

Теперь обращусь к роговскому Бычку, который, благодаря заводам Кормилицына и Лермонтова, приобрел всероссийскую славу. Его имя и ныне не сходит со страниц спортивной печати, и всегда выплывает, когда речь заходит о великих потомках Булатной – Леске и Корешке. Для разъяснения породы этого Бычка мне придется углубиться в самые дебри генеалогии и просить читателя терпеливо последовать за мной. Бычок роговский – это столь крупное имя, что выяснение его истинного происхождения не может не интересовать коннозаводские круги.

В заводской книге 1854 года, где напечатана опись завода А.М. Кормилицына, порода роговского Бычка изложена так: «Бычок, гнедой, родился у И.Н. Рогова, куплен трехлетком у Н.Е. Смесо́ва; от него выиграла Залётная в Лебедяни (1844); продан». Происхождение лошади изложено весьма лаконично, к тому же допущена крупная ошибка, от которой и произошла вся последующая путаница.

Роговский Бычок в 1838 году дал в заводе Кормилицына от кобылы Постоянной гнедого жеребца, также названного Бычком. Я с большим вниманием проследил по заводу Кормилицына заводскую деятельность роговского Бычка. Оказалось, что он пробыл в заводе недолго и дал весьма ограниченное число жеребят. Вот их список:

1838 г. – серая кобыла Ласточка от Голубки, заводская матка; гнедой жеребец Бычок от Постоянной, продан Лермонтову; в заводе Лермонтова от этого Бычка приплод начинается с 1843 года.

1839 г. – светло-гнедая кобыла Колдунья от Сердитой, заводская матка; караковый жеребец без имени от Постоянной, продан.

1840 г. – гнедая Залётная от Голубки, выиграла в Лебедяни (1844), продана; гнедая кобыла без имени от Постоянной, продана.

1841 г. – темно-серая кобыла Досу́га от Бешеной, заводская матка.

Итого семь жеребят. Так как последний приплод Бычка роговского в заводе Кормилицына относится к 1841 году, то следует предположить, что жеребец выбыл из завода либо после случки 1840 года, либо позднее. Во всяком случае, в заводе Кормилицына им больше не пользовались. Из этого приплода получили известность только скромная призовая кобыла Залётная и гнедой Бычок, ставший производителем. Этому жеребцу присвоим имя Бычка кормилицынского.

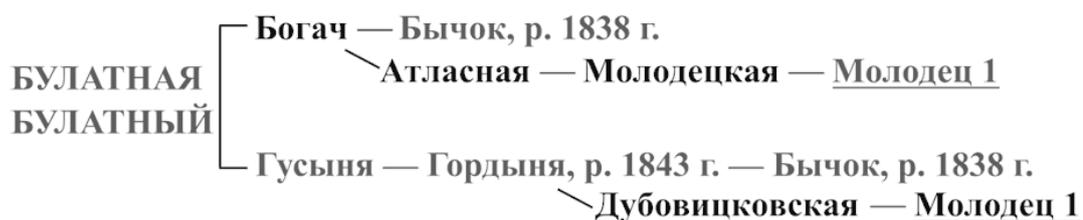
Роговский Бычок был сыном основного Бычка. Это будет мною документально доказано несколько позднее. Теперь же обратимся к происхождению его матери. К сожалению, установить мать роговского Бычка по заводским книгам нельзя, в них везде стоит вопросительный знак. Я недавно предпринял ряд изысканий, чтобы разъяснить ее происхождение, и пришел к выводу, что это была хреновская кобыла, дочь знаменитого Визапура 1-го. Стало быть, роговский Бычок и есть тот Бычок, который занесен в заводскую книгу 1854 года.

Пришел я к этому выводу следующим образом. Я начал разыскивать по заводской книге 1854 года и другим старым изданиям, куда девался этот Бычок. Не мог же он в самом деле провалиться сквозь землю! Раз он состоял производителем в известном заводе Кормилицына, то очевидно, что он был хорош по себе, а потому поступил производителем в другой завод. По данным Кормилицына, он был продан купцу, имя которого мне ничего не говорит. Мои предположения, что этот Бычок поступил в какой-то завод, оправдались: мне удалось разыскать в заводе Завалиевского среди производителей гнедого жеребца Нежданного, выигравшего в Туле в 1850 году и затем проданного в Санкт-Петербург. Нежданный был сыном Бычка. К заводской книге 1854 года приложено дополнение: сведения, доставленные владельцами заводов независимо от описей, и пояснения, сделанные при проверке книги. Этот список всегда следует иметь в виду, но, к сожалению, им редко пользуются. Там я нашел разъяснение породы Бычка, от которого у Завалиевского родился жеребец Нежданный: «Бычок, гнедой, родился у Н.Е. Смесо́ва в 1836 г. от Бычка, мать Хреновского завода от Визапурова; выиграл в Туле (1842)».

Мне, конечно, сейчас же возразят, что раз это и есть роговский Бычок, то почему он показан завода Смесо́ва, а не завода Рогова, как в описи Кормилицына? Теперь-то я и приведу документальное доказательство, что Бычка в заводе Рогова вообще не существовало, а был Бычок завода Смесо́ва. Проверая призовую карьеру этого Бычка, я установил, что он бежал в Туле не в 1842 году, а в 1846-м. Сопоставив заводскую работу роговского Бычка в заводе Кормилицына, год выбытия его оттуда, то обстоятельство, что у А.М. Кормилицына в матках была хреновская кобыла Визапурова, купленная у И.Н. Рогова, дочь которой Нахальная, рожденная в 1848 году, получила у него заводское назначение, я пришел к выводу, что Кормилицын купил у Рогова в 1836 году не только Бычка, но и его мать. Этот Бычок попадает в соседнюю Тульскую губернию. Здесь от купленной Завалиевским жеребой кобылы рождается Нежданный. Сам Бычок принадлежит Ситкойскому-Францевичу, потом его жене и бежит в Туле уже в пожилых годах. Доказать, что роговский Бычок есть именно тот самый Бычок, который указан в дополнениях к заводской книге 1854 года, я не могу, но чутье генеалога и, главное, совпадение годов мне это определенно подсказывают. Если это так, то мать роговского Бычка была хреновской кобылой, дочерью Визапурова 1-го, лучшего сына Полкана 3-го.

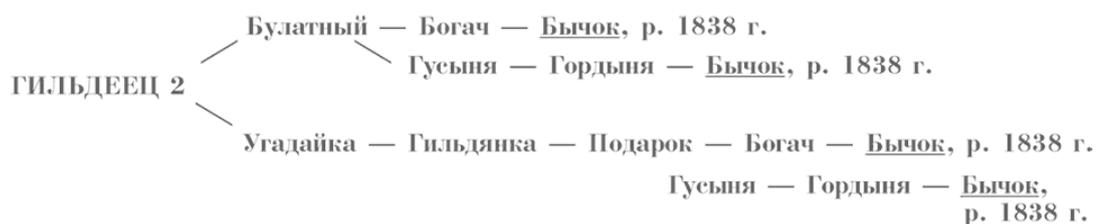
Обратимся теперь к кормилицынскому Бычку. Мы знаем, что он родился в 1838 году и был куплен И.Н. Лермонтовым в 1842-м, а не в 1845-м, как ошибочно показано в заводской книге 1854 года. В свою очередь Лермонтов продал его уже в 1844 году, и после этого судьба кормилицынского Бычка по заводским книгам не прослеживается. Таким образом, прославился он только благодаря заводу Лермонтова. В этом заводе от него было получено три ставки приплода – 20 голов. Я составил подробный список приплода кормилицынского Бычка, что было необходимо для точного суждения о его заводской деятельности. Этот список я приводить не стану, а лишь скажу, что по годам приплод кормилицынского Бычка распределился следующим образом: в 1843 году – 5 жеребят, в 1844-м – 9, в 1845-м – 6. Из этого приплода заводскими матками стали 7 дочерей Бычка, а производителем был оставлен один его сын – Богач. Остальные 12 голов были проданы отчасти в Лебедянь, отчасти В.Н. Лермонтову и затем Наумову. Если кому-то будет угодно проверить сделанный мною подсчет, то прошу иметь в виду, что в приплоде кобылы Дубовицковской за 1846 год значится Атласный 6-й, получивший заводское назначение у Лермонтова. Это неверно, среди производителей Атласный 6-й уже показан от другого жеребца. От бурой дочери Бычка Ожидайки показан приплод 1850 года от того же Бычка. Это тоже ошибка, потому что после 1845 года у Лермонтова в заводе приплода от Бычка не было. Надо полагать, что Лермонтов был не особенно доволен приплодом Бычка, если так рано с ним расстался и продал его совсем молодым, когда ему только минуло 6 лет. Интересно отметить, что кормилицынский Бычок из 20 жеребят дал 15 гнедых, двух рыжих и по одному каракового, вороного и серого. Из 20 жеребят 18 были основной масти Бычка.

Вся слава кормилицынского Бычка основана на двух лошадях, которых он дал у Лермонтова. Я имею в виду Гордыню, р. 1843 г., и Богача, р. 1844 г. По матери Богач был сыном знаменитой по приплоду кобылы Атласной, давшей призового Силача и Усача, выигравшего Императорский приз в Туле в 1851 году. Гордыня была дочерью кобылы завода Дубовицкого, но кругом шишкинских кровей. Интересно, что обе эти лошади были созданы, так сказать, по одному рецепту. В дальнейшем Гордыня дала от Славного свою лучшую дочь Гусыню. От Гусыни и Богача родились две лучшие лошади лермонтовского завода – Булатная, р. 1864 г., и Булатный, р. 1865 г. Обе эти лошади созданы по принципу двойного инбридинга на Бычка и Молодца 1-го.

Таким образом, Булатная и Булатный имели закрепленные имена Бычка и Молодца 1-го и являлись типичными Бычками. Создание их должно быть записано в величайший плюс основному Бычку. Удивительно, как лица, писавшие о Бычке, обходили молчанием Булатного и Булатную. Это, вероятно, происходило потому, что Бычок считался завода Рогова, а не Смесова и его не причисляли к потомству Бычков или же сомневались в этом. А вместе с тем появление именно в семье Бычков такой великой кобылы, каковой была Булатная, и такого производителя, каким был ее брат Булатный, в высокой мере реабилитирует заводскую работу первых годов основного Бычка.

Бычок дал много превосходного приплода. Первыня, дочь Гордыни, также насчитывает в своем потомстве классных рысаков. Классный жеребец Ратный редко приводился в пример лицами, писавшими о генеалогии, а между тем он был родным братом Булатного и Булатной, блестяще бежал и принадлежал в конце 1850-х – начале 1860-х годов известному охотнику Мясникову. Распространяться о заводской деятельности Булатного и Булатной не приходится: о ней есть превосходная в статистическом отношении работа Красовского. Одним из лучших сыновей Булатного по резвости и заводской карьере был Гильдеец 2-й, в чью родословную введена еще одна струя той же крови.

Булатная – мать Перца, Леска и родная бабка Корешка. По подсчету Красовского, в списке лошадей с кровью Гусыни не тише 1.40, то есть безминутных, вплоть до 1916 года было 338 рысаков – цифра рекордная, которую не может выставить ни одна другая семья!

Когда начались головокружительные успехи Леска и Корешка, стали разбирать происхождение Булатной и трактовать его на все лады. Все начали гадать о происхождении Гусыни,

Гордины, Дубовицковской и роговского Бычка. Старые генеалоги, и я в том числе, поклонники чистых, аристократических линий, молчали и наблюдали эту возню вокруг имени Булатной. Нам было бы достаточно нескольких часов, чтобы разбить в пух и прах все эти легкомысленные соображения, но мы находили, что о Булатной и без того достаточно пишут и говорят, и старались вернуть внимание коннозаводчиков к наиболее аристократическим линиям рысистого коннозаводства. Поэтому не в наших интересах было выступать в защиту Булатной, о происхождении которой один Красовский написал немало чепухи. Запутанная родословная Булатной могла быть разъяснена уже тогда, но это не было сделано. С.Г. Карузо, я, В.М. Сухотин знали, что такое Булатная и каково ее значение. В частности, я 23 года назад в статье «Значение инбридинга в рысистом коннозаводстве» впервые обратил внимание коннозаводчиков на эту женскую семью, дав сводку ее замечательной заводской деятельности. Статья появилась задолго до первых успехов Леска и Корешка, в ней на основании собранного и проверенного материала было выявлено исключительное значение той семьи, из которой через десять-пятнадцать лет вышли такие великие производители, как Лесок и Корешок.

Разъяснение темных мест родословной Булатной я дам, когда буду специально говорить о ней, описывая по заводу Щёкина знаменитого ее сына Леска. А теперь вернемся к Бычку Рогова. Все лица, до сего времени писавшие об этом Бычке, принимали во внимание то изложение происхождения жеребца, которое было сделано в заводской книге 1854 года. Они считали, что этот Бычок был завода Рогова. Но завода Рогова не существовало. Красовский ставил вопросительный знак и заявлял, что Бычок, вероятно, сын роговского Полкана. Доказывалось это тем, что у Булатной якобы была горбатая спина, а будь она рода Бычка, то спина была бы с провалом. Этот довод я уже отвел и доказал всю несостоятельность аргументации Красовского. Рогову принадлежал знаменитый Полкан. Красовский решил, что роговский Бычок – сын Полкана, причем никакими доводами это не подкрепил. Это равносильно тому, что в будущем какой-нибудь новый Красовский всех лошадей невыясненного происхождения завода Бутовича будет считать от Громадного, так как Громадный принадлежал когда-то Бутовичу! Многие приняли версию Красовского и считали роговского Бычка сыном Полкана. Другие высказывали иные предположения. Большинство остановилось на том, что Бычок завода Кормилицына, р. 1838 г., – сын Бычка завода Рогова, что от Бычка завода Смесо́ва, сына Бычка завода Шишкина. Этот вариант чаще других приводился в родословных таблицах потомков Булатной. Этим лицам не приходило в голову, что шишкинский Бычок родился в 1824 году, а кормилицынский Бычок – в 1838-м. В четырнадцатилетний промежуток надо было уместить четыре поколения! Это совершенно невероятно! Даже если бы каждый из жеребцов покрыл кобылу в трехлетнем возрасте, на четыре поколения времени не хватило бы.

В трехлетнем возрасте Бычок был в Хреновой и только что поступил в заездку к знаменитому Семёну Белому. Ясно, что здесь присочинено целое поколение. Так и появился на веру принятый Бычок завода Рогова.

А вот как все обстояло в действительности. Опись завода А.М. Кормилицына была напечатана не только в 1854 году, но и в 1839-м. В книге «Подробные сведения...» находим этого Бычка: «...гн. Бычок, купленный в 1836 году трех лет у козловского купца Ив. Ник. Рогова, зав. моршанского купца Ник. Егор. Смесо́ва». Этим неопровержимо доказывается, что Бычка завода Рогова не существовало, а был Бычок завода Смесо́ва, купленный у него Роговым и проданный А.М. Кормилицыну в трехлетнем возрасте в 1836 году. Отсюда получаем год рождения этого Бычка – 1833-й, как я правильно показал в своей таблице.

Несомненно, найдется такой Фома неверующий, который спросит: почему я должен верить книге 1839 года, а не 1854-го? На это я отвечу, что редакция сообщения о Бычке составлена, очевидно, самим Кормилицыным (в том же роде она сделана и на других его жеребцов), а стало быть, точно, тогда как в книге 1854 года она сделана не по первоисточнику. И последнее неопровержимое доказательство: в 1858 году вышла «Заводская книга выигравших и бежав-

ших лошадей на рысистых бегах в России» (Т. II), составленная главным образом на основании данных о бегах. Там мы находим лермонтовского Бычка – лошадь, бежавшую в Лебедяни в 1848 году. Порода его отца изложена так: «...от Бычка завода А.М. Кормилицына, дед Бычок, купленный у козловского купца И.Н. Рогова, зав. Н.Е. Смесо́ва». Черным по белому вновь написано то же, что и в книге 1839 года. Наконец, в той же книге есть и сам кормилицынский Бычок, принадлежавший Лермонтову. Так как книга 1858 года вышла позднее книги 1854-го и данные ее соответствуют книге 1839 года, к тому же составлена она по дополнительным источникам, то верить следует именно этим данным.

Итак, Богач, отец знаменитых Булатной и Булатного, был сыном Бычка завода Кормилицына, р. 1838 г., от Бычка завода Смесо́ва, р. 1833 г., а отцом этого Бычка был Бычок завода Шишкина, р. 1824 г. Вся эта путаница произошла только потому, что была сделана описка в книге 1854 года, а после этого о Бычках не писал никто из крупных генеалогов. В прославлении же Булатной участвовали такие «знатоки», которым было бы лучше никогда не писать по вопросам генеалогии.

Разъяснив происхождение роговского Бычка со стороны его отца, я не могу сказать того же в отношении его матери. Пока что придется считать вопрос о ее происхождении открытым. Высказанное мною положение о том, что роговский Бычок есть тот самый, который записан в заводской книге 1854 года, лишь предположение. Чутье мне подсказывает, что это так, но две даты годов – 1836-й и 1831-й – вводят в сомнение. Роговский Бычок родился в 1833 году, а показан рожденным в 1836-м. Возможно, это опечатка, тем более тут же сказано, что он выиграл в Туле в 1842-м, а в действительности он выиграл в 1846 году. Дочь Визапура 1-го, мать роговского Бычка, не могла быть рождена в 1831 году, так как сам Бычок родился в 1833-м. Существует неувязка дат, и соображение о тождестве роговского Бычка с тем Бычком, что записан в книге 1854 года, есть только гипотеза.

Перейдем теперь к следующему сыну шишкинского Бычка. Циммермановский Бычок родился в 1834 году. Его заводская карьера началась очень удачно: в 1841 году он дал известную Тёлку (Жукова), выигравшую Императорский приз в Санкт-Петербурге. Тёлка принадлежала к самому раннему приплоду Бычка. В дальнейшем, к сожалению, его заводская деятельность была менее удачна. Кроме Тёлки, от Бычка бежало очень много лошадей, но классных среди них не было. Наибольшее влияние на породу оказал Могучий, победитель Императорского приза в Рязани. В прежнее время Бычок Ф.М. Циммермана признавался выдающимся производителем. Так, Лодыгин о нем писал в 1873 году: «Всем охотникам хорошо памятен известный рыжий Бычок, сын смесовского Бычка, бывший в сороковых годах одною из замечательнейших призовых лошадей и давший многочисленное резвое потомство». Бычок оставил резвое потомство, но не создал ни одной равной себе лошади; никто из его многочисленных сыновей и внуков не сумел выдвинуться на заводском поприще. Циммермановский Бычок не создал классного представителя и тем самым обрек свою линию на медленную смерть. Приблизительно к 1870-м годам линия рыжего Бычка уже сыграла свою роль, хотя еще долгое время представители этой крови состояли производителями в различных рысистых заводах второй руки. Если имя циммермановского Бычка не умерло окончательно, то этим он всецело обязан своей дочери Игривой. Игривая имела блестящую призовую карьеру и дала Лебеда 5.59, который оказался выдающимся производителем. Из потомства этого Лебеда приобрели широкую известность четыре его дочери: знаменитая циммермановская Любушка, не менее знаменитая по приплоду Лебёдка (мать Лишнего, Ловчего и Любы) и солововские Туча и Тревога, в потомстве которых было многих выдающихся рысаков.

По данным 1835 года, И.Н. Рогов случил кобылу, а может быть, кобыл с Бычком, которого он же за несколько лет до этого продал Н.Е. Смесо́ву. Случка происходила в заводе Смесо́ва. Эти сведения почерпнуты мною из описи Д.П. Голохвастова. Голохвастов купил у Рогова кобылу Верную, жеребую от Бычка; от нее-то и родился в следующем году жеребенок Конёк,

впоследствии состоявший производителем в заводе Голохвастова. В 1836 году в этом заводе родился первый жеребенок от Бычка (в то время Бычок еще не принадлежал Голохвастову). В заводе Смесо́ва в том же году родился рыжий жеребенок от Ловкой, названный Бычком. Не следует смешивать этого Бычка с циммермановским Бычком, который был также рыжей масти и родился от кобылы, которую также называли Ловкой. Циммермановский Бычок и смесовский Бычок имеют общего отца – шишкинского Бычка. Сведения об этом рыжем смесовском Бычке я разыскал в «Журнале коннозаводства» за 1842 год (№ 2). В этом же журнале, но в седьмом номере, имеются данные еще о каком-то Бычке рыжей масти. К сожалению, происхождение матери этого жеребца не указано, но об отце сказано: «от Бычка завода Смесо́ва». Весьма возможно, что речь идет об одной и той же лошади, но более вероятно, что это разные жеребцы. Сообщение об этом Бычке появилось в отчете о конской ярмарке в Харькове. В нем указаны цены на лучших из числа приведенных и проданных рысаков. Оказывается, этот Бычок был приведен М.Ф. Сапожковым, а куплен П. Кузиным за 7000 рублей. Это была рекордная цена, ибо за остальных рысаков было уплачено по 3000, а за некоторых и того меньше. Большинство приведенных на ярмарку рысаков были завода графини А.А. Орловой-Чесменской. Имя Сапожкова лицам, изучающим генеалогию орловского рысака, до некоторой степени знакомо. В заводской книге 1854 года он упоминается в качестве покупателя лошадей. Шишкинский Ловкий, состоявший производителем у А.М. Кормилицына, был куплен у этого Сапожкова в 1846 году. Ему же продавал Кормилицын своих ставочных лошадей, он же купил у Кормилицына производителя Голландца 2-го. В заводе И.Н. Лермонтова состояла заводской маткой кобыла Любушка завода Сапожкова. Это показывает, что Сапожков не только торговал лошадьми, но также имел рысистый заводец. Мне удалось установить связь между Сапожковым и заводами Кормилицына и Лермонтова. Невольно напрашивается предположение: не был ли рыжий Бычок, проданный на ярмарке в Харькове, одним из сыновей роговского Бычка?

В 1837 году Бычок дал темно-гнедого жеребца Кролика, родившегося в заводе Смесо́ва и принадлежавшего Козыреву. Этот Кролик был довольно известной призовой лошастью. Потомство его в заводских книгах не указано – можно предположить, что он либо оказался совершенно бездарным производителем, либо вовсе не получил заводского назначения. В том же году от Бычка в заводе графа П.Н. Зубова родился Сокол. Сокол не бежал, но по типу и красоте был замечательной лошастью. О том, что Сокол был резов, и даже очень, имеется печатное свидетельство Коптева: «... сорт лошадей весьма капитальный и с хорошими ходами, чего и должно ожидать, ибо Сокол была лошадь очень резвая; москвичи помнят его, когда наш известный московский охотник-коннозаводчик граф Пл. Ник. Зубов сам ехал на нем на бегу на беговых дрожках и он, перепряженный из пролетки, часто приходил три версты резвее шести минут. Красота его была замечательна, при широком ладе и отличном, совершенно правильном постанове плотных ног, чего не было в Бычке, его отце, и чем, конечно, он был обязан матери своей Весне, родной сестре по матери знаменитого красотою и капитальностью хреновского производителя Чистяка 3-го, сына Веспы, дочери рыжего Доброго 2-го, от которого Сокол наследовал и рыжую золотистую шерсть».

Получил известность и сын Сокола Солидный: сын Солидного Боец 5.28 оказался выдающимся производителем. На крови Бойца и лучшего его сына Лондона 5.17 был создан один из лучших рысистых заводов России, завод А.И. Горшкова. По типу, формам и масти потомки Лондона и Бойца сравнительно мало напоминали бычковскую породу, их имена редко упоминались при перечислении заслуг Бычков вообще. Я считаю это неправильным. Это были замечательные во всех отношениях лошади, что делает честь их предку, основному Бычку. Упомяну еще, что дочь Сокола рыжая Заплатка бежала в Лебедяни в 1854 году от имени своего заводчика И.А. Шкилева. Она наследовала масть отца, а ее имя ясно указывает, что у нее на шерсти было белое пятно. Дочь этой Заплатки Лихая была серой масти, родилась у Шкилева в 1869 году и оказалась одной из лучших рысистых маток своего времени. Ее потомство имело

большое распространение в заводах Тульской губернии. В Хреновском заводе от ее дочери Лиходейки родился известный Гранит, выигравший Императорский приз и состоявший производителем в этом же заводе. Одна из лучших маток в моем заводе была родной внучкой этой Лихой и дала мне рысака Парадокса 2.15³/₄.

Вероятно, до поступления в качестве производителя в завод Д.П. Голохвастова Бычок дал от кобылы Добрыни, дочери Любезного 1-го, жеребца Бычка, который был в свое время более известен под именем Бычка кожуховского. Этот Бычок пал в заводе Шубинского в 1850 году, но дал несколько выигравших лошадей недурного класса. Среди них был Рушук, победитель Императорского приза в Царском Селе в 1852 году. Интересно, что три призовых сына этого Бычка были от одной кобылы – Резвой завода Матвеева, которая сама выиграла в 1836 году в Москве. Родная сестра этих трех жеребцов Моина состояла заводской маткой у графа Толя. Здесь необходимо упомянуть, что Прохоров, а позднее Заннес в своих таблицах приписали Рушука циммермановскому Бычку. Это неверно, как видно из примечания Лодыгина к шестому тому книги рысистых лошадей. Там показан рыжий Бычок Ф.М. Циммермана, никогда не бывший у Кожуховых, а в их заводе был брат его по отцу Бычок, от коего родились в этом заводе, кроме Рушука, Кремень Е.А. Князева, Янтарный А.П. Терликова и другие. Внучка кожуховского Бычка дала у Шубинского кобылу Подружку, которая стала бабкой Мужика 5.11¹/₂ завода Бабина. Мужик – дед Мужика 2.15¹/₂ и отец замечательной кобылы Полянки, прославившейся в заводе Петрова. Кожуховский Бычок не создал такого сына, выдающееся потомство которого дошло бы до наших дней, и ныне имя его встречается в породе современных рысаков главным образом по Полянке и Мужикам 1-му и 2-му, а также по Мужичку.

В 1838 году Бычок дал у Голохвастова Умницу. Умница имела очень скромный рекорд и неудачную заводскую деятельность. В том же году родился у Голохвастова жеребец Камчатка, в беге на Императорский приз оставшийся за флагом. Камчатка получил заводское назначение у Голохвастова, а позднее стал производителем у Н.Д. Лужина. Изредка можно было встретить его имя в заводских книгах.

Первых знаменитых лошадей, вышедших из завода Д.П. Голохвастова, Бычок создал в 1839 году. Я имею в виду кобылу Рынду и жеребца Грозного. Рында пробежала в четырехлетнем возрасте всего лишь два раза, притом без особого успеха. Однако на заводском поприще Рында оказалась во всех отношениях выдающейся: где есть или была капля крови этой кобылы, там все бежало очень резво. Многие кобылы из этой семьи оказались замечательными заводскими матками, а потому Рынду я считаю основательницей замечательной женской семьи. Рында наделяла своих потомков превосходным экстерьером. Создание этой кобылы является величайшей заслугой как Бычка, так и Полкана 3-го, ибо мать Рынды была его дочерью.

Грозный родился в заводе Голохвастова также в 1839 году. Он никогда не бежал. В заводе П.Г. Мосолова от него родился в 1857 году гнедой Бычок, отец 9 призовых лошадей, среди которых Кролик (мосоловский) – рысак первого класса и победитель Императорского приза в Санкт-Петербурге в 1876 году. Кролик оказался замечательным производителем: 26 его призовых детей выиграло около 100 000 рублей, среди них была рекордистка Крылатая 4.44¹/₂, одна из величайших кобыл своего времени. Если Грозный сумел создать Бычка, Бычок – Кролика, то есть степень успеха в этой линии возросла в двух поколениях, то, к сожалению, Кролик не создал истинно первоклассного жеребца, а потому мужская линия Грозного пресеклась. Как часто случалось в роду Бычка, эту линию продолжили только замечательные матки: Крылатая, ее дочери, Быстрая (от Бычка, сына Грозного) и т. д.

Долгое время истинное происхождение Грозного подвергалось сомнению. Юрлов, который составлял «Заводскую книгу русских рысаков», внес путаницу в происхождение мосоловских лошадей. В этой книге отцом Кролика был назван Хвальный, сын Похвального. Имя Грозного вообще нигде не упоминалось, а потому вся слава мосоловских лошадей приписывалась совсем другой линии. Из пятого тома «Заводской книги русских рысаков» непростительная

ошибка перебралась в позднейшие издания. Создание Грозного есть один из лучших моментов во всей заводской деятельности Бычка. Значение Грозного и его потомства так велико, что я должен обстоятельно прояснить этот вопрос.

Пятый том «Заводской книги русских рысаков» вышел в 1890 году. В 1878 году Лодыгин на основании документальных данных описи завода Н.Н. Челищева так изложил породу Бычка, состоявшего производителем у П.Г. Мосолова, от которого завод перешел к его сыну П.П. Мосолову: «Бычок – гн. жер. Р. у П.Г. Мосолова в 1857 г. от Грозного зав. Д.П. Голохвастова и Наследницы Хр. зав.; дед Бычок зав. В.И. Шишкина. Мать Коровка зав. Д.П. Голохвастова от Бычка зав. В.И. Шишкина, сына Молодого-Атласного; бабка Касатка Хр. зав. от Быстрого 2-го. От него Кролик (П.П. Мосолова), выиграл Императорский приз в С.-Петербурге в 1876 году; купл. в 1877».

Точно так же изложена порода этого Бычка в 1883 году в первом выпуске «Продолжения книги рысистых лошадей в России с определением чистопородности». Стало быть, Юрлов не имел никакого права, выпуская в 1890 году пятый том «Заводской книги русских рысаков», допустить грубейшую ошибку. Я говорю об ошибке, потому что если бы он знал, что порода Бычка уже дважды напечатана в заводских книгах, то сделал бы соответствующее примечание. Раз Юрлов этого не сделал, ясно, что он не знал о данных 1878 и 1883 годов.

Интересно взглянуть, как смотрел на этот вопрос знаток генеалогии А.Н. Храповицкий. В 1893 году, редактируя опись завода Н.М. Коноплина, Храповицкий поместил следующее примечание в описи заводчика к происхождению Утехи: «...в заводе П.П. Мосолова Бычок показан неправильно от Хвального (зав. Д. Голохвастова), сына Похвального. В примечании сказано, что мать Бычка (отца Бычка 2-го) Коровка была куплена у г. Голохвастова в 1855 г. слученною с Хвальным; между тем Бычок, бывший потом в заводе Н.Н. Челищева, родился в 1857 г. от Грозного, сына Бычка, как показано в подлинном аттестате Бычка; следовательно, это совершенно неправильно, так как кобыла носить в продолжение двух лет никоим образом не могла».

Из приведенных данных совершенно ясно, что мосоловский Бычок был именно сыном Грозного. К породе мосоловского Бычка имеется примечание, где сказано: «Мать Бычка – Коровка зав. Д.Д. Голохвастова от Бычка зав. В.И. Шишкина и Касатки Хр. зав. Из представленного г-ном Мосоловым подлинного аттестата Коровки, подписанного г-ном Голохвастовым, видно, что она приобретена у г-на Голохвастова в 1855 г. слученною с Хвальным». Те, кто редактировал пятый том, не обратили должного внимания, что Бычок мосоловский родился в 1857 году, а его мать Коровка была куплена у Голохвастова в 1855 году слученной с Хвальным. Стало быть, Бычок мог родиться в 1856-м, а никак не в 1857 году. На это и обратил внимание Прохоров. А Храповицкий воспользовался примечанием Прохорова.

Для тех, кто, как я, грешный, искушен во всех тонкостях, примечаниях, объяснениях, добавлениях, разъяснениях и исправлениях наших заводских книг, это совершенно очевидно. Однако тем, кто не изучал специально данного вопроса, он мог показаться спорным. Надеюсь, что теперь вопрос о происхождении мосоловского Бычка прояснен.

Лучший сын Грозного Бычок происходил от случки полубрата с полусестрой. На это никогда не указывалось в печати, а это интересно:

БЫЧОК, р. 1857 г., зав. Мосолова, отец Кролика

    / Грозный — Бычок зав. Шишкина
    \ Коровка — Бычок зав. Шишкина

Целый ряд дочерей Бычка, рожденных в разное время и в разных заводах, оказались превосходными матками. Помимо уже упомянутой Рынды, Коровка дала Грозного, а Пригожая,

родная сестра Грозного, дала Ходистую, от которой родилась знаменитая мазуринская Краса. Потешная завода Рогова дала у Вырубова Катка, выигравшего Императорский приз в Москве в 1858 году. Потешная родилась именно у Рогова. Это доказывает, что Рогов покрывал своих кобыл Бычком, вероятно, еще до того, как продал его Смесову. Другая дочь Бычка, Ловкая, дала Молодецкого, внука которого Искра дала двух замечательных кобыл – Комету и Индианку, приплод коих широко прославился. Матерью этой Ловкой показана Весна, дочь Полкана 6-го. Так как Полкан 6-й родился в 1838 году и первый его приплод в Хреновском заводе относится к 1844 году, то сомнительно, чтобы Весна, мать Ловкой, была именно его дочерью. Скорее всего, она была дочерью его отца, Полкана 5-го. Год смерти Бычка не установлен, но если он пал в глубокой старости, то мог покрыть и дочь Полкана 6-го.

Многие другие кобылы от Бычка впоследствии приобрели известность как превосходные заводские матки. Перечислять здесь их всех нет никакой надобности. Дети, внуки и правнуки Бычка во время своей заводской карьеры постоянно создавали таких кобыл. Основной Бычок принадлежал к числу тех редких в орловской породе производителей, которые дают одинаково хороших сыновей и дочерей. Этим отчасти может быть объяснен успех потомства этого жеребца на заводском поприще, так как ему способствовали не только жеребцы или кобылы, как это бывает сплошь и рядом, но и те, и другие вместе. После революции в женских линиях Бычок превосходно представлен целым рядом выдающихся лошадей, чего нельзя сказать про прямые мужские линии этого жеребца.

Теперь предстоит говорить о лучшем сыне Бычка – гнедом голохвостовском Петушке. Имя Петушка долгое время оставалось самым популярным у русских коннозаводчиков. В его честь называли тысячи рысаков. Петушок родился в 1842 году и принадлежал если не к последнему, то к позднему приплоду Бычка. Петушок как производитель оказался одним из самых препотентных жеребцов в нашей рысистой породе. Можно смело сказать, что отец Петушка Бычок на три четверти, если не больше, обязан величию именно этому своему сыну. Чтобы убедиться в этом, стоит только внимательно рассмотреть таблицу заводской карьеры Петушка и сравнить ее с деятельностью других сыновей Бычка. Вернемся к заводской карьере самого Бычка и посмотрим, что она представляла собой без этого Петушка.

Общий взгляд на таблицу заводской деятельности Бычка показывает, что его сыновья – циммермановской Бычок, кожуховский Бычок, роговский Бычок, Кролик, Конёк, Камчатка, Скороход, Жемчужный – либо ничего не дали достойного, либо же, как циммермановский Бычок, не сумели создать знаменитого сына и достойного продолжателя рода. Кожуховский Бычок, дав Рущука, на этом и остановился. Лишь Сокол и Грозный хотя и не создали знаменитых сыновей, но всё же положили основание прочным призовым линиям. Таким образом, мужская линия Бычка пресеклась очень рано для одних и несколько позднее для других жеребцов (линия Грозного). Более благоприятно обстояло дело с дочерьми Бычка, его внучками и правнучками. Вот только кобылы решающего влияния для величия линии не имеют. Понятно, почему Коптев в 1850-х годах выступил уже на защиту Бычка. Он писал: утверждение охотников, что Бычок ничего не произвел и произвести не мог, неверно. В пример он приводил Петушка, чья призовая карьера была в самом расцвете, циммермановского Бычка, его дочь Тёлку, сына Барса. Коптев писал: «Далее укажем на Бычка (зав. Зильбермана), рысака весьма известного на московском бегу, и не умолчим о рыжем Соколе (г-на Зубова), Камчатке (И.Д. Лужина), гнедом Бычке, Забияке, которых посещавшие московский бег видели на нем и могут свидетельствовать в пользу непобедимого рысака». Приведенная выдержка особенно интересна тем, что здесь имеется указание на какого-то Бычка, принадлежавшего Зильберману. Что это за Бычок? Разыскать его по рысистым календарям и заводским книгам мне не удалось. Осталось неизвестным также и то, что это за гнедой Бычок и Забияка. Известными призовыми лошадьми они не были, но, по-видимому, приводились на бега в Москву, и если не

приняли участия в призовых испытаниях, то показали известную резвость и были представлены на проездках.

Из слов В.И. Коптева ясно, что тогдашних охотников заводская карьера Бычка совершенно не удовлетворяла. В заводской книге 1854 года, где отмечены лучшие рысистые заводы того времени, мы видим очень мало потомков Бычка, да и тех не в лучших заводах. Это показывает, что знаменитых коннозаводчиков Бычки в то время не удовлетворяли и в свои заводы они их не брали.

Итак, заводская деятельность Бычка (без его сына Петушка) оказалась далеко не блестящей. Конечно, он дал призовой приплод, дал и знаменитого сына – циммермановского Бычка, но если учесть, что он крыл лучших кобыл в заводах Рогова, Смесо́ва, Циммермана и Голохвастова, где было до ста голов маток и состав кобыл замечательный, к тому же много кобыл ему подводили и другие коннозаводчики (Зубов, Кожухов), то придется признать, что Бычок не оправдал возлагавшихся на него надежд. Чем же объяснить тогда славу Бычка? Объяснение только в изумительной заводской карьере его сына Петушка. Слава Петушка как производителя распространилась и на его отца. Однако произошло это уже в 1860-х годах. Бычок пережил как бы четыре этапа громкой известности. Первый – когда он побеждал всех своих соперников на ипподроме. Второй этап – с конца 1840-х до середины 1850-х, когда слава Бычка начала меркнуть и продолжал его боготворить и верить в него один лишь Голохвастов. Вот почему Коптев писал: «...ставили также в упрек Дмитрию Павловичу его пристрастие к Бычку», и еще: «...в 1849 году выиграл приз к неопикуемой радости Д.П. Петушок, сын Бычка, – три версты в 6 минут 3 секунды». Третий период славы Бычка имеет уже всероссийский характер, чем он обязан только своему сыну Петушку. Этот период тянется с конца 1850-х до 1900 года, то есть целых 50 лет. В это время появляются фанатики Бычковой крови – Энгельгардт, Прохоров, Сухогин, Измайлов и многие, многие другие, начинается ни с чем не сравнимое прославление Бычка как производителя и во все заводы, которые хотят производить призовых лошадей, берут Бычков: хоть урод, да Бычок! Столь неразумными действиями тогда был нанесен большой вред орловской рысистой породе, так как много недостойных жеребцов этой линии поступало в заводы, которые, в чаянии вывести резвую лошадку, перепортили свои составы. Удивительно, что в течение полувека никто не обратил внимания, что Петушок произошел от дочери Полкана 3-го, а стало быть, величие этого жеребца связано не только с именем Бычка, но и с именем Полкана 3-го. А если бы дали себе труд проследить, при каких сочетаниях Петушок дал своих лучших детей, то увидели бы, что не только он, но и его отец без прямой поддержки крови Полкана были не в состоянии создать истинно первоклассных лошадей. Во время четвертого периода славы Бычка отношение к нему изменилось. Под влиянием Питомца, Барина-Молодого, Палача и других, не имевших и капли Бычковой крови, многие поняли, что предельная резвость таится не в линии Бычка, а в других орловских линиях, главным образом Полканов. Отдавая должное Бычкам, коннозаводчики не закрывали глаза на их недостатки и прекрасно понимали, что не от всякого Бычка можно отвести призовую и классную лошадь. В Бычков долгое время верили все коннозаводчики России. Исключения – Кожин и некоторые другие – были редки. Им не верили, над ними подчас смеялись, но правы оказались они, а не поклонники Бычков. Великие производители породы и лучшие рекордисты произошли из линии Полканов, и это сейчас должно быть ясно всем, кто сколько-нибудь знаком с историей орловской породы.

Обратимся теперь к заводской деятельности Петушка. Сначала скажем несколько слов о происхождении его матери. Важная, мать Петушка, родилась в заводе графини А.А. Орловой-Чесменской в 1831 году и была куплена Д.П. Голохвастовым у купцов Бойцовых в октябре 1835-го. Масти кобыла была темно-гнедой. Она являлась дочерью Полкана 3-го и гнедой Молодки от Безымянки. Ее бабка – Щука от Родни, прабабка – Щука от Бычка, прапрабабка – воронцовская Большая. Мать Петушка Важная включена в 35-ю хреновскую таблицу маток.

Она была родоначальницей семьи, которая имела весьма большое значение в старом Хреновском заводе, а стало быть, в рысистом коннозаводстве вообще. Достаточно сказать, что эта семья дала родному коннозаводству таких производителей, как Полкан 5-й, Добрый 3-й и Чистяк 4-й, и целый ряд выдающихся маток. Знаменитый производитель А.Б. Казакова Лебедь 5-й был внуком Отрады, которая приходилась родной сестрой Важной, матери Петушка. Сочетание Полкан 3-й – Безымянка 1-й дало еще Драгоценную, мать Касатки, от которой родился Визапур 3-й. Хотя происхождения матери Петушка я коснулся в самых общих чертах, но и сказанного достаточно, чтобы видеть, какого исключительного происхождения была Важная. Поэтому совсем не удивительно, что ее сын Петушок оказался замечательной лошадейю.

Д.П. Голохвастов

Граф И.И. Воронцов-Дашков

Петушок был действительно одним из лучших производителей орловской породы. Конечно, он работал в двух выдающихся заводах – Голохвастова и Воронцова-Дашкова, а такое счастье выпадало на долю немногих рысаков. Позднее его потомки заполнили буквально все известные рысистые заводы страны. Петушки были поставлены в самые благоприятные условия заводской работы. Это такой плюс, который должен обязательно приниматься во внимание и учитываться, когда будет делаться сравнение заводской деятельности Петушка и других знаменитых производителей орловской породы. Тем не менее надо признать заводскую работу Петушка блестящей.

Своею заводской деятельностью Петушок затмил славу своего отца Бычка. Только благодаря Петушку род Бычка не пресекся. Петушок есть первое и самое блестящее имя во всем роду знаменитых и прославленных Бычков!

Этюд о Бычке и без того разросся, поэтому я скажу лишь об одном сыне Петушка – воронцовском Кочете, от дочери которого произошла Прости 2.8, резвейшая лошадь, когда-либо рожденная в России. От другой дочери Кочета, Заветной, родился Альвин-Молодой 2.11. О Кочете в нашей специальной литературе нет почти никаких данных, и мне приходилось слышать всевозможные фантастические сведения о нем самом и его заводской карьере. Одни

говорили, что он дал лишь пять-шесть жеребят; другие утверждали, что он всего два года был в заводе и при этом дал замечательный приплод. Ничего точного мне не пришлось услышать о Кочете, а между тем этот жеребец заслуживает величайшего внимания.

Кочет родился в заводе графа И.И. Воронцова-Дашкова в 1864 году от Петушка и Чародейки. Он приходился родным братом Петушку 2-му, который получил заводское назначение у графа, а потом у Петрово-Соловова. Следующие сыновья Чародейки получили заводское назначение в других заводах: Кудесник (от Добродея) состоял производителем у А.А. Волженского, Молодец (от Задорного) – у М.Н. Раевского и Колдун (от Добродея) – у Ю.И. Ознобишина. Чародейка пала в заводе графа 18 лет от роду, в 1873 году. Чародейка дала всего семь жеребят, и шесть из них были жеребчиками. По своему происхождению это была выдающаяся кобыла. Чародейка – дочь блохинского Молодецкого, одного из лучших по формам, резвости и карьере рысаков прежнего времени, и голохвастовской Храброй. Храбрая была дочерью знаменитого шишкинского Похвального и хреновской Храброй, которая происходила от Похвального 3-го и Храброй от Ловкого 1-го, отца Полкана 3-го. Ниже, в главе о сочетании кровей, где будет выяснено, при каких сочетаниях Бычок и его лучшие сыновья дали наиболее выдающийся приплод, Полкан 3-й и Ловкий 1-й займут первое место. Неудивительно, что и у Воронцова при соединении Петушек – Чародейка получился блестящий результат. Добавлю, что родоначальница семьи, из которой произошла Чародейка, вписана в 39-ю хреновскую таблицу; к этой же семье принадлежат Храбрая, ее полусестра Драгоценная – мать Касатки, от которой произошел Визапур 3-й, и, наконец, Безымянка, чья дочь Неровная создала Велизария и Ветерка.

Призовая карьера Кочета продолжалась всего лишь один год. Он начал ее в пятилетнем возрасте, в 1869 году. Имя его мы впервые встречаем в рысистом календаре за 1868 год: тут четырехлетний Кочет записан по первому сроку на московскую премию, но участия в этом бегу не принял. Эту премию выиграл его полубрат Петух (от Доброй), принадлежавший г-ну Кони. Дебютировал Кочет в следующем году в Петербурге. Кочет пришел три версты в 6.12 и остался за флагом. В призе для жеребцов, рожденных в 1864 году, он пришел первым. Резвость бега 5.49 и перебежка 3.53 (две версты). Затем Кочет блестяще выиграл московскую премию, придя с одним сбоем в 5.15. Колюбакинская Боевая, его единственная соперница в этом призе, честно боролась, но ничего не смогла поделаться с резвым воронцовским жеребцом. Последний бег Кочет легко выиграл в 5.20 и 5.55 (перебежка), причем в побитом поле остались три лошади. После этого Кочет более не появлялся на ипподроме. В рысистом календаре за 1870 год мы видим, что Кочет был записан на приз по предварительной подписке, но в нем участия не принял, так как в то время уже находился в Англии.

Кратковременная призовая карьера Кочета указывает на то, что этот жеребец ушел с ипподрома в самый разгар своей славы. Можно смело сказать, что Кочет ушел из России, не показав предела своей резвости. Возможно, Кочет был резвейшим сыном Петушка и граф Воронцов-Дашков совершил большую ошибку, продав этого жеребца. Впоследствии, вернувшись стариком в Россию, Кочет дал детей, по которым можно судить, что представлял собой в смысле резвости их отец.

Граф Воронцов-Дашков продал Кочета в 1869 году за очень крупную по тем временам сумму г-ну Уайненсу в Англию. Это был богатейший человек, сын строителя Николаевской железной дороги, пристрастившийся в России к орловским рысакам. Покидая навсегда Петербург, он купил нескольких рысаков, в том числе Кочета. Уайненс не стеснялся в средствах и пожелал приобрести выдающуюся лошадь, обязательно молодую, которая могла бы бежать и побеждать. Одна из дочерей графа Воронцова-Дашкова, графиня Шувалова, говорила мне, что ее отец решился продать Кочета только по одной причине: Уайненс его убедил, что пошлет Кочета на бега в Америку и там отдаст в езду и тренировку одному из лучших наездников. Граф был великим охотником, его соблазнила возможность прославить орловского рысака, а такая

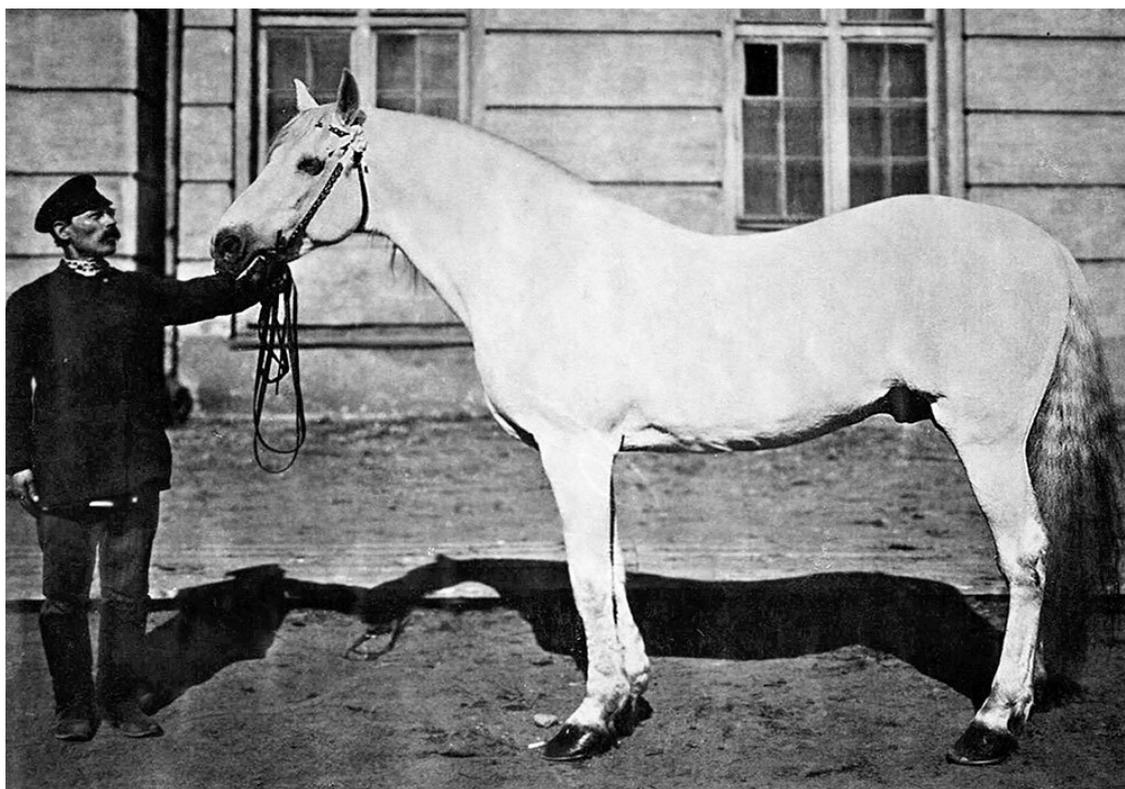
возможность, в случае успеха, открыла бы новый богатый рынок для наших лошадей. Кроме того, графа, конечно, интересовало, как покажет себя Кочет в американских условиях бега. По словам графини Шуваловой, ее отец был высочайшего мнения о Кочете и утешался лишь тем, что его родной брат Петушок 2-й остался в заводе, хотя он далеко не имел такого класса, как Кочет. Петушок 2-й был типичным Петушком, а Кочет, начиная от караковой масти, был ближе к своему знаменитому деду, блохинскому Молодецкому. Кочет фигурировал на выставке 1869 года в Москве, но там получил только бронзовую медаль, которая обычно дается всем выставленным лошадям.

К сожалению, Уайненс не выполнил своего обещания и по каким-то причинам Кочета на бег в Америку не отправил. Кочет жил в великолепном поместье Уайненса в Англии, был его любимой выездной лошадей, и так продолжалось 10 лет. Граф Воронцов-Дашков несколько раз просил Уайненса продать Кочета обратно, но получал отказ. Это понятно, ибо англичане к чему привыкнут, с тем нелегко расстаются.

Один современный охотник, из молодых да ранних, уверял меня, что Кочет был в Америке. В этом же духе есть сообщение в хронике некоторых старых журналов. Современный охотник, очевидно, на этом основывал свою уверенность и уличал меня в незнании истории коннозаводства. Я не счел нужным вступать с ним в пререкания, но читателям сообщу, что Кочет в Америке никогда не был, а прожил десятилетие в Англии и вернулся в Новотомниково.

В 1878 году граф Воронцов-Дашков продал в Англию тому же Уайненсу своего знаменитого Ментика и получил обратно Кочета. Когда Кочет вернулся в Россию, ему было 15 лет. Его назначили производителем в завод, но, к сожалению, посадить его на кобылу не удалось. Прохоров в «Журнале коннозаводства» за 1886 год (№ 3) пишет: «Кочет был продан С.Н. Коншину по той причине, что, будучи напуган при случке, не садился на кобылу, так что полагали, что он в заводские производители уже не годен. Между тем у С.Н. Коншина благодаря принятым мерам Кочет стал годным к случке и от него имеется уже два замечательных жеребенка».

Кочета Коншин купил в 1883 году в Москве. В заводе Коншина Кочет начал крыть кобыл в 1884-м, жеребцу тогда был 21 год. В истории коннозаводства есть еще один пример, когда старый жеребец прославился на заводском поприще и дал знаменитых детей. Я имею в виду Пашу. Ему было 18 лет, когда он впервые покрыл кобылу и создал одного из величайших жеребцов орловской породы – лотарёвского Зенита.

Предположительно Паша от Похвального, р. 1877 г., зав. Е.И. Генок, отец Зенита⁷

Прежде чем перейти к обстоятельному разбору заводской карьеры Кочета, замечу, что завод С.Н. Коншина, в то время начинающего коннозаводчика, не представлял большого интереса. В его составе было восемь-десять кобыл.

Кочет приобрел Коншина к сонму призовых коннозаводчиков, поставил его завод на ноги. Этому жеребцу Коншин был обязан своими лучшими успехами, ибо от его детей в заводе родились лучшие лошади.

Кочет в заводе Коншина дал 22 жеребенка. Потомки Кочета более удачно сочетались с американскими кровями, нежели с орловскими. То же положение верно и для его резвейшего сына Козыря. При метизации он дал Козырную-Двойку 2.16, Каприза 2.15,5 и других, в то время как лучший его чисто орловский сын Смех имеет рекорд 2.19 $\frac{7}{8}$. Замечу, что Бычки вообще превосходно соединялись с американскими линиями. Стоит только вспомнить Люди-Ферта 2.21 $\frac{1}{2}$ и 4.45 $\frac{1}{2}$, сына дубровского Бычка и американской кобылы Франки-Р, Тупичка 4.35 и Транса 2.15,6 (от Тилли) или же Люцифера 2.15 $\frac{4}{8}$ (от Леди-Бель-Стинлей).

На этом я закончу настоящую главу и перейду к вопросу о том, при каких сочетаниях кровей Бычок и его лучшие потомки дали резвейших и лучших лошадей.

⁷ Об этом см.: *Bunn B.O.* Орловская рысистая порода в историческом развитии ее линий // История коннозаводства: сб. М., 2003. С. 371. Отец Паши завода Е.И. Генок – Похвальный (Потешный – Удача), р. 1870 г. Но возможно, на снимке другая лошадь – Паша (Дорогой – Селитра) завода С.Н. Познякова, отец Услады – матери Урны и Весны (мать Ветрогонки) // Там же. С. 393.

Наиболее удавшиеся комбинации кровей в линии Бычка

Рассмотрим родословные лучших детей Бычка. Бычок давал свой лучший приплод только от кобыл Полкановой крови или же благодаря сочетаниям кровей, которые создали самого Полкана. Вне этой комбинации основной Бычок не мог дать выдающийся приплод, и, если бы ему в свое время не подвели кобыл этой крови, его имя давным-давно было бы предано забвению. Всю свою славу, весь свой успех на заводском поприще Бычку приходится разделить с Полканом 3-м, великим жеребцом орловской рысистый породы.

Обратимся теперь к таблицам и дадим дополнительные сведения о породе маток. Из всего приплода основного Бычка, так или иначе получившего известность, в мою таблицу вошли 12 его сыновей. Из них 8 были крови Ловкого 1-го и его сына Полкана 3-го, и только трое, притом далеко не лучшие, происходили от кобыл другой крови. Жеребец Скороход в расчет не принимается, так как не дал ничего достойного.

В сводной табличке это будет выглядеть так:

Петушок – мать Важная от Полкана 3-го;

Сокол – мать от Ловкого 1-го;

Бычок Циммермана – мать от Ловкого 1-го;

Камчатка – мать от Визапура 1-го (сын Полкана 3-го);

Бычок – мать от Визапура 1-го;

Конёк – мать от Молодецкого 1-го (сына Полкана 3-го);

Бычок Рогова – есть данные, что мать от Визапура 1-го;

Бычок Смесо́ва – мать от Ловкого 1-го.

Сыновья Бычка без Полкановой крови:

Бычок Кожухова – мать от Любезного 1-го;

Грозный – мать от Наследника;

Кролик – мать от Кролика.

Если мы внимательно рассмотрим эту сводную табличку, то увидим отношение 8:3, то есть 8 жеребцов с Полкановой кровью по матерям и только трое без нее. Углубляясь в рассмотрение приведенных данных, увидим, что все великое (Петушок), знаменитое (Сокол, Бычок Циммермана и Бычок роговский), известное и просто достойное из сыновей Бычка входит в первую табличку. Во второй остаются Кролик, оказавшийся бездарным производителем, кожуховский Бычок, давший одного классного сына, и Грозный, который сам не бежал, но основал превосходную боевую линию.

Посмотрим теперь, как обстояло дело с теми дочерьми Бычка, которые внесены в мой список.

Всего в списке 7 кобыл, из них с кровью Полкана 5-го:

Рында – мать от Полкана 3-го;

Умница – мать от Чистяка 3-го, сына Ловкого 1-го;

Потешная – мать от Поспешного, сына роговского Полкана;

Ловкая – мать от Полкана 6-го или 5-го;

Моршанка – мать от Ловкого 1-го.

Во второй табличке остаются Коровка, мать Грозного, и Пригожая, мать Ходистой, от которой Краса. Обе, и Коровка, и Пригожая, без Полкановой крови.

Здесь мы видим отношение 5:2, причем в первом списке находим таких кобыл, как Потешная – мать Катка, победителя Императорского приза в Москве в 1858 году, Моршанка –

родная сестра циммермановского Бычка, Ловкая и Рында – основательница замечательной женской семьи рысаков.

Суммируя всё сказанное, мы увидим, что в таблице детей основного Бычка 19 имен. Одно из них – Скороход – исключено, остается 18. Из них Полканов по матерям – 13. Полагаю, что каждому беспристрастному читателю ясно, какое исключительное значение имели Полкан 3-й и его отец Ловкий 1-й в деле создания лучших детей Бычка. К величайшему сожалению, в свое время это не было учтено и все заслуги Бычка как производителя были приписаны ему одному. Если бы на это обратили должное внимание, то линия Полкана пользовалась бы еще большим уважением в рысистом коннозаводстве.

Не могу обойти молчанием тот удивительный факт, который вытекает из приведенных данных: это крайне узкая сочетаемость, если так можно выразиться, основного Бычка с другими линиями. Вне комбинации Бычок + Полкан 3-й почти нет выдающихся или же знаменитых лошадей от Бычка. Принимая во внимание, что на своем веку Бычок покрыл очень много кобыл самых разнообразных кровей, а свой лучший приплод дал только от одной линии, приходится признать, что Бычок был чрезвычайно капризен в подборе и в этом отношении стоит ниже других корифеев рысистого коннозаводства.

Я уже упоминал, что Бычки превосходно сочетаются с другими линиями и не капризны в подборе. Это остается верным для Бычков, но отнюдь не для самого родоначальника. Позвоительно спросить: чем объяснить подобную эволюцию в роду Бычка? Я полагаю, что она должна быть объяснена только влиянием Полкана 3-го. В потомстве Бычка влияние Полкановой крови было преобладающим, а лучший сын Бычка Петушок был внуком Полкана 3-го с материнской стороны. В настоящее время, и уже давно, в рысистом коннозаводстве приходится иметь дело почти исключительно с потомками Петушка, ибо остальные Бычки остались лишь в памяти генеалогов да на бумаге. Два десятилетия и устно, и печатно я неоднократно указывал, что Полканы поразительно хорошо сочетаются со всеми линиями и в этом отношении их можно считать универсальными лошадьми. Правда, и для Полканов имеются излюбленные скрещивания, но они давали и дают первоклассных лошадей при всех сочетаниях кровей и подчас при самых неожиданных генеалогических комбинациях. Во всей совокупности успехов Бычка Полкану 3-му и его роду должно быть отведено место не только рядом с родоначальником Бычков, но, может быть, и выше.

Петушок оказался тем жеребцом, который продлил род Бычка. Петушок был феноменальным производителем. Здесь, наверно, уместно заметить, что прежние коннозаводчики славу Петушка как производителя перенесли и на его отца, а это несправедливо. Заводская деятельность Петушка еще ждет своего исследователя. Я же коснусь ее только с точки зрения сочетания кровей.

Одним из первых сыновей Петушка был Бычок, сын Прелестницы, более известный под именем Бычка энгельгардтовского. Именно у этого коннозаводчика он состоял производителем. Среди лучших сыновей энгельгардтовского Бычка был Светляк, победитель Императорского приза в Санкт-Петербурге в 1875 году. Мать Светляка, кобыла Берегись, имела кровь Полканов. Светляк состоял производителем у А.Н. Дубовицкого, в чьем заводе была очень сильна кровь Полканов благодаря Полкану черному, сыну Полкана 6-го, и Полкану серому, сыну Полкана 5-го. Лучшие и резвейшие дети Светляка, родившиеся в этом заводе, например Сумрак (Императорский приз 1890 года), происходили от Полкана черного. Внук энгельгардтовского Бычка, дубровский Бычок, тоже удачно сочетался с кровью Полканов, а родная сестра его отца Любодейка, дочь энгельгардтовского Бычка, слученная с Ратником, представителем роговского Полкана, дала Эсмеральду, призовую кобылу и мать пяти лошадей, вошедших в список 2.20 и резвее. Когда же у Эсмеральды было еще усилено влияние Полканов – она была случена с Zenитом линии великого кожинского Потешного, – то получился второй в России по резвости рысак Эльборус 2.10. Я мог бы привести и другие удачные примеры встречи крови

Бычка энгельгардтовского с Полканами, в частности Защиту, дочь Досадного, что от Визапура 1-го. Ее дочь Людмила-Ласковая от Бычка дала Тёлку и Кикимору, мать дубровского Бычка. Энгельгардтовский Бычок был стариком куплен в завод Сухотина, и там от встречи его крови с кровью Полканов родилась Боевая, мать Ведьмы, Сатаны и рекордиста и победителя Императорского приза Бандита. Боевая была дочерью Беса, сына интересующего нас Бычка и Кручины завода Стаховича от Молодецкого, линии роговского Полкана. От скрещиваний Беса с матками других линий ничего даже близкого Боевой в заводе Сухотина получено не было. Останавливаясь только на этих примерах, мы ясно видим, что энгельгардтовский Бычок, подобно своему деду основному Бычку, дал лучшее свое потомство от кобыл Полкановой крови.

Богач, сын Хитрой, состоял производителем у Загряжского и князя Черкасского. Из трех лошадей, внесенных мною в таблицу по этому жеребцу, две были результатом встречи крови Бычка с Полканом. Это Красавчик, мать которого Куница – дочь Пригожая от сына Полкана 6-го и Лихачки. Лихачка дала от Добряка (линия Добродея, то есть того же Полкана 3-го) известного Удалого, а лучший сын Удалого Мраморный произошел от Маруси, в чьей родословной Полкан представлен очень сильно через таких своих потомков, как Усан 4-й, Полкан 6-й и Усан завода Казакова. Когда в заводе княжны Голицыной подвели Мраморному кобылу Пыль, внучку Заветной, что от Бычка энгельгардтовского, то получилась резвейшая лошадь голицынского завода Не-Измени 2.14. Третье имя, которое я внес в таблицу, – Петух от Бычка, сына Хитрой. Петух был хорошим призовым рысаком, превосходным производителем и вполне достойной лошадей. Его родословная со стороны матери была свободна от Полкановой крови, но и он дал свой лучший приплод у Сухотина только от кобыл, имевших эту кровь. Словом, Бычок от Хитрой, как и энгельгардтовский Бычок, дал лучших своих потомков от той же комбинации кровей.

Более сложно обстоит дело с влиянием Полкановой крови у Друга, одного из лучших сыновей голохвастовского Петушка. Заводская деятельность Друга была исключительно блестящей. Друг был сыном кобылы Подруги, которая в прямой женской линии происходила от дочери Полкана 3-го Милой. Кроме того, мать Мужика, отца Подруги, была внучкой Ловкого 1-го. Сочетание Петушок + Подруга имеет имя Полкана, но для этой родословной оно менее характерно, чем в приведенных предыдущих примерах. Лучшим сыном Друга был шиповский Летун, имевший блестящую призовую карьеру. Имя Полкана 3-го в родословной его матери не встречается, но свой лучший приплод – Летунов 2, 3, 4 и 5-го он дал от кобылы Полкановой крови Красотки. Красотка была дочерью Насмешника линии Полкана 5-го, а со стороны матери происходила от знаменитой Рынды, внучки Полкана 3-го. Другой сын Друга, воронинский Петушок, состоял одно время производителем у Н.В. Хрушова. Там он дал призовую Курочку, оказавшуюся замечательной заводской маткой. Курочка со стороны матери была полкановской породы и принадлежала к семье Добродея, исторического отпрыска рода Полканов. Лучшая дочь Курочки Вопросовна произошла от Вопроса, принадлежавшего к линии роговского Полкана. Вопросовна – мать трех таких лошадей, как Зацепа 4.45, Мотор 2.21 и Полуимпериял 4.50. Словом, воронинский Петушок в заводе Хрушова дал от той же комбинации кровей свой лучший приплод, получивший всероссийское значение.

Одна из лучших кобыл рысистого коннозаводства гнедая Ладыя родилась в заводе Шипова в 1871 году. Она стала матерью Летучего, обессмертившего себя в заводе Малютина созданием стольких выдающихся рысаков. Мать Ладыя Ласточка была дочерью Ваги, в родословной которой было два сильных течения крови Полкана 3-го через одного из лучших его сыновей Визапура 1-го. Таким образом, Ладыя (Друг + Ласточка) была крайне типична как Бычок + Полкан. Когда же ее случили с Добродеем линии того же Визапура 1-го, то получился серый жеребец Летучий, выдающийся призовой рысак и такой же производитель. Летучий, хотя, вероятно, и бессознательно, был создан по известному рецепту. Приведенных примеров

совершенно достаточно, дабы указать, что лучшее, что было создано Другом, относится все к тому же сочетанию кровей.

Остановимся теперь на лучшем в смысле призовой карьеры сыне Петушка – светло-гнедом жеребце Красавце. Он родился в заводе Голохвастова в 1852 году и был родным братом энгельгардтовского Бычка. Красавец трижды выиграл Императорский приз в Санкт-Петербурге (1860, 1861, 1862) и был непобедимым рысаком своего времени. Кроме того, он был чрезвычайно хорош по себе и стал любимым рысаком Д.Д. Голохвастова. Красавец имел несчастье попасть к А.К. Мясникову: завод Мясникова был распродан, приплод Красавца разошелся по рукам и почти целиком погиб на одной из окраин России. Красавец очень долго находился на ипподроме, а поступив в завод, сравнительно рано пал. Словом, ему как производителю не повезло. Стоит ли удивляться, что в таблице его детей только три имени, а значение имеет лишь одно – кобылы Крали 5.30. Эта лучшая дочь Красавца происходила от сочетания Бычок + Полкан 3-й.

Кремень, сын Петушка, как и Красавец, принадлежал Мясникову. Он был знаменитым рысаком и выиграл Императорский приз в Санкт-Петербурге в 1864 году. На заводском поприще ему больше повезло, чем Красавцу; имя Кремня отчасти и теперь имеет значение в рысистом коннозаводстве страны. Этим он обязан двум своим сыновьям, родным братьям Кремню 2-му и Петушку. О Петушке я уже обстоятельно говорил, описывая завод графа Г.И. Рибоьера. У лучших сыновей Кремня со стороны их матерей имя Полкана 3-го не играет никакой роли. Что касается дальнейших скрещиваний в этой линии, то их мы не будем обсуждать, поскольку это чересчур далеко завело бы нас в генеалогическом обзоре.

Теперь поговорим о сыновьях Петушка, рожденных в заводе графа И.И. Воронцова-Дашкова. Воронцов-Дашков купил Петушка у Голохвастова за 2500 рублей. Начну с сына Петушка Кочета, имеющего первенствующее значение в метисных линиях нашего коннозаводства. Кочет был продуктом того же сочетания, которое дало родному спорту столько великих и знаменитых рысаков: кровь Бычка встретилась с кровью Полкана. А тут еще родословная кобылы Чародейки. Дед Чародейки Молодецкий, основатель двух замечательных линий в рысистом коннозаводстве, был сыном Богатой, одной из лучших дочерей Полкана 3-го. Мать Чародейки Храбрая происходила в прямой женской линии от Храброй, дочери Ловкого 1-го. Лев, дед Чародейки, был внуком Забавной, что от Ловкого 2-го, сына Ловкого 1-го и Забавной от Полкана 3-го, сына того же Ловкого 1-го. В родословной Чародейки огромное количество истинно первоклассных имен, а потому совсем не удивительно, что Петушок, сам бывший внуком Полкана 3-го, именно от нее дал Кочета.

Заводская карьера Кочета протекала недолго и исключительно в заводе С.Н. Коншина. Дочь Кочета Арфа родилась от Акции, что от знаменитого Залётного линии роговского Полкана. Арфа оказалась выдающейся заводской маткой. Родной брат Арфы Козырь 2.21^{3/4} также был весьма успешным производителем. Словом, сочетание Кочет + Акция по принципу Полкана вполне себя оправдало. Еще одна дочь Кочета, Заветная, создала Альвина-Молодого. Мать Заветной Могучая имела близкое течение Полкановой крови, ибо ее отец Мужик 3-й был сыном Фортуны, что от серого дубовицкого Полкана, сына Полкана 5-го. Кроме того, с женской стороны той же родословной введены имена Ловкого 2-го и его отца Ловкого 1-го. Таким образом, Заветная является продуктом той же комбинации кровей. Дочь Кочета Краля интересна потому, что ее мать Переправа – дочь Петушка 2-го, родного брата Кочета. Таким образом, в родословной Крали повторились все те же элементы. Краля оказалась превосходной заводской маткой и дала прекрасных детей у харьковского коннозаводчика П.В. Маркова. Родословная дочери Кочета Машистой, матери Прости 2.08, с точки зрения присутствия в ней Полканов интереса не представляет. Все вышесказанное подтверждает, что из всех детей Кочета, получивших известность, лишь одна Машистая уклонилась от общепринятого положения – что Бычок, дабы создать первоклассную лошадь, должен встретиться с кровью Полканов.

Родной брат Кочета Петушок 2-й родился годом позднее и не имел класса своего старшего брата. Тем не менее это был очень хороший жеребец, потомство которого получило вполне заслуженную известность. О происхождении Петушка 2-го говорить излишне, так как оно было изложено, когда я говорил о Кочете. Петушок 2-й дал большинство лучших своих лошадей при встрече с кобылами Полкановой крови. Для примера достаточно назвать его дочь Боевую: когда она была случена с Лихачом линии Полкана 7-го, появился Боец; затем от родной сестры Боевой, кобылы Быстрой, родился Быстрый 4.45, от дочери Боевой Беды – знаменитый Барс и т. д. Словом, сочетание Лихач + Боевая оказалось классическим для солововского завода. Другой известный жеребец этого завода Кречет, также сын Петушка 2-го, не имел со стороны матери сколько-нибудь значительных течений Полкановой крови, но, поступив в завод, лучший свой приплод дал от кобыл с ярко выраженной Полкановой кровью. В пример приведу хотя бы дочь Кречета Урну 2.16. Не менее интересна заводская деятельность дочери Петушка 2-го Переправы. Своего класснейшего сына Скупого-Рыцаря она дала от Корешка, то есть жеребца линии роговского Полкана. Ее дочь Свирель создала трех выдающихся призовых рысаков – Вояку, Воеводу и Ухвата – от того же Корешка, а от других жеребцов дала посредственный приплод. Когда Петушок 2-й состоял еще производителем в заводе графа Воронцова-Дашкова, он дал от Полкановой, но недостаточно ярко выраженной кобылы Обманщицы гнедую Наседку, которая оказалась превосходной заводской маткой. Когда же у Наседки было усилено полкановское начало и она была покрыта Светом, сыном знаменитой Темноты, дочери Полкана дубовицкого, то родился знаменитый Светило, победитель Императорского приза в Санкт-Петербурге. Словом, Петушок 2-й еще сильнее, нежели его брат Кочет, нуждался в прилитии Полкановой крови для создания классных лошадей.

В том же 1865 году родился в Новотомникове знаменитый и непобедимый Петел, сын Петушка и Замены. Петел со стороны матери имел блестящую родословную, но в ней Полкан 3-й играл небольшую и явно подчиненную роль. Посмотрим теперь, с кобылами каких кровей дал Петел свой лучший приплод, прославивший воронцовский завод. Лучшими детьми Петела стали Барьер, Ментик, Порода, Мгла, Паволока и Паморок. Замечательно, что по женским линиям все эти шесть лошадей происходили только от двух кобыл – родоначальниц Новотомниковского завода Славы и Темноты. Дочь Славы Закуска дала двух знаменитых братьев – Батыра и Ментика, а две дочери Темноты, Туча и Темь, дали четырех лошадей: Туча была матерью Породы и Мглы, а Темь – Паморка и Паволоки. Слава и Темнота удачно подошли по кровям к Петелу. Темнота родилась в заводе Дубовицкого от дочери серого Полкана, сына Полкана 5-го, а Слава появилась в заводе графа Толя и приходилась внучкой Мужуку 2-му, сыну Полкана 3-го (плюс дополнительные течения крови Ловкого 1-го). Словом, Петел дал свой лучший приплод от кобыл Полкановой крови. Едва ли надо упоминать о том, что перечисленные дети Петела покрыли себя и Новотомниковский завод славой. Среди их потомства такие рысаки, как Хвалёный, Хола, Боярка, Бурлак и многие другие. Интересно, что и Ментик в Хреновом дал свой лучший приплод от кобыл Полкановой крови. Я имею в виду Момент и Ментичку, мать Ментика и Молодца (Щёкиных). В родословную Ментички Волшебник входит через Весёлую, свою дочь, и тот же Волшебник присутствует через Вихрястую у Моменты. Волшебник был сыном болдаревского Чародея – стало быть, принадлежал к линии роговского Полкана. Аналогия родословных у обоих лучших детей Ментика удивительная.

Следует еще упомянуть, что в воронцовском заводе от Петела и Темноты родился Певун. Он не бежал и поступил в завод П.П. Мосолова. Там, встретив целую группу бычковых кобыл, этот внук Полкана дал серию призовых лошадей с победителем Императорского приза Быстрым во главе.

В таблицу потомков Петушка я внес ряд кобыл. О некоторых из них, например о Рынде, нет надобности говорить, ибо о ней уже упоминалось дважды. Говорил я и о дочери Петушка Гречанке, которая дала у Колесова Резвую. Последней я посвятил немало строк, когда опи-

сывал завод Ф.А. Терещенко. Там эта внучка Петушка, встретив жеребца с хорошо выраженной Полкановой кровью, не только создала рекордистов, но и основала замечательную женскую семью. Искра дала хороший приплод только при встрече с кровью Полкана. От Искры и Чародея (линия роговского Полкана) родился в заводе Жедринского превосходный жеребец Петушок, отец Персика и других призовых лошадей. Очень характерна деятельность дочери Петушка Заметной, которая состояла заводской маткой у Энгельгардта. Она сама была результатом встречи крови Бычка с Полканом 3-м и оказалась превосходной заводской маткой. К числу ее дочерей относятся Баба-Яга, давшая Буянку, мать Недотрога, и классная кобыла Чаровница 5.21. Когда Заметную в заводе Энгельгардта дважды кряду случили с хреновским Нарядным, то получились призовые Кинь-Грусть и Услад. Услад был замечательнейшей по себе лошастью и получил высшую награду на Всероссийской конской выставке в Москве в 1866 году. Нарядный, который так удачно подошел к дочери Петушка Заметной, был насыщен кровью Полкана, так как его бабка со стороны отца была от Великана, а его мать Проказница была дочерью Полкана 5-го.

Петушок, как и его отец Бычок, за очень небольшим исключением, дал свой лучший приплод от кобыл Полкановой крови. То же можно сказать о сыновьях и внуках Петушка. Следовательно, надо воздать должное величию Полкана 3-го как производителя и признать, что он был самым могущественным фактором в деле движения орловской рысистый породы по пути прогресса. Заводская работа Бычка и его лучшего сына Петушка может быть признана превосходной, но не феноменальной, ибо феноменальной была только заводская работа самого Полкана 3-го! Он при всех комбинациях кровей, при благоприятных и неблагоприятных условиях создавал таких рысаков, равных которым мы не встречаем среди других линий в орловском коннозаводстве. Бычки смогли удержать свое место в истории коннозаводства только благодаря сотрудничеству по женским линиям с Полканами.

Итак, сочетание Бычок + Полкан 3-й есть историческое сочетание. Ему я позволю себе присвоить наименование «третьего исторического сочетания», ибо первым, самым блестящим, было сочетание Полкан + Полкан, вторым – Полкан + Лебедь и только третьим – Полкан + Бычок. На этих трех сочетаниях, как на трех китах, целое столетие держалось все рысистое коннозаводство нашей страны. Теперь остается лишь пожалеть о том, что в свое время рысистые коннозаводчики недостаточно учли и использовали все те выгоды, которые они могли бы извлечь из разумной работы в пределах этих трех исторических сочетаний.

Широкая популярность и громкая известность Бычка

Можно смело сказать, что ни об одной лошади в России столько не говорили и так много не писали, как о шишкинском Бычке. На протяжении 75 лет Бычок был самой известной и самой популярной лошадей в России. В позднейшее время с популярностью Бычка мог конкурировать один Крепыш, имя которого также знала вся страна. Все остальные орловские рысаки, как бы ни были они знамениты, всё же были известны лишь относительно узкому кругу специалистов и охотников, тогда как Бычка и Крепыша знали самые широкие круги русского общества. В этой популярности Бычок был даже счастливее Крепыша, ибо у него, в особенности в первые десятилетия, совершенно не было врагов, тогда как Крепыша ненавидели и всячески старались дискредитировать коннозаводчики-метизаторы, которых во времена Бычка еще не было. Невольно задаешься вопросом: чем объяснить такую популярность Бычка? Ответ на этот вопрос распадается на несколько частей. Играла, конечно, немалую роль личность владельца Бычка, самого Д.П. Голохвастова, одного из виднейших представителей тогдашней Москвы. Лучи славы Голохвастова отражались и на Бычке. Кроме того, я полагаю, что широкая известность Бычка уже не в коннозаводских кругах, а среди таких лиц, которые мало или совершенно не интересовались лошадьми, также всецело шла от Голохвастова. Голохвастов был попечителем Московского учебного округа. О его пристрастии, вернее, фанатической любви к Бычку знали студенты, и из университетских стен вышла следующая эпитаграмма:

Вместо шеллинговиастов
Иль Пегаса-старичка
Дмитрий Палыч Голохвастов
Всё выводит нам Бычка!

Студенты декламировали эту эпитаграмму не только в университете, но и у себя по домам, эпитаграмма пошла ходить по Москве, а затем по России. Питомцы университета, покидая альма-матер и разъезжаясь по городам и весям нашего обширного отечества, не скоро забывали свои университетские годы, и в провинции эпитаграмма на Голохвастова тоже получила широкое распространение. Отсюда и исключительная известность Бычка, ибо каждого обывателя интересовал вопрос, что это за такой знаменитый конь, к которому питал столь нежные чувства попечитель Московского учебного округа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.